Сильвия Симмонс

ДАЖЕ ДЛЯ ЗИГГИ СЛИШКОМ ДИКО

«Жестоко. Правдиво. И очень, очень здорово написано!»

Марианн Фейтфул

АЛЬТЕРНАТИВА

Annotation

Рок-кумиры — каковы они есть и какими хотят себя видеть. Мир великого рок-н-ролла — в реальности и иллюзиях. Бред, причудливо переплетающийся с реальностью. Вымышленные персонажи, в которых без труда узнаются вполне реальные люди. Скандальная книга, над которой стонали от хохота или рычали от бешенства музыканты по обе стороны Атлантики! Все это рок-н-ролл!..

- Сильвия Симмонс
  - Пусси
  - Привет из Финсбери-парк
  - Счастливый конец
  - Пятно любви
  - Блюз могильного камня
  - Рядом с тобой
  - С высоты высокой
  - И слезы незнакомцев
  - Аллергия на Канзас
  - Рак от «диет-колы»
  - Я целовала сосок Уилли Нельсона
  - Вылитый портрет
  - Даже для Зигги слишком дико
  - Книга Иеремии, 18:1–10
  - Публика не слушает
  - Автограф
  - Святая заступница всех увечных
- notes
  - 1

Сильвия Симмонс

ДАЖЕ ДЛЯ ЗИГГИ СЛИШКОМ ДИКО

Пусси

Не могу сказать, что я уж очень ее любила, но несколько раз брала у нее интервью — при выходе каждого нового альбома или при начале очередного концертного тура. А потом она вдруг как-то незаметно исчезла с горизонта — словно испарилась без остатка! Впрочем, я о ней и не вспоминала — до того вечера в отеле «Конрад».

У нее, как у многих звезд, была большая голова. В прямом смысле слова. Непропорционально большая голова. Словно у куклы. Или у инопланетян на картинках. Терри напоминала кошку, только не живую, а детский рисунок кошки: огромная голова, большущие миндалевидные глаза, скулы, каких в жизни не бывает, и четко обрисованные карамельно-алые губы, словно из книжки-раскраски. А ниже головы — крохотное изящное тельце. Впечатление: весь жир из него отсосали и загнали ей в губищи.

Редакторы отряжали меня на интервью с ней ради «женского взгляда», потому что у журналистов мужского пола от одного вида этой самочки отнималась речь, они вставали на задние лапки и оставляли восторженные лужи на полу. А я могла давить на женскую солидарность: мы, мол, сестры и доверяем друг другу — между нами что-то вроде спиритуальной фаллопиевой трубы. Однако она всё равно смотрела мимо меня или сквозь меня — не то величаво-рассеянная королева, не то жующая на лужке корова. Взирала отрешенно-равнодушно — как со своего плаката, который украшал стены в комнатах исходящих спермой подростков по всей стране. Она отвечала на мои вопросы таким монотонно-механическим голосом, что я мало-помалу отвлекалась на посторонние мысли; меня тянуло в сон, и временами приходилось воровато поглядывать на магнитофон — не задремал ли и мой верный товарищ.

Все кругом звали ее Пусси, и это выводило Терри Аллен из себя. Она не уставала повторять устало-обиженным тоном: «„Пусси“ — это не я, а группа, в которой я пою!» Она даже придумала продавать рекламные бейсболки с надписью «„Пусси“ — это группа!». В бэнде, кроме Терри Аллен, было еще четыре парня. Она жила с одним из них — гитаристом по фамилии Тейлор, невысоким черноглазым брюнетом со здоровущим носом. У него всегда был довольно помятый вид — как после дискотеки до утра, которая закончилась групповухой. Ручки у Тейлора были маленькие, поэтому он играл на специально для него переделанной гитаре. Во время моих интервью он всегда сидел

где-нибудь в отдалении — молчком, только наблюдая и от избытка энергии постукивая ладонью о подлокотник кресла. Он был стержнем группы: писал песни и продюсировал диски. Ну и конечно, трахал всё, что двигалось, но двигалось недостаточно быстро, чтобы удрать.

Во время одного из интервью Тейлор гульнул прямо у нас на глазах. Пока Пусси, живая как натюрморт, что-то наговаривала на мой магнитофон, заметным усилием воли держа прямо свою неподъемную головищу, наш черноглазенький гитарист внезапно сухим жестом приказал их пиар-девице следовать за ним. Они вышли из комнаты отеля в коридор, и мы слышали, как за ними захлопнулась дверь номера рядом. Потом, много-много позже, когда Тейлор — из-за одного поперек сказанного слова — заменил эту девицу парнем, который возглавлял фэн-клуб группы, уволенная рассказала мне по секрету, что тогда произошло в соседнем номере. Не произнеся ни слова, Тейлор задрал ей юбку и засунул свою миниатюрную ручку сами понимаете куда — по самую кисть. У девушки было ощущение, что она кукла чревовещателя.

Поначалу Тейлор имел привычку допускать журналистов к Пусси лишь после предварительного разговора с ними — обычно в баре. Я была единственная женщина в мужской компании. Он разогревал всех шуточками и комплиментами, создавая атмосферу иронического интеллектуального братства и вкрадчиво распинаясь о том, что до появления Пусси группа была сосредоточена на художественном поиске, а нынче приходится быть попроще. Пусси он нашел в баре — работала официанткой. Затем в нужном духе обработанные журналисты — чертовы сексисты-пигмалионы! — направлялись разговаривать с Пусси. И та втайне бесилась, угадывая во всех вопросах один и тот же подтекст: что она — создание Тейлора; он сценарист, режиссер и постановщик всей пьесы, а она — просто смазливая мордашка на авансцене. Но деваться было некуда: она сидела на стуле как школьница за партой — с прямой спиной — и повторяла его тексты своими карамельно-алыми подушками. А журналисты одобрительно кивали, придвигаясь к ней на расстояние аромата ее губной помады — ближе и ближе к этому мечтательно-рассеянному лицу в рамке искусно взъерошенных не от природы золотых волос.

Теперь, поднапрягшись, я припоминаю что-то читанное в рубрике «А где теперь?..». Автор терялся в догадках, где теперь Пусси и чем она занимается, и надеялся на помощь читателей. Отозвался барабанщик группы — он ничего про нее не знал и использовал случай, чтобы отрекламировать свой новый проект.

Еще было письмо от одного ньюйоркца, который утверждал, будто видел Пусси в Центральном парке и долго шел за ней. По его словам, она выглядела как торговка дешевой наркотой — жирная, неопрятная и очень среднего возраста. И якобы постоянно что-то бормотала себе под нос — вроде как тексты своих новых песен. Автор письма приложил подслушанную им и на ходу записанную в блокнот поэмку — и редакция имела глупость опубликовать ее. Подростковая галиматья про секс и убийство. И дураку понятно, что парень накатал ее сам.

Разумеется, этому стихоплету никто не поверил. Однако сам факт встречи в Центральном парке мог иметь место. Думаю, даже жутко постарев и изменившись практически до неузнаваемости, однажды знаменитые персоны, глядя на фотографии которых онанировали тысячи малолеток, — эти однажды фантастически известные люди не могут окончательно затеряться в толпе. Слава наложила на них несмываемый след, что-то вроде татуировки на видном месте, которую ничем не прикрыть.

Короче, сидели мы, группа журналистов, в дальнем углу холла отеля «Конрад», а на улице хлестал дождь. Те, у кого следовало брать интервью, как обычно, безбожно опаздывали. Поэтому мы, человек шесть-семь, коротали время за пивом и трепом — зубоскалили и перемывали косточки отсутствующим коллегам. Конечно, рассказывали байки из боевого журналистского прошлого и делились точно дозированными сплетнями: с одной стороны, нужно было прихвастнуть своей информированностью, с другой — не дать коллеге перехватить горячую новость. Сейчас попробую вспомнить, как в разговоре всплыло имя Пусси. Ага, точно, началось с парня из таблоида, который травил черные анекдоты про Фредди Меркьюри и СПИД. Когда парень подхватился и ушел наверх — наконец прибыл его клиент, — мы продолжили разговор о покойных рок-звездах. Кто-то упомянул ведущего гитариста группы «Пусси».

Похороны Тейлора были засняты на пленку — для грядущего диска, посвященного его памяти. Толстые наглые папарацци сновали между крестами и каменными ангелами, выбирая лучший ракурс для съемки знаменитостей, которых набежало несметное число. Кладбище было черным-черно от рок-звезд. Поскольку черное для большинства из них что-то вроде обязательного повседневного мундира, то им даже не пришлось тратиться на траурный костюм. Шоу вышло на славу. Согласно завещанию покойника, гроб был изготовлен в виде гитары. Правда, окошко наверху все-таки не сделали, даром что покойный очень хотел понаблюдать из своей гитары за всем спектаклем — конечно, молчком, по своей и прижизненной манере. Однако

никому не улыбалось смотреть через это окошко на сто двадцать фунтов рубленого мяса. Тейлор погиб в автокатастрофе: смерть мгновенная, но неаккуратная. Представители фирмы грамзаписи, пиарщики и музыканты сыграли свои роли на кладбище великолепно — хоть на бис приглашай! Две его последние подружки были фотогенично вне себя от скорби, а его заурядные родственники — подобающим образом потрясены и трогательно неуместны в этой блистательной массе узнаваемых лиц. Члены группы появились с торжественными непроницаемыми лицами. На после похорон был запланирован джем-сейшн.

Пусси шла сразу за священником — миниатюрная фигурка в коротком черном платье. На большой голове — черная шляпка с вуалью а-ля Джеки Кеннеди. Вуаль не закрывала ее губ, и в крупном плане видно, как они дрожали, когда она стояла у разверстой могилы, нервно водя ногтем большого пальца по стеблю розы в своей руке. Все выстроились вокруг ямы в талантливо хореографированной скорби. Жужжание телекамер задавало ритм, дребезжащий старческий голос священника вел главную партию. Как только гроб опустили в могилу, первые капли дождя словно по заказу смазали картинку.

На том все и закончилось. И я забыла про Пусси. Напрочь. Все мы про нее забыли. Специфика нашей профессии — каждый день что-то новое, прошлое некогда перебирать.

Впрочем, вспоминается одно фото в газетах. По поводу выпуска альбома самых известных хитов группы. Это было много-много лет назад. К тому времени Пусси уже не общалась с прессой, и нью-йоркский папарацци щелкнул ее просто на улице. На снимке она была словно не в фокусе — что-то расплывчато-непонятное. Вроде невразумительных газетных фотографий бывших подружек «Роллинг Стоунз» в фазе движения от метадона к менопаузе и дальше — к растворению в воздухе. Казалось, на снимке — отражение Пусси в кривом зеркале: тело раздутое, а голова маленькая. Как будто привычка кусать губы сыграла дурную шутку: весь жир, поднятый в губы, нашел дырочку и протек через шею обратно в тело.

Итак, сидели мы в холле отеля, на низком столике громоздились пивные бутылки, и к нам как раз подошел очередной пиар-агент, чтобы пригласить наверх очередного журналиста, — как вдруг парень, который пописывает для одного еженедельника, посвященного рок-музыке, обронил: «А я вчера брал интервью у Пусси…» Однако начало его рассказа я пропустила — отвлеклась на знакомое лицо у стойки администратора. Журналисты, постоянно работающие с магнитофоном, иногда делают подобную ошибку во время самого

обычного разговора: перестают слушать в уверенности, что потом можно будет перекрутить пленку и восстановить пропущенное. Так люди, которые привыкли смотреть DVD-фильмы, могут не очень внимательно смотреть телепередачу.

Когда я опять «подключилась», парень рассказывал, что сразу после похорон Тейлора Пусси улетела в Нью-Йорк, где она жила вместе со своей бывшей костюмершей. Затем вернулась в Великобританию, закрутила роман с менеджером группы Джеком Мэкки и переселилась из отеля в его квартиру.

— Джек хотел организовать ее возвращение на сцену, — рассказывал парень, — носился с разными проектами, связывался с музыкантами, заказывал подходящие для нее песни. Он из тех редких менеджеров, которые душой сродняются с группой и искренне пекутся о своих ребятах. Но Пусси в конце концов бросила и его, и музыкальный бизнес вообще. Сказала, что хочет пожить какое-то время одна и в покое. Ведь это смешно — ей уже прилично за тридцать, а она еще никогда не жила в собственном доме и самостоятельно. Словом, собрала вещички и упорхнула в Нью-Йорк — с обещанием сообщить свой новый адрес и телефон, как только она там обоснуется. И как в воду канула. Ни слуху ни духу. Конечно, затеряться в таком огромном городе ничего не стоит. Но и тамошний музыкальный мирок — одна большая деревня, где всё про всех известно, и не успел ты что-нибудь подумать, как про это уже болтают на всех углах. Выходит, Пусси сознательно избегала любых контактов со старыми знакомыми.

Через какое-то время Джек Мэкки забеспокоился всерьез и стал ее разыскивать. Когда обычным путем ничего не получилось, он вбухал бездну денег в объявления во всех крупнейших газетах и журналах, в том числе и в женских. Даже организовал несколько фальшивых статеек-заманок: мол, ее ищет суперпопулярный режиссер, чтобы предложить роль в потрясающем фильме; или ее бывшая костюмерша и близкая подруга беременна, выходит замуж и хочет, чтоб Пусси была подружкой на свадьбе; или ее бывший телохранитель и хороший приятель умирает от рака и мечтает повидаться перед тем, как отдать Богу душу. Однако всё напрасно. Пусси ни на что не отзывалась…

Следует отдать менеджеру должное: шли годы, а он не унимался. И таки нашел ее! В Нью-Йорке. В препоганом районе. В крошечной однокомнатной квартирке. С ее деньжищами она, разумеется, могла купить себе лучшие апартаменты в лучшем районе города. Но тогда ее бы нашли в два счета. Мало того что она забилась в эту нору, она и телефон заводить не стала! Чтоб и через это случайно не засветиться! Чтоб совсем недоступной

быть!

Неуемный Мэкки, раздобыв адрес Пусси, стал засыпать ее телеграммами. Не отвечает! Тогда он прыгнул в самолет и явился в Нью-Йорк лично.

Квартирка оказалась в доме, который был словно из детективного фильма об убийстве в трущобах: мусор у парадной, мусор в холле, штукатурка отваливается кусками, кругом носятся детишки всех возрастов и цветов кожи… Пусси жила на втором этаже — в конце длиннющего коридора, у пожарной лестницы. Ну, звонит Мэкки в дверь. Никто не отзывается. Однако у него чувство — хозяйка дома. Мэкки приходит еще раз, и еще раз, и еще раз. И на следующий день приходит. В квартире шорохи, но по-прежнему не открывают. Тут уж он, конечно, свирепеет. Молотит в дверь кулаками и орет. Выходит дюжий сосед и обещает намылить ему шею, если он не уймется.

Короче, на третий день Мэкки возвращается с парой горилл. «Пусси, — орет он у двери, — я только ради тебя океан перелетел. И пока ты не откроешь, я с места не двинусь!» И снова ноль реакции.

Мэкки велит своим ребятам: крушите дверь! Те вмиг выламывают замок. Но дверь открывается на дюйм — и дальше ни-ни. Во что-то массивное намертво уперлась!

Парень замолчал, держа театральную паузу. Вся компания смотрела на него во все глаза и ловила каждое слово.

— Ну а что потом? — поторопил сотрудник «Таймс», который рисковал не услышать самое интересное, потому что у лифта как раз появился пиар-агент и знаками звал его наверх.

Рассказчик не спеша взял со стола свою пустую бутылку — опрокинул ее в рот почти вертикально и досмаковал последние капли пива. Затем торжественно произнес:

— Продолжение на страницах нашего журнала.

— Ах ты, гад паршивый! — процедил сотрудник «Таймс», резко встал и ушел прочь.

Рассказчик лукаво улыбнулся и продолжил:

— Охота мне даром продавать историю типу из общенационалки!.. Ладно, ребята, поехали дальше. Гориллы налегли плечами, и дверь медленно поддалась. Мэкки говорит, то был самый жуткий момент в его жизни, когда он заглянул внутрь — в полную неизвестность. Дверь была приперта огромным металлическим шкафом для хранения документов. И таких монстров в комнате было несколько. Плюс чертова уйма картонных ящиков всяких размеров — один на другом. Но пришедшие различили всё это не сразу — даром что день, в комнате было темно, потому что гигантский холодильник —

такой только в магазинной подсобке увидишь! — почти полностью закрывал окно.

Затем Мэкки разглядел и хозяйку. Бледная как глист, месяцами или даже годами она была заперта без света в этой комнате! Лицо одутловатое, некогда золотые волосы превратились в коричневую липкую шапку, которая отсвечивала, как конский каштан. По узким переулочкам этого городка шкафов Пусси двигалась только бочком и осторожно — рулила собой, как машина, что норовит втереться в освободившийся крохотный просвет между другими. Рядом с по-прежнему миниатюрной Пусси костоломы Мэкки выглядели несуразными великанами. Мэкки жестом велел им убраться в коридор.

Пока они стояли каменными истуканами снаружи, менеджер исследовал содержимое шкафов и ящиков.

Везде были папки. Множество папок. Папки, папки, папки. В каждой — пакетики-зипы с наклейками в верхнем левом углу. На наклейках что-то написано мелким аккуратным почерком. Некоторые пакетики казались пустыми, но если поднять их на полоску света над холодильником — в них, помимо капелек водного конденсата, виднелись какие-то белые крохотные хлопья — не иначе как остатки кокаина.

О содержимом других наобум выхваченных пакетиков не нужно было гадать. Но ясней не становилось. В одном комок волос с засохшей мыльной пеной — словно из фильтра в ванной. В другом пряди волос. В третьем — опять пряди волос. В четвертом — снова волосы. Мэкки ошалело, ничего не понимая, перебирал пакетики.

В самом верхнем ящике он нашел золотистые пряди. Ниже — каштановые у корней. Начиная с определенного ящика, волосы были полностью каштановые. В других пакетиках — выпавшие ресницы. В третьих — лобковые волосы. В четвертых — обрезки ногтей. Наклейки извещали, когда и где всё это было подобрано: из ванной, с расчески, с пола… Пакетики были аккуратно каталогизированы — согласно содержимому и дате. Группы, подгруппы и подгруппы подгрупп… Обрезки ногтей с правой руки были педантично отделены от обрезков ногтей с левой руки или с любой из ног… В квартире царила идеальная чистота. Нигде ни пылинки. Ибо любая пылинка тут же попадала в свой пакетик. То, что Мэкки принял за остатки кокаина, было на самом деле перхотью Пусси. Каждая перхотинка аккуратно поднималась с одежды или с пола, запиралась в пакетик и датировалась.

Хозяйка этих сокровищ наблюдала за тем, как Мэкки переходит от шкафа к шкафу и изучает их содержимое — почтительно возвращая каждый пакетик на его место. Маленькая,

отрешенная, она за всё время не проронила ни слова. Только перемещалась за незваным гостем неслышной тенью. Мэкки тоже молчал. В квартире было так тихо, что слышна была перебранка соседей за стеной.

Наверху заплакал ребенок. Ах да, еще гудел гигантский холодильник…

— Где эта чертова официантка? — вдруг закричал журналист, перебивая сам себя. — Я тут от жажды сдохну, пока она придет!

Сотрудник отеля, в чем-то элегантно-черном вроде фрака, мгновенно подпорхнул к нам и негромко солидно сказал:

— Будьте добры вести себя тихо. В противном случае я буду вынужден просить вас уйти в другое место. А вашим заказом я займусь.

Журналист, нисколько не обиженный, кивнул.

— Короче, теперь менеджеру хотелось одного — побыстрее убраться из квартиры, в которую он прежде так страстно желал попасть. Прочь, на свежий воздух. Чтобы не потерять сознание. Он не знал, что думать, что делать… Но тут его взгляд уперся в холодильник, на верхний край которого нужно было смотреть, запрокинув голову. Как было уйти, не заглянув в чрево этого монстра?

Пусси угадала его намерение и шмыгнула между ним и холодильником. Мэкки, не обращая на нее внимания, решительно взялся за хромированную ручку. В правой, более узкой части холодильника было практически пусто: пакет молока, несколько банок «кока-колы» и что-то непонятное в большом бумажном пакете из супермаркета. Зато огромная морозильная камера с выдвижными ящиками была забита почти до отказа. В ледяном тумане — невероятное количество мороженого. Ряды и ряды брикетиков. И знакомые пакетики-зипы.

Мэкки стрельнул глазами на Пусси. Та отошла от холодильника и стояла, привалившись задом к двери в ванную комнату, — снова без интереса к гостю. Ноги скрещены, руки сложены на груди — стоит и качается вперед-назад, как одуревшая от скуки девочка.

Мэкки выдвинул один из ящиков. В нем хранились замерзшие использованные менструальные тампоны и пакеты с оледенелой мочой.

У самых впечатлительных журналистов был такой вид, словно их вот-вот вывернет наизнанку. Один из них произнес: «Боже! Совершенно рёхнутая!.. Ладно, я сбегаю отлить. Скажите официантке — мне бутылку темного „Ньюкасла“», — и умчался в туалет.

— Мэкки взглядом отогнал Пусси и открыл дверь в ванную

комнату, — продолжал рассказчик. — Та оказалась чуть больше половичка: надо было протискиваться боком между стеной и допотопной ванной с коричневыми разводами от ржавой воды! Был там и унитаз, но на его крышке стоял высокий тяжелый деревянный сундук. А рядом втиснули биотуалет, какой обычно держат в жилом автоприцепе. Он перерабатывает ваше дерьмо в серо-коричневый порошок без запаха. И все шкафчики были забиты этим серо-коричневым порошком. Пусси явно не желала расставаться буквально ни с чем, что когда-либо принадлежало ее телу. Ни единая частица Пусси не имела права покинуть квартиру…

На этом рассказ не закончился. Но меня вызвали наверх — брать интервью. Думаю, парень не упустит возможности опубликовать эту историю. А что же с Пусси? Единственное, что я знаю: менеджер насильно увез ее в Англию… и планирует ее возращение на эстраду.

Привет из Финсбери-парк

У багажной карусели стоит мужчина в мешковатом синем пиджаке и провожает рассеянным взглядом чей-то невостребованный чемодан. Мужчине на вид примерно сорок лет, но у него фигура юноши, и он дивно хорош собой. Глаза большие и синие-пресиние — под цвет костюма. Русые волосы аккуратно всклокочены искусной рукой дорогого парикмахера. Плечо пиджака, который был бы велик и Арнольду Шварценеггеру, оттягивает дорожная сумка.

На карусель выскакивает большой черный кожаный чемодан. Мужчина не успевает и шевельнуться: девушка в форме наземного персонала мчится к чемодану, хватает его и ставит с застенчивой улыбкой у ног синеглазого красавца. Тот, не глядя, рассеянно благодарит ее, поднимает чемодан на колеса и катит за собой в сторону зеленого коридора.

О, таможенный контроль аэропорта Хитроу! Чистейшая поэзия! Тонкие деревянные неказистые перегородки — словно наспех построенная выгородка в больнице для бедных. Одна угрюмая физиономия в мундире встречает в начале коридора, другая, еще более угрюмая, провожает в конце. Глаза таможенников буравят тебя до самого нутра, прожигают путь к сокровенным глубинам твоей души. Даже честнейшему человеку становится не по себе — идешь на ватных ногах и стараешься сохранять нормальный вид. А где-то недостижимо впереди родные и знакомые призывно машут руками. Как праведники из рая — тем, кто в чистилище.

Но Спайк, сколько он ни старайся, не может иметь нормальный вид. Он — звезда. Где бы он ни появился, все смотрят только на него. Купаться в чужих взглядах для него так же привычно, как для нас — ходить незамеченными. И таможенные буравчики на него давно не производят никакого впечатления. Однако сегодня, именно сегодня, под тяжелым взглядом мужчины в форме слуги ее величества Спайк весь сжимается и начинает ерзать в своем непомерном пиджаке. Таможенники взирают на него с откровенным упреком в глазах — этот взгляд испытал на себе всякий британец, возвращаясь на родину: гореть тебе, дружок, в аду за то, что ты осмелился покинуть родину! И даже возвращением ты не искупаешь свою вину!

Один из таможенников делает многозначительный кивок другому, делает шаг к Спайку и останавливает его елейно-вежливым смиренным голосом, не терпящим возражений:

— Извините, сэр, вас не затруднит пройти сюда и поставить вещи на стол? Спасибо, сэр. Вы позволите взглянуть на ваш паспорт?

Разумеется, они знают, кто он такой. Кто же его не знает? И почтальон, и банковский клерк, и уборщица — всякий знает всё, от размера бассейна на его вилле до длины и толщины его члена. Последняя подружка Спайка, юный смазливый ангелочек, только что продала прессе историю их взаимоотношений со всеми сочными подробностями. В минувшее воскресенье утром, за яйцами с беконом, пятнадцать миллионов его бывших соотечественников узнали, что Спайк «неугомонен как кролик» и «оснащен как жеребец». Довершая эту любовь втроем (ты, я и вся Великобритания), девица заверила, что «стоит Спайку заголить свою чудо-палку, так даже и покойник захочет сесть на нее».

От этого воспоминания он улыбается про себя и даже ощущает шевеление «чудо-палки» в штанах. Но приятное возбуждение тут же сменяется морозом в мошонке. Судя по решительным рожам таможенников, они намерены пригласить его в служебную комнату… чтоб он перед ними заголил все места и они могли вечером похвастаться в пабе перед друзьями, что видели пресловутую бетономешалку и — «ей-ей, ничего особенного!». Его зад так хорошо знал резиновую перчатку и трубу с фонариком, что имел боевые шрамы от этих бесчисленных встреч. Но то было в давние-предавние времена, когда таможенники имели добро на отстрел рок-звезд двенадцать месяцев в году, и те сдергивали штаны с блистательной бравадой — как Малколм Макдауэлл в фильме «Если». Наклонялись с презрительной усмешкой и всем своим видом давали понять: неприятно, когда копаются в твоей жопе; неприятней этого только одно — копаться в чужой жопе. Однако времена изменились. Рок-звезды нынче не дружат с наркотиками. Потому что эта дружба, среди прочих минусов, накладна и для анального отверстия… Леденея душой и мошонкой, Спайк старается сохранить беспечную улыбку на губах.

— Разрешите спросить вас, сэр, откуда вы возвращаетесь? Из Лос-Анджелеса? Какова была цель вашего визита? — Таможенник не отрывает взгляд от паспорта, который пролистывает. Истрепанные страницы пестрят визами и штампами. Глаза таможенника натыкаются на американский грин-кард. — А, понятно. Вы там живете…

За вежливостью Спайк чувствует ядовитую угрозу. Очень по-британски! «Прошу прощения, сэр, я вынужден всадить вам нож в живот. Если не возражаете…» — «О нет, пожалуйста, делайте как вам удобно». — «Извините, сэр, но я позволю себе еще и

провернуть лезвие в вашем многоуважаемом животе. Надеюсь, я не доставил вам неудобств?»

— Не корите себя, — говорит таможенник. — Недавно проводили опрос: половина живущих в Великобритании хотели бы жить в другом месте. В *любом*другом месте. Вы не есть печальное исключение.

Таможенник захлопывает паспорт и отдает его Спайку.

— Спасибо, мистер Матток. Будьте добры открыть свой чемодан.

От таможенника разит дешевым жидким мылом и синтетической кожей.

Спайк с непринужденным видом крутит колесики цифрового замка и распахивает чемодан.

— Так, так, — бормочет таможенник, беря лежащую поверх всех вещей упаковку презервативов и, к вящему удовольствию проходящих мимо пассажиров первого класса, размахивает ею в воздухе. — Бережешься, Батток?

Спайк его не слушает. Стоит как фотография себя самого.

Тогда мужчина в форме говорит громче:

— А ты не изменился, Батток. Мы по-глупому брюхатили девок и влетали в неприятности, а ты был умницей — всегда в резиновом костюмчике.

Батток.

Его школьное прозвище. [1]Спайк вздрагивает и упирает оторопелый взгляд в таможенника.

Коротышка, более или менее худой, но какой-то расползшийся. Нездоровый цвет лица — серовато-бледный, как нежеванная жвачка, год назад забытая в кармане пальто. Волосы редкие, прежде, наверное, бодрого цвета полевой мыши, а теперь цвета мыши домовой — скучно-серые. Весь мужчина какой-то сухой и серый, за вычетом красных рук и красных жилок на щеках. Кто же он такой? Их школьный учитель? Или отец одноклассника?

— Да ты, похоже, не узнал меня, Батток!

Спайк ясноглазо смотрит на него.

— Простите, мы разве знакомы?..

— Джон Дэйвс. Средняя школа в Финсбери-парк. Неужели не помнишь?

Спайк искренне старается вспомнить. В голове пулями проносятся десятки лиц и фамилий — и все мимо цели. Его прошлое до такой степени прошлое и до такой степени заслонено ретушированными фотографиями и многократно переправленной биографией, что Спайк не столько вспоминает, сколько машинально пролистывает в голове страницы книг о себе и

прочесывает свои недавние интервью в поисках информации о Джоне Дэйвсе. И Джона Дэйвса нет ни в одном указателе фамилий.

— Ну, напрягись же! Задавака Дэйвс! Ты еще у меня гитару одолжил и не вернул. И лапал мою сестру. *И, черт побери, трахал мою тогдашнюю невесту, а теперь жену!*

Неопределенный смешок. Не понять, унижает он или унижается.

И тут Спайк вдруг вспоминает. Накатывает холодная волна нестерпимой вины. Вины вообще, вины за всё — начиная с того, что он не узнал старого приятеля, и кончая тем, что его, Спайка, не было рядом с матерью, когда та умирала. И последним, что она слышала, оказались телеоткровения восемнадцатилетней девицы, которая вдохновенно живописала член ее сына.

Немудрено, что в памяти такой сумбур, — Спайк перелетел через океан и, соответственно, сбил биоритмы. Вчера — или всё еще сегодня? — он был в лос-анджелесской студии звукозаписи, а сегодня вот в Англии, и завтра — похороны матери… Ну да, это ведь дружище Задавака Дэйвс! Как же мне его не помнить!

Спайк навешивает на лицо фотогеничнейшую улыбку.

— А у меня мелькала мысль, — говорит таможенник, — что мы можем встретиться. Пару недель назад тут проходил, к примеру, Майкл Кейн. Служба такая, кого только не видишь! Все профессии и все классы. Хотя с хорошим человеком особенно не разговоришься. Вошел-вышел — быстро, как в борделе. А сколько говна мимо меня проходит — ты и не поверишь. — При этом таможенник машинально открывает взятую из чемодана упаковку презервативов и рассеянно-проворным профессиональным жестом прощупывает наугад один из пакетиков. — Если бы мне платили хотя бы пятерку за каждого придурка, которого я ловлю с начиненным «Дьюрексом» в кишках, я был бы уже богатым человеком. Никогда не видел, что происходит с человеком, когда внутри него разрывается презерватив, набитый наркотиком? В худшем кошмаре такое не приснится. А я наблюдал сто раз. На днях мы остановили парнишку с шестью закрутками героина в кишках. В служебной комнате два специалиста битый час прилежно заливали в глотку этого героя касторовое масло и ждали, когда оно выйдет из другого конца…

Проходящие мимо люди узнают Спайка, таращатся на него и показывают пальцами. Спайку вдруг становится неловко от этого внимания — словно он сознательно рисуется перед своим старым школьным приятелем. А таможенник наблюдает за ним с иронически вскинутыми бровями.

— Все от тебя в восторге, да? Все хотели бы прикоснуться к

тебе, припасть к твоим стопам… Погляди на ту бабенку. Она, сто процентов, описалась от радости, что тебя углядела. Замечаешь, как странно шагает? Можно сразу отличить англичан от американцев. Вот эти — англичане; прекрасно тебя узнали, однако нарочито отводят глаза — дескать, нам плевать! А которые остановились и рты открыли — это явно американцы.

Корпулентная женщина отделяется от группы туристов, подплывает к ним и бесцеремонно хватает Спайка за руку.

— Я вас узнала!

Ее лицо так близко, что Спайк чувствует перегар после самолетного шампанского, запах несвежей одежды и парфюмерии из «дьюти-фри», которую толстуха попробовала на себе одиннадцать часов назад. Спайк молча, с деревянным выражением лица смотрит ей в глаза.

Таможенник собирает в кулак всю власть британского правительства и начинает цедить:

— Мадам, если вы желаете предъявить что-нибудь для таможенного контроля…

— Только не надо грубостей! — говорит женщина и с достоинством удаляется, издалека крича своим друзьям: — Я была права. Он самый и есть!

У Спайка раскалывается голова. Он плохо переносит долгие перелеты. В самолете еще крепился, но потом, на земле, тело словно вспоминает, как ему было неловко под облаками и в замкнутом пространстве самолета, где и до первого класса доходят миазмы из «эконома».

Таможенник тем временем копается в аккуратно сложенной одежде. Явно ничего не ищет, просто перебирает вещи. Спайк, сунув руки в карманы штанов, молча наблюдает за ним.

— Миленькая сорочка, дорогущая… Когда поработаешь с мое, мгновенно отличаешь стоящую вещь от дешевой подделки. Фальшивого лакостовского аллигатора я угляжу за пятьдесят ярдов! Эти ребята уверены, что они копируют тютелька в тютельку. На самом деле всегда есть ничтожные погрешности. Глаз у меня до того наметанный, что мне не слабо угадать, из какой мастерской именно этот поддельный «Ролекс» и на какой торговой улице Гонконга он был куплен! Поэтому я сразу понимаю, кто передо мной, — человек, который пыжится выглядеть богатым, или настоящий миллионер. Вот эта вот сорочка стоит целое состояние. Интересно, сколько ты поимел за один такой хит, как «Непритворная любовь»? Полмиллиона? Миллион? У меня брат работает в фирме грамзаписи. Так он говорит, гонорары поп-звезд космические, однако большинство из них — жадные как не знаю кто. Если они суют руки в карманы, то

не для того, чтоб деньжатами потрясти, а просто яйца почесать.

Спайк машинально вынимает руки из карманов.

— Моя дочка на днях купила один из твоих старых альбомов. На блошином рынке. Спору нет, некоторые песни выше всех похвал, куда лучше твоих нынешних. Ты с годами стал переусложнять. Хочешь высоколобым критикам угодить? Ты когда-нибудь задумывался, где и как люди слушают песни? Починяя машину? Или на унитазе? Одеваясь на работу? Или трахаясь? Занятно получается: совершенно незнакомые тебе люди трахаются, а ты как бы стоишь рядышком… Моя дочь Линда говорит, что она под тебя тренируется и сбрасывает напряжение. Надеюсь, в этом нет ничего двусмысленного. Ей уже шестнадцать, моей старшей. Судя по тому, что про тебя пишут, она для тебя старуха. Но Линда, странное дело, благоговеет перед тобой. «Оснащен как жеребец». Ха! Видел я твоего «жеребца» в душевой после уроков. Скорее шотландский пони. Помню, раз застукал тебя с Джонеси. Он стоял возле тебя на коленках и явно не на кларнете играл… Ну-ну, не бойся, Батток, твои тайны умрут со мной. Мне всегда как-то везет заставать людей на горячем и видеть то, что норовят скрыть. Своего рода талант. Очень помогает в работе.

Таможенник возвращает в чемодан сорочку, которая стоит целое состояние, и лукаво напевает, неожиданно вполне терпимо подражая Элтону Джону: «Don’t let your son go down on me…»

— Я ведь тоже когда-то пел, причем неплохо, — говорит он. — Даже лучше тебя. Намного лучше. Поэтому я не понимаю, отчего повезло именно тебе. Ты, наверное, не знаешь, но я довольно долгое время пел в одной группе плюс руководил и сочинял песни. Конечно, ты не знаешь. Откуда тебе знать? Тебя такие вещи не интересуют. Мы несколько лет играли в пабах на севере Лондона. Имели своих фанатов. Разумеется, на местном уровне. Хотя шла речь о записи диска. Хотели назвать его «Привет из Финсбери-парк». Мол, сделаем сотни копий, разошлем по нужным местам и попробуем раскрутиться. Увы, на всё это требовались время и силы. А тут текучка: репетиции, выступления до утра, осложнения с женами и подружками… Когда Дон забеременела, я завязал с группой. Надо было стабильно зарабатывать и строить семью. Я, кстати, и по сей день пишу песни. Да. Вот возьму и пошлю тебе свои записи — вдруг чего с ними и сотворишь… Шучу. К тебе с этим, наверно, сто раз на дню подкатывают.

За соседним столом таможенник с триумфальным видом выуживает из чемодана батон салями и с насмешливым возмущением размахивает им, а его вот-вот бывший владелец,

раскрасневшись, спорит с ним. Задавака Дэйвс одобрительно кивает в сторону коллеги.

— Не далее как сегодня в первом же чемодане, который я открыл, был кусок мяса, завернутый в тряпку. Он *кишел*червями. А его владелица мало-мало не выцарапала мне глаза, когда я его конфисковал. Порой диву даешься, до чего же глупа путешествующая публика! Ты не поверишь, какие идиотские вещи некоторые люди пытаются ввезти в страну. — Тут таможенник делает строгое лицо и лупит официальной скороговоркой: — «Извините, сэр, это серьезное нарушение британского закона об импорте — раздел сорок пять, параграф семь „а“. Я вынужден прибегнуть к конфискации и ставлю вас в известность о неизбежности дальнейших юридических последствий». Требуешь паспорт, с каменной рожей заполняешь бланк о нарушении — и видишь, как у дурачка пот выступает на лбу и глаза из орбит лезут. Откладываешь бланк в сторону и со вздохом роняешь: «Ладно, на этот раз прощаю. В суд передавать не стану. Но в *следующий*раз…» И благодарный олух хватает свой чемодан и трясущимися руками пытается утрамбовать обратно все вещи и застегнуть молнию — как мальчишка, которого мать застала с членом в руке. Британия спасена от контрабанды, а никак не учтенная конфискованная вещь идет в фонд помощи самому себе — побочный доходец, компенсация за тяжелую службу отечеству. Да, и у людей *на нормальной*работе есть свои маленькие радости. Сорок лет оттрубишь — и получай в награду тесный домик, просторную в талии супругу и капиталец в банке, который позволяет ежегодно пару недель нежиться на солнышке в Коста-Дель-Соль… А у тебя вилла что надо, видел снимки в женином журнале «Хеллоу»! Бассейнище. Джакузи. Дж-ж-жакузи, так его растак. Моя благоверная на меня наседает: хочу эту самую, джакузю. Вынь ей и положь. Жить не может без корыта с собачьими титьками по стенкам. Я ей говорю — на тебе пятерку, купи карри с горохом, нажрись, залезай в ванную и попердывай — чем тебе не джакузя?

Да, я женился на Дон Берчилл — подружке твоей тогдашней подружки Минервы. Невысокая такая, с большими грудями. Ты ее однажды трахнул, помнишь? Нет, конечно. А она — помнит. И после третьего стаканчика *любому*рассказывает, как ее когда-то оттянул по всем правилам науки великий и несравненный Спайк Матток. Как вы в постели целовались-кувыркались, как она у тебя сосала, а ты ее лизал. И меня частенько донимает: «Почему ты меня никогда не полижешь — как Спайк?»

За соседним столиком таможенник и девушка интимно склоняются над чемоданом, их волосы почти соприкасаются. На

неожиданно громко произнесенное «Почему ты меня никогда не полижешь — как Спайк?» они разом поворачиваются, словно сросшиеся головами сиамские близнецы.

— А твои родители по-прежнему живут в Финсбери-парк? То есть твой отец… Приношу соболезнования по поводу кончины твоей матери — читал в газете. Ты и прилетел, разумеется, на похороны. Впрочем, ты наверняка переселил их в более приличный район. По-моему, любой район приличнее Финсбери-парк! Мы сами давно оттуда уехали, перебрались ближе к Хитроу. Я зарекался жить в пригороде, но никогда ведь не знаешь, как жизнь повернет. Человек ко всему привыкает. Мы переехали после рождения нашей младшенькой, Скарлетт. Назвали не в честь Скарлетт из романа, а в честь героини твоей песни. Так жена захотела. Только недавно она призналась, что даже написала тебе письмо и просила быть крестным отцом девочки. Говорит, ты ей ничего не ответил. Возможно, даже письма не получил. Впрочем, тебе таких предложений делают миллион в месяц. Небось держишь платных церберов, которые глупые письма до тебя не допускают и следят, чтоб всякие неумытые в твою жизнь не лезли, не похабили ее своими наглыми желаниями, не отравляли воздух своими банальными испарениями. Любопытно, Батток, какой видится жизнь оттуда, *сверху?*Какими кажемся оттуда *мы?*

Набегает толпа из эконом-класса — с горками неказистой поклажи на тележках. Они таращатся на Спайка, переглядываются, его имя шелестит между ними снова и снова. У самого же Спайка голова вот-вот лопнет от боли, словно это и не голова вовсе, а стиральная машина, в которой вертится тысяча мешков с грязным бельем.

Из угла чемодана таможенник выуживает книгу и читает вслух ее название: «Жизнь и как ее перетерпеть». Его лицо вдруг наливается кровью.

— Ну дела! — говорит он с тяжелым вздохом. — Если *ты*недоволен жизнью, то чего ожидать нам, простым смертным! Ты ведь всего достиг, Батток. Блаженствуешь безмятежно, как ребенок миллиардеров. И я рад за тебя. Повезло так повезло. Улыбнулась госпожа удача. Дай тебе Бог и дальше всего хорошего…

Красными трясущимися руками таможенник начинает запихивать вещи обратно в распотрошенный чемодан.

И вдруг в гудящей голове Спайка с сумасшедшей ясностью всплывает во всех подробностях картинка из прошлого. Так, словно он видит ее на развороте журнала. Он сидит в спальне Задаваки. На новом ковре цвета электрик с полосками красного,

черного и желтого. Его взгляд упирается в ветхие обои на стене — допотопные комичные «Звери в джунглях». Задавака травит, что эти обои нельзя менять: дом старинный, охраняется как исторический памятник, и обои — тоже памятник. Впрочем, обои почти не видны за бесчисленными плакатами «Битлз», «Стоунз», футбольного клуба «Арсенал» и чудовищных размеров картой обоих полушарий. Соединенные Штаты на карте закрывает самодельная афиша «Мировое концертное турне Задаваки Дэйвса, 1965 год». На этажерке стоят виниловые пластинки. И проигрыватель — предмет лютой зависти Спайка. У его родителей денег на проигрыватель не хватает. Задавака полулежит на постели и наяривает на дешевенькой акустической гитаре. А Спайк, прислонившись спиной к стене, восседает на полу и выбивает ритм на крышке от «Монополии». Снизу доносятся вопли отца Задаваки, который требует прекратить этот поганый шум, иначе он поднимется и надерет поганым мальчишкам их поганые уши. У Спайка что, своего дома нет? Вот и шли бы безобразничать туда!.. А дома у Спайка мама уже сварила обед. И когда Спайк прибежит, квартира будет полна веселых запахов свинины и соуса, и мама погонит его накрывать — отец раскричится, если придет домой, а стол не готов. Бедный папа. Как им всем жилось и выживалось всё то долгое время, что он их не видел?

Спайк протягивает по-над столом сочувственную руку.

Но таможенник решительно уклоняется.

— У меня всё в порядке. Не советую лишаться из-за меня сна. Чтоб оставаться огурчиком, тебе надо много спать. Ты уж меня извини, что я на тебя наехал и вдобавок нюни распустил. Переработался. Тяжелая неделя. Ночные смены. Солнца не вижу, одни лампы дневного света. Словом, разваливаюсь на глазах. Кровь бежит по жилам всё медленнее и медленнее. Ударь меня сейчас кулаком — я, кажется, не отлечу, а просто сомнусь, как муляж из папье-маше. А если меня перевернуть вверх тормашками — посыплется всякая пыльная дрянь, как из пылесосного мешка.

Знаешь, Батток, что самое страшное? Самое-самое страшное? Бессильно наблюдать за тем, что с тобой приключается. Это как во сне, когда тебя разрезают на куски, а ты парализован и ничего против этого сделать не можешь. Глядишь на то, что с тобой делают, и отлично понимаешь, чем всё это кончится, но ничего, совершенно ничего сделать не можешь.

Таможенник захлопывает чемодан и проворачивает колесики цифрового замка.

— Ну вот, всё. Передай от меня привет папаше. Даже не

верится: Спайк Матток, один из нас, и вон куда выметнулся!.. Чудеса. Моя благоверная и девочки будут на седьмом небе от счастья, когда я расскажу им про нашу встречу.

Он снимает чемодан со стойки и ставит его на пол.

— Автограф-то дашь?

Счастливый конец

Из моей записной книжки

Где-то читала, что Бодлер однажды пришел домой со склянкой дорогих духов и дал понюхать их своей собаке. С отвращением отскочив, та сердито облаяла флакон. «Да, — сказал Бодлер, — принеси я тебе кусок дерьма, ты бы скакала от радости и весь его изнюхала, а потом бегала бы по городу с мечтой найти и лизнуть жопу, из которой произошло это дерьмо. А тому чудесному, что я предлагаю, ты готова перекусить горло. Ты как моя публика — и отныне я буду потчевать вас только дерьмом».

— Пятнадцать минут славы для каждого? Всего пятнадцать минут? — со смаком говорил в выносной микрофончик сотового телефона глава репертуарного отдела, большой любитель потрепаться и пофилософствовать на публику. — Чушь собачья, дружище! Каждый человек в будущем заимеет собственный персональный телеканал, посвященный только его жизни!

За спиной его называли Маленький Будда или, короче, Эм-Бэ.

Он был такой юный пухлый толстячок с совершенно детской застенчивой улыбкой на совершенно детском лице, что создавалось впечатление: вот простодушный волшебник, который запросто, из одного каприза, убьет тебя и возродит в виде прекрасного принца… или навозного жука.

Собственно говоря, он и был таким волшебником — в музыкальном бизнесе глава репертуарного отдела фирмы грамзаписи есть главный превращатель в прекрасных принцев или в навозных жуков.

Говоря в микрофон, Маленький Будда доброжелательно улыбался нынешнему предмету его магического искусства — очередному претенденту на возвращение на сцену.

Претендент сидел на стуле прямо, напряженно.

А Эм-Бэ полулежал в огромном кожаном кресле, положив ноги на край своего неоглядного письменного стола. Под одному ему слышную мелодию Маленький Будда покачивал жирными бедрами, словно толстая домохозяйка в гимнастическом зале.

Кэл Уэст был в строгом черном костюме. Этот костюм в сочетании с бледным лицом и чинно лежащими на коленях

руками делал его более похожим на сотрудника похоронного бюро, чем на рок-певца, который планирует триумфальное возвращение в бизнес. Ему исполнилось пятьдесят, и он выглядел на пятьдесят. Моложе были только глаза — испуганные гляделки первоклассника, которого мама не приехала забрать из школы. Пальцы рук на коленях неприлично дрожали, ладони увлажнились. Кэл Уэст рассеянно наблюдал за бедрами Маленького Будды и вдруг почувствовал, что его укачало и сейчас стошнит.

Он быстро отвел глаза. И тут же в углу комнаты увидел своего брата. Тот прятался за картонным рекламным Брюсом Спрингстином в натуральный рост. Кэл хотел было мотнуть головой в другую сторону, но зловеще раздутое голое тело брата — синевато-серое, как топленое сало, — приковывало взгляд. Открытый рот покойника был набит песком. Брат открыл невидящие глаза, подмигнул и хулиганисто показал средний палец.

Кэл резко развернулся — в надежде с другой стороны увидеть своего психиатра Хэнка. Однако там никого не было. Сегодня Кэл предоставлен самому себе, сегодня он сирота. Он впился ногтями в колени, вперил взгляд в платиновый альбом на стене и попробовал представить, как вел бы себя в подобной ситуации Дэвид Леттерман.

Дэвид Леттерман снял бы пиджак, закатал рукава и раскинулся на стуле, словно это шезлонг.

А потом расцвел улыбкой, которой хватило бы на сто Чеширских Котов.

И Кэл снял пиджак, закатал рукава, раскинулся на стуле… но расцвести улыбкой не успел. Дверь за его спиной шумно распахнулась. Кэл вздрогнул и опять выпрямился в сотрудника похоронного бюро. Только без пиджака и с закатанными рукавами.

— Ладно, пора заканчивать — дела зовут, — сказал Маленький Будда в микрофон. — Заходи, Джоэл, не стесняйся. Ты-то нам и нужен. Как раз о тебе беседовали.

Джоэл, продюсер звукозаписи, был поджарый загорелый малый неопределенного возраста: золотистый атласный жакет а-ля восьмидесятые годы, выбритая голова и бородка а-ля девяностые. Он стремительным шагом подошел к Маленькому Будде, игриво-дружелюбно снял его ноги со стола и медведисто облапил главу репертуарного отдела.

— Выглядишь на миллион долларов! Ну, как жизнь молодая?

— Бьет ключом. Знакомься, Джоэл, это Кэл, если ты его вдруг не узнал. Кэл, разреши познакомить — Джоэл, замечательный

сукин сын. Я хочу, чтоб вы на пару трудились над нашим проектом.

Джоэл подошел к Кэлу, пожал ему руку и дружески потрепал по плечу, словно они старые друзья, которые сто лет не виделись. Потом сел на стул, закрыв собой картонного Брюса Спрингстина. Кэл украдкой попытался заглянуть за Джоэла и проверить, на месте ли брат… Угол комнаты оказался пустым.

— Дружище, я твой страстный поклонник, — сказал Джоэл. — Номер один среди твоих фанатов. Мне давали твою новую пленку — там обалденные вещи. «Море стонет», «Мутно-оранжевое небо» — это полный улёт! А на «Старике и море» я весь слезами изошел, клянусь! Кстати, у меня есть для тебя готовая ритмическая группа — ребята, которых я опекаю, — добавил он, словно эта мысль только что пришла ему в голову. — Вы просто созданы друг для друга! И я знаю одного классного клавишника — отметился в восьми топ-хитах подряд! Вы отлично сойдетесь. — Затем последовала перемена тона из бодрого на сдержанно-сочувственный. — Он, знаешь ли, тоже потерял брата: автокатастрофа в Венеции. Гад буду, если вру. Я предложил ему поучаствовать в твоем возвращении на сцену, и он затащился от радости. Он тебя обожает.

— А тебе понравилась песня о лошадях? — спросил Кэл. — Моя самая любимая. Первая из тех, что я написал для своего возвращения. «Эти большие крепкие лошади наверняка потеют как лошади», — напел он своим ангельским голосом с сексуальной хрипотцой.

Маленький Будда бросил на Джоэла быстрый взгляд, который тот правильно расшифровал: в данный момент потные лошади — номер один в списке самых ненужных лейблу вещей, и если ему эта песня случайно нравится, то она должна ему немедленно разонравиться.

— Класс! — сказал Маленький Будда, беря разговор в свои руки. — Нам подходит девяносто процентов того, что ты сделал. То есть, как я уже говорил, нам по душе твои новые работы, и мы готовы тебя поддержать. Только я хочу, чтобы в твоих песнях было, как бы это выразиться, больше *сегодня.*По звуку что-то среднее между «Кросби, Стиллс энд Нэш» и «Паблик энеми». И с хорошей порцией вызова и протеста. Так сказать, надрывный крик сердца… только надрыв не громкий, такой нежный, почти неслышный… Чтоб ершисто, но *гармонично,*не в лоб. Чтоб всех проняло, но никого не задело. Короче, прежде у тебя было лето. И музыка соответственная. Теперь у тебя осень жизни. Пора подбивать бабки. Понимаешь меня? Только без обид. Я дело говорю. От тебя ждут мудрости. Ты живая легенда, ты прошел

через ад: наркотики, нервные срывы, сумасшедшие выходки. И, благодарение Богу, в итоге победил. Вот это для людей исключительно важно.

«Нет, — подумал Кэл, — не Бога надо благодарить, а Хэнка. Он не просто мой психиатр. Он мой доктор, мой соавтор, мой парикмахер, мой гуру, мой друг — единственный друг. Без него я ничто».

— Сам знаешь, Кэл, — продолжал Маленький Будда, — далеко не всем твоим современникам удалось выйти живыми из персонального ада. Тебе дьявольски повезло. И все хотят слышать рассказ выжившего ветерана: и критики, и публика — вся наша огромная грёбаная *демография.*Они ждут твоего возвращения, как глотка воды в пустыне. И когда в народе такое настроение — о, тут надо ловить момент, это в нашем бизнесе бывает реже редкого! Твой *очередной*альбом — я ненавижу термин «возвращение на сцену» — будет великим *продолжением*твоей музыкальной карьеры, откроет новую фазу в твоей жизни.

Однако Кэл уже сам угадывал начало новой фазы в своей жизни. Он прошел через столько фаз, что начало новой прозевать не мог. И он прошел через столько отвратных, диких фаз, что начало хорошей ни с чем спутать не мог. Этот этап своей жизни он про себя называл эпохой Дэвида Леттермана. Кэл не раз говорил Хэнку, что в современной Америке Дэвид Леттерман — самый обожаемый человек, пример для подражания. Он как бы совершенно неэгоистичный эгоист. Носит безумно дорогие темные строгие костюмы, но на нем они выглядят хиппово — словно он в них принимал душ и валялся в пыли. И все кругом твердят, что он и в шоу-бизнесе оказался суперталантлив — поднимает к славе певца за певцом. Кэл купил себе костюм в стиле Дэвида Леттермана — тот же цвет, тот же покрой… И пытался всего себя перекроить под Дэвида Леттермана.

— Ну, что скажешь, Кэл?

Кэл молчал, вспоминая свои поганые фазы. Был у него период, когда он выдавал себя за беременного. Совершенно безумная идея? Но, как правильно заметил Хэнк, по-настоящему сумасшедший только тот рок-певец, который выдает себя за нормального. Каждое утро Кэл бежал в туалет, совал два пальца в рот и блевал — как беременная в первые недели. Дни и ночи он проводил почти безвылазно в постели. Когда сестры пытались урезонить его и вытащить в студию, он молча показывал им на свой живот: разве я могу работать в таком состоянии? И позже его, добровольного пенсионера, неоднократно соблазняли вернуться в музыкальный бизнес. Одно время пошла особая мода: молодые поп-звезды вытаскивали на сцену забытых «старичков».

К примеру, «Пет шоп бойз» возродили из пепла Дасти Спрингфилд — а Кэл любил Дасти Спрингфилд. Потом был один настырный малый из Англии — Кэл забыл его имя. Этот парнишка имел большой успех у девочек-подростков — трогательно разливался в своих песнях про то, как несладко живется в спальных районах Манчестера. Хотя на письмах стоял обратный адрес: Лондон, Челси. Парнишка, видать, крепко на него запал, потому что писал снова и снова. Собственно, это были любовные письма. Парень утверждал, что он не гомосексуалист, но если Кэл согласится записать альбом вместе с ним, он готов отрезать себе член к чертовой матери и с помощью хирурга сочинить влагалище. Кэл однажды даже ответил ему. «Я бросил музыку, потому что больше не хочу быть знаменитым. Быть знаменитым на самом деле нисколько не сладко. Сейчас у меня единственное желание — чтобы меня оставили в покое и забыли напрочь. Могу сказать, положа руку на сердце, меня совершенно устраивает моя нынешняя жизнь: есть, спать и бить баклуши. Если к этим трем делам подходить серьезно, то на них решительно не хватает и двадцати четырех часов в сутки. Удачи тебе. Кэл». Да, то была постельная фаза — лучшая в его жизни.

Почувствовав, что молчание затянулось, Кэл блеснул ослепительной улыбкой, подсмотренной у Дэвида Леттермана, и произнес внушительным тоном:

— Идей у меня куча. Выбирай любую.

Оба собеседника впились в него глазами.

— К примеру, Барби сейчас исполняется *тридцать два года.* Как подумаешь об этом — кажешься себе ветхим стариком! Любопытный факт, всеми произведенными кукольными Барби можно десять раз опоясать нашу планету. Кстати, то же когда-то говорили о моих пластинках — их было десять миллионов! Если не опоясывать ими Землю, а просто сложить в одну большую кучу в Южной Калифорнии, Лос-Анджелес провалится под тяжестью в океан, и мы все утонем… хотя Барби, конечно, выплывет. Этой ничего никогда не делается. Но у кучи моих хитов был бы такой сумасшедший вес только потому, что тогда ходили виниловые пластинки. Нынешние компакт-диски куда легче. Можно смело говорить: в свое время мы делали более *тяжелую* музыку. — Он хихикнул собственной шутке. — И знаете что? Для Барби сочиняют шестьдесят новых нарядов ежегодно!

Маленький Будда вопросительно уставился на Джоэла. Тот ответил быстрой кривой усмешечкой, которая означала что-то вроде: не дергайся, я слышал еще большие глупости, а в итоге получалась тройная платина!.. Ободренный Эм-Бэ повернул голову в сторону Кэла и широчайше улыбнулся ему. Затем, как бы

в порыве чувств, вскочил и обошел на своих слоновьих ногах письменный стол. Одной рукой он отечески обнял Кэла, другой Джоэла.

— Отличненько! А теперь, ребята, вставайте и проваливайте! — Он театральным жестом показал на дверь. — Вам предстоят великие дела. Поэтому быстро за работу! Вам нужно делать альбом — а это чертова уйма труда. Я подскочу в пятницу и погляжу, как вы продвигаетесь.

Кэл и Джоэл встали и пошли к двери. Маленький Будда провожал их. Но тут за его спиной зазвонил телефон.

— Ах, — вздохнул с досадливой гримаской глава репертуарного отдела, — жизнь немилосердна.

Кэл остановился на пороге, обернулся и посмотрел Маленькому Будде прямо в глаза.

— Не унывай, — сказал он ласково. — Я имел случай дочитать эту книжку до конца. У нее счастливый конец.

Пятно любви

Фрэнки Роуз внезапно скончался на тротуаре в Кэмпден-Тауне у выхода из ночного клуба «Змеюшник».

И куда бы я ни пришла, везде знакомые первым делом взволнованно спрашивали: «Ты уже слышала?..» Этот незаконченный вопрос повсюду витал в воздухе. Все были в глубоком шоке. Не успели оглянуться, как уже весь город знал, что Фрэнки покинул бренный мир, хотя поверить в это было невозможно. Как будто снова умерла принцесса Диана, только пародийный вариант, потому что на место трагедии сгреблись клубные завсегдатаи — в туфлях на гигантских танкетках, с пестрыми вставками в волосах, в клоунских прикидах. Эта публика не разошлась по домам и с наступлением темноты — отдавали последний долг до самого утра.

Тут же всплыло — почти обязательное в наши дни — случайное любительское видео, на котором были запечатлены последние секунды жизни Фрэнки Роуза. Повезло молодоженам из Японии. Полученный от них видеоматериал крутили по телевидению, и мы, не слезая с дивана, могли присутствовать при акте смерти звезды.

Молодой человек нормальной комплекции лежит навзничь на тротуаре, и его тело, выгибаясь и дергаясь, танцует брейк-данс агонии — затылок молотит по асфальту. После очередного сотрясения тело вдруг замирает, расслабляется и опадает. И больше не двигается. Юная спутница Роуза — явно не его официальная подружка суперзнаменитая Пусси, но удачно, словно нарочно, одетая в черное, — сидит на кромке тротуара и с отрешенным ужасом таращится на происходящее. Из клуба выбегает Лео, певец группы «Нимфолептикс», и приказывает вышибалам что-нибудь срочно предпринять. Те равнодушно отворачиваются: не наше, мол, это дело. Лео жутко огорчен — сказать по совести, не столько внезапной смертью друга, сколько хамством вышибал: за три недели работы агентом Фрэнки он уже успел привыкнуть к тому, что все окружающие у него на побегушках.

Затем в кадре возникает миниатюрная молоденькая японка, которая вначале склоняется над трупом Фрэнки, потом с застенчивой улыбкой смотрит в камеру своего супруга. После этого короткое затемнение — теперь камера в руке японочки, и мы любуемся тощим молодоженом. В стороне виден лежащий на тротуаре труп, через который выходящие из клуба люди преспокойно переступают — как через тело пьяного бездомного,

которых в Кэмпден-Тауне пруд пруди. Останавливается машина, водитель высовывается из окна с фотоаппаратом, щелкает труп и едет прочь. Занятный был, наверное, натюрморт: любопытствующая пара японских туристов с камерой, одурелая подружка Фрэнка на кромке тротуара, труп лицом вверх на асфальте, пара неподвижных вышибал в дверях клуба и обиженно надутый Лео на ступенях.

В конце концов подъехала «скорая», а потом и полицейская машина — и учинилась обычная в таких случаях официальная катавасия.

Не прошло и часа, как пространство, где скончался Фрэнки, превратили в место паломничества, куда стекались клабберы со всего города.

Началось с маленьких групп заплаканных девочек и мальчиков с букетами и открытками. Однако народ подваливал — и дело дошло до транспортного коллапса: давка в поездах Северной линии подземки, толпы запрудили Хай-стрит и перекрыли движение машин. И всё время подходили и подъезжали новые и новые фанаты, которые по мобильникам звали на незапланированную тусовку своих друзей и приятелей. Полиция пыталась навести порядок, однако толпа росла так стремительно, что горстке блюстителей порядка пришлось в итоге лишь бессильно наблюдать за всем этим хаосом. В нескольких концах толпы наяривала музыка, все обнимались и истово танцевали, даром что солнце шпарило немилосердно — тем летом в Лондоне царила африканская жара.

Перед входом в «Змеюшник» первые из прибывших девиц забили себе место и отстаивали его с яростью диких кошек, которые защищают свою охотничью территорию. Самой дорогой собственностью были первые четыре ступеньки, облеванные Фрэнки Роузом на пути из клуба к смерти. Там бдили наикрутейшие фанатки: словно клубные охранники, сортирующие толпу, они распоряжались тем, кому из «посторонних» будет позволено подойти к святому месту вплотную и исследовать блевотину с максимально близкого расстояния. Какие-то ушлые малые уже сновали в толпе и предлагали желающим купить полароидные фотографии Четырех Святых Ступеней. Под снимками были выведены слова «Пятно любви» — тем витиеватым шрифтом в духе «Секс пистолс», который Фрэнки использовал для обложки своего последнего альбома.

Много разглагольствуют о непредприимчивости британцев, но то, с какой прытью самые разные люди начали доить смерть Фрэнки, напрочь опровергает эти домыслы. Вмиг обычную

дешевую дребедень на прилавках уличных торговцев потеснили кружки с физиономией Фрэнки, майки с физиономией Фрэнки, молельные коврики с физиономией Фрэнки и прочее черт знает что с физиономией Фрэнки. А также толстенные шариковые ручки, на конце которых, если их перевернуть вверх тормашками, крохотный Фрэнки приспускает штаны. Уже *к концу недели* в книжных магазинах появились пухлые свежевыпеченные биографии Фрэнки. Хотелось бы посмотреть на людей, которые способны накатать семьдесят пять тысяч слов за двое суток! Или есть типы, у которых всегда под рукой готовый к печати жизненный путь любой звезды — в ожидании, когда та сыграет в ящик?

Но это пустяки в сравнении с той свистопляской, которая началась в интернете. Через «гугл» вы могли найти сотни сайтов, где шли жестокие дебаты по поводу причины смерти Фрэнки Роуза: убийство или случайная передозировка? Большинство склонялось к первой версии. Список подозреваемых возглавляли Пусси и Лео из «Нимфолептикс». Впрочем, *другое* большинство было уверено, что Фрэнки на самом деле жив-здоров. Просто он решил самым радикальным образом отвязаться от Пусси, Лео и всего долбаного музыкального бизнеса и сейчас или живет припеваючи в какой-нибудь Швейцарии или Тоскане, или унырнул в австралийскую глубинку, или путешествует по горам с перуанской коммуной хиппи. Не было числа лондонцам, которые видели его в ближайшем супермаркете, или в лохмотьях под мостом, или в «дьюти-фри» на пароме из Дувра в Кале… Один якобы даже подошел к нему где-то в парке и долго безуспешно уговаривал вернуться в мир и на сцену — ибо у певца, в конце концов, есть святой долг перед поклонниками! Ежеутренне десяток женщин из городов, отстоящих друг от друга на сотни миль, извещали жадную на сенсации газетную публику о том, что эту ночь они провели с мнимо-покойным Фрэнки, — результат чего они предъявят через девять месяцев!

Я скачала себе страничку из интернета, где приводились подробные инструкции для долбанутых, как уйти из мира точнёхонько тем же способом, что и их кумиры: какова должна быть смертельная доза героина; из чего стрелять, куда и под каким углом; как и куда лечь и в какую сторону нагнуть голову, чтобы конечная картинка получилась идентичной… Там было всё о любимых наркотиках Фрэнки — что и как и в каких пропорциях он смешивал, чтобы лучше дуреть. Ребята проявляли удивительную информированность — похоже, они стояли со свечкой каждый раз, когда Фрэнки ширялся.

Через две недели после смерти Фрэнки я случайно набежала

в клубе «Подполье» на Лео из «Нимфолептикса». Складывалось впечатление, что Фрэнки завещал ему своего наркоторговца, и Лео на радостях отрывается по полной. Он слонялся на нетвердых ногах по клубу, натыкаясь на людей. Правда, натыкаясь избирательно — преимущественно на хорошеньких девушек. Когда он наконец рухнул на высокий табурет у бара и уставился в свое отражение в зеркальной стене, прикидывая, что делать с поганцем, который внаглую таращится на него, я присела рядом.

Он увидел меня в зеркале и произнес моему отражению:

— А, журналистка. Видел, как в блокнот пишешь.

— Попалась, — сказала я с улыбкой.

— Про кого пишешь, красавица?

Он повернулся ко мне реальной, но уставился, мимо лица, на грудь. Сперва на левую, затем на правую, потом опять на левую и опять на правую — как в Уимблдоне. Мячик налево, мячик направо.

— О *вас*пишу! — сказала я.

И он расплылся в счастливой улыбке.

Для приличия я немного потрепалась с ним о его группе и ее планах, а потом перешла к главному — к вечеру, когда они играли в «Змеюшнике». Насчет себя Лео тут же завелся и в подробностях пересказал мне весь концерт — кто что делал и как реагировали. Про Фрэнки он даже не обмолвился. Тогда я для затравки сообщила, что мой знакомый якобы видел Фрэнки в разгар выступления «Нимфолептикса» в туалете: тот стоял у писсуара, привалившись лбом к кафелю. Был бледен как смерть и тупо смотрел на бычок, плавающий в озерце мочи. Мой знакомый даже испугался и спросил, всё ли с Фрэнки в порядке. Тот рыкнул «Разумеется!», резко выпрямился, застегнул штаны и был таков.

Лео сразу потух, затем посмотрел мне прямо в глаза и изрек:

— Никто из этих пидоров не знает правды про Фрэнки. Никто. Ничего они про него не знают.

— Но вы-то, вы-то знаете! — ввернула я вкрадчиво.

Он молча отвернулся.

— Какая она, правда о Фрэнки? — не унималась я.

Лео словно воды в рот набрал.

Тогда я написала на листочке бумаги номер своего телефона и попросила его позвонить, если он вдруг надумает разговориться. Напоследок я добавила, что мое намерение писать о нем и о его группе не туфта, и мне очень пригодится его помощь.

Когда я через час вернулась домой, на моем автоответчике было приглашение от Лео.

Он жил в убогой тесной квартирке над химчисткой в

переулке рядом с Севен-Систерз-роуд. Совмещенная гостиная-спальня, допотопная мебель, обои цвета детской неожиданности, на столе горка засаленных «Плейбоев». Судя по всему, роль главного представителя Фрэнки денег принести не успела.

Хозяин предложил садиться на стул у открытого окна. Было дьявольски жарко. Что снаружи, что внутри — везде неподвижно стоял влажный раскаленный воздух, впитавший все городские миазмы.

— Чашечку чая? — На Лео была замызганная тенниска — возможно, некогда белая.

— Да, спасибо.

— Если я угощу тебя чашечкой, покажешь свои титьки? — спросил он с ухмылкой, ставя чайник на газовую плиту. Я промолчала.

Лео снял с полки чашку, вытряхнул из нее что-то, налил кипятка и молока.

Пока он задумчиво макал мешочек с чаем в кипяток, его лицо становилось мрачнее и мрачнее.

Наконец он проворно выудил пальцами утонувший с веревочкой мешочек, швырнул его в мусорное ведро, поставил чашку передо мной на подоконник и произнес замогильным голосом:

— Думаю, очень и очень возможно, что Фрэнки убили.

— Почему вы так думаете?

Лео покосился на мой диктофон, лежащий рядом с чашкой.

— Включен?

Похоже, Фрэнки неплохо проинструктировал его насчет трюков во время интервью.

— Как прикажете, — сказала я.

Он жестом приказал выключить. Я подчинилась.

Лео отошел в глубину комнаты, сел на край кровати и, с бутылкой пива в лапище, рассказал мне странную, а может быть, и дурацкую историю.

— Клайв Макфи, менеджер Фрэнки, в свое время распоряжался делами жалкого долбоёба по имени Перри Кэй — может, слышала про такого. У него был пучок хитов в восьмидесятые, но с той поры он ничего путного не сделал. Кэй периодически наседал на Макфи — дескать, давай организуем мое триумфальное возвращение! Но Макфи постоянно отнекивался. Про себя он давно решил, что старым пердунам место лишь в рождественских компиляциях старых хитов да в роли почетных приглашенных на вручении музыкальных наград.

Лео приподнял рукой свою правую ягодицу. Я приготовилась к неприятному звуку и дополнительной ноте в могучем аккорде

лондонского летнего смрада. Однако Лео просто извлек из заднего кармана джинсов помятую пачку «Кэмел».

— Так на чем мы остановились?

— На старых пердунах.

— Правильно. Короче, Макфи рассказал Фрэнки, как он вместе с одним типом из фирмы грамзаписи был на шоу этого Кэя, где тот исполнял свои допотопные, всеми забытые распрекрасные хиты. В задней комнате, с бутылкой шампанского на столе, они отсмотрели всё шоу на мониторе. Печальное зрелище. Оба сошлись на том, что по достижении пятидесяти лет рок-звезд нужно отправлять в принудительную отставку — как в армии.

«А еще лучше, — сказал тип из фирмы грамзаписи, — убивать их к чертовой матери. Ничто так не увеличивает продажи, как смерть исполнителя».

«Да, тут не поспоришь, — отозвался Макфи. — Вспомни гибель Леннона. Альбом, с которым он вернулся на сцену, продавался *как из пушки!* Не застрели его тот придурок, вряд ли был бы такой бешеный успех».

Тип из компании звукозаписи поднял свой бокал и провозгласил тост: «За Марка Дэвида Чэпмена!»

«За нашего благодетеля Марка Дэвида Чэпмена!» — с циничным хохотком повторил Макфи и осушил бокал до дна.

Посмеялись, и вроде бы всё. Однако идея, похоже, запала в голову Макфи. Он всерьез снова и снова прокручивал в башке способы безнаказанно убить Кэя и сорвать сказочный куш на его посмертном альбоме. И это не мои фантазии: все эти варианты Макфи пересказывал Фрэнки. Тот даже не понимал, шутит он или всерьез советуется! К примеру, фотосессия в дуврских Белых Скалах. Фотограф говорит: «Сдай-ка назад, Перри! Не робей, до края далеко. Еще чуток… и еще чуток… Ой!» Или фокус с ненадежными старинными пистолетами, которые Макфи в итоге действительно подарил Перри на день рождения. Один из них мало-мало не снес голову уборщице, которая его протирала.

— Это всё пустое зубоскальство, — сказала я. — Макфи лялякал, чтобы позлить Фрэнки.

— Хороши шуточки! Кэй погиб на съемках клипа к песне «Удержи меня — я падаю». Любопытно всё получилось. Каскадер для опасного номера вовремя не является. Знаменитый режиссер становится в позу: платите вдвое за простой. Смазливая блондинка, которая должна изображать подружку Кэя, смотрит на него презрительно, как на трусливого жалкого старичка со вставными волосами, как у Элтона Джона. И Кэй, задетый за живое, сам вскакивает в самолет. А парашют возьми и не

раскройся. И последний альбом Перри Кэя — присыпанное сахаром дерьмо — становится номером один в списке самых популярных! После этого говорите мне, что это не менеджер его укокошил!

— Предположим, вы правы насчет Кэя. Но зачем убивать Фрэнки? Он был на вершине успеха! Всё, к чему он прикасался, превращалось в хит. Весь мир тащился от Фрэнки!

— Кроме него самого. Фрэнки мог быть капитаном команды фрэнконенавистников. Помните историю про простудную инфекцию, из-за которой отменили его последние гастроли? Вся «инфекция» заключалась в том, что Макфи сорвался в четыре утра на телефонный сигнал бедствия от Фрэнки и застал его голым, чем-то накачанным, полувменяемым — и с ремнем вокруг горла. Тот пытался повеситься, сорвался — лежал и рыдал как малый ребенок. И стал кричать Макфи, что ему эта жизнь надоела и он хочет завязать.

Лео выдержал театральную паузу.

— Ты этого, конечно, не знаешь, но Фрэнки хотел покончить с музыкой.

— Почему?

— Об этом, может быть, позже. Но я скажу тебе, что меня больше всего бесит. Идиотские разговоры, будто всё это инсценировка.

— Что вы имеете в виду?

— Все эти домыслы, что на самом деле он не умер. Что всё искусно подстроено. Что в машине «скорой помощи» он выпрыгнул из покойницкого мешка, переоделся, загримировался и был таков.

— Вы не верите, что он просто добровольно скрылся от мира, как и его бывшая подружка Пусси?

Лео выудил из пачки новую сигарету, закурил и рухнул спиной на кровать. Закинув одну ногу на другую и глядя в потолок, он молча пускал облачка дыма. На несколько секунд транспорт за окном стих, и было слышно, как внизу подвывают машины химчистки.

Наконец Лео снова заговорил:

— В машине «скорой помощи *» реально*могло случиться только одно: мешок с Фрэнки тряхнуло на рытвине, и сердце вдруг опять заработало. Но чтобы он, очнувшись, решил воспользоваться ситуацией и слинять? Не смешите меня! Как он мог *пропасть?*Это я могу, хоть и не без труда, уйти в подполье. А самый популярный рок-певец Великобритании… где ему спрятаться? Ну и наконец, такой «пустяк»: я его ближайший друг — уж со мной-то он бы сто раз успел связаться за это время! На

кого еще ему положиться?

Что он ближайший друг Фрэнки, Лео вряд ли врал. Иначе почему Фрэнки был на концерте в общем-то никчемного и никому не интересного «Нимфолептикса»? Иначе почему Лео стал его агентом?

— Короче, миру надо смириться с тем, что Фрэнки мертв. Всё, конец интервью.

Лео вскочил с кровати, уставился на меня и с лукавой улыбкой добавил:

— Так дашь на титьки твои поглядеть?

— Нет. Ты, дружок, не заслужил: попотчевал меня дерьмовым чаем. Но за приглашение — спасибо.

Это произошло десять месяцев назад. С тех пор Фрэнки не объявился, равно как и детишки, якобы зачатые от него после его официальной смерти.

А Клайв Макфи теперь менеджер «Нимфолептикса» — с его хваткой он выведет группу на первое место в хит-парадах!

Лео и «Нимфолептикс» готовят к годовщине смерти Фрэнки свой первый сингл — «Мой лучший друг».

И Макфи, кстати, купил все права на японское видео с последними мгновениями жизни Фрэнки.

Вход в «Змеюшник» теперь заколочен досками: полицейские во время рейдов снова и снова находили там жуть жуткую наркотиков, поэтому власти решили прикрыть лавочку.

Но безутешные девицы по-прежнему дежурят у двери, облагая данью туристов, которые желают там щелкнуться, и берут особую мзду за оставление на святом месте фотографий, сувениров и любовных писем.

«Любовное пятно» на том же месте и хорошо различимо.

Судя по всему, оно там еще долго останется — благо кэмпденский муниципалитет известен своим разгильдяйством в деле уборки улиц.

Блюз могильного камня

Телефонный звонок с сообщением о смерти матери застал Ли-Энн Стармаунтин в уютном кресле у окна.

По капризу случая, именно в этот момент Ли-Энн прикидывала в уме, как убить свою мать.

Впрочем, такие мысли посещали ее довольно часто. Со временем они настолько обособились от реального плана убить реального человека, что стали просто способом расслабиться и отвлечься от действительности — своего рода эрзацем кроссворда или ребуса. К тому же ритуальный перебор способов убийства расковывал ее воображение — и помогал писать новые песни.

Ли-Энн даже не знала толком, продолжает ли она ненавидеть свою мать, или это просто некая эмоциональная инерция.

Когда-то она раз и навсегда решила, что люто ненавидит свою мать, и впредь исходила из этого, больше не отслеживая свои чувства. Многие из ее нежнейших, «жалостных» любовных песен родились после того, как в фантазии Ли-Энн выпавшее витражное стекло отрубало голову матери, или дикари-людоеды готовили жаркое из ее сердца, или она медленно истекала кровью под колесами контейнеровоза, а Ли-Энн тем временем самозабвенно сосала член водителя этого восемнадцатиколесного монстра, на бампере которого стикер «Бог любит вас».

К настоящему моменту, спустя двести семнадцать написанных ею песен, из которых шестьдесят пробились в общенациональные музыкальные хит-парады, а восемь были в них номером один, Ли-Энн могла с уверенностью сказать, что она исчерпала все мыслимые способы отправить мамашу в тот небесный край, где ангелы порхают в строгих вечерних платьях от Диора и пахнут яблочным пирогом.

Поэтому, когда сестра Бет между рыданиями поведала ей, как их парализованная мать медленно, на протяжении недели, поджаривалась на подложенном под нее электрическом одеяле, Ли-Энн была не столько потрясена, шокирована или огорчена, сколько рассержена.

Периодически роняя в трубку «О Боже!» или «Какой ужас!», Ли-Энн живо представляла себе всю эту милую картинку: мать, полностью обездвиженная, днями и ночами лежит в постели, плавая в собственной моче, таращась на одну и ту же стену, где в рамке — Иисус Христос, больше похожий на бородатого Брэда Питта, — лежит и потихоньку доваривается в собственном соку до полной готовности.

Как она смела!

Как она смела умереть таким оригинальным манером, мысль о котором не приходила Ли-Энн в голову!.. Было ощущение, что мать украла у нее чудесную песню, которую Ли-Энн уже никогда не напишет.

Когда Ли-Энн положила трубку, у нее тряслись руки. Сейчас было бы неплохо успокоить нервы стаканчиком, но в доме не было ни капли алкоголя — это для нее закон с тех пор, как она с отличием окончила колледж, а с ним и разгульную юность. В ванной комнате Ли-Энн надолго задержалась перед зеркалом. Отражение подтверждало, что она по-прежнему существует, но лицо выглядело постаревшим. Может, даже не лицо постарело, а просто выпало звено — между Ли-Энн и старостью не было больше матери. Теперь Ли-Энн предстояло сравнивать себя только с собой. Если она не возьмет себя в руки, хорошенький будет заголовок в газетах поверх фотографии того лица, что сейчас в зеркале: «ДИКОВИННАЯ КОНЧИНА: СКОРБЬ РАЗОРВАЛА СЕРДЦЕ БЛИСТАТЕЛЬНОЙ СУПЕРЗВЕЗДЫ!»

Телефон зазвонил опять. Включился автоответчик, и она услышала спокойно-деловитый голос своего менеджера Росса Сильвера, двадцатипятилетнего стройного красавца. По словам его коллеги, опекающего группу металлистов под названием «Наповал», которая держалась двенадцать недель на первом месте в хит-парадах с вариантом ее баллады в стиле кантри «Нежный летний ветерок», вокалист группы хочет начать сольную карьеру и написать вместе с Ли-Энн несколько песен. Менеджер предлагал серьезно подумать об этом предложении.

Через минуту телефон зазвонил опять. И опять она не стала снимать трубку.

— Мисс Стармаунтин? Здравствуйте. Это Джош Харрис из Атланты, журнал «Шляпки по моему вкусу».

С тех пор, как пошла новая волна бешеного интереса к музыке кантри, посвященная американским традициям пресса росла как на дрожжах. Журналист был предельно вежлив, но напорист.

— Только что узнали, что ваша мать скончалась при… э-э… необычных обстоятельствах. Во-первых, примите мои искренние соболезнования. Прошу прощения, что беспокою в такой трагический момент, но, как только мы про это услышали, мы изменили планы насчет мартовского номера: теперь на обложке будете вы, и поскольку время поджимает, нам нужно несколько слов от вас немедленно. Я оставил сообщение вашему менеджеру. А с вами попытаюсь связаться еще раз. Заранее благодарю за сотрудничество, мисс Стармаунтин. Еще раз приношу мои глубокие соболезнования по поводу происшедшей трагедии.

Не успел он повесить трубку, как телефон зазвонил опять. Снова Росс Сильвер:

— Ли-Энн! Ли-Энн!!!

Теперь в голосе было смятение.

— Я знаю, ты дома. Сними, Бога ради, трубку! Пока я наговаривал сообщение на твой автоответчик, по другой линии мне пришло жуткое известие… Я тут же справился в полиции — всё верно. Мужайся, сокровище мое! Из дома никуда не уходи. Я мчусь к тебе.

После этого разом зазвонили оба телефона — обычный и сотовый. Ли-Энн, по-прежнему у зеркала в ванной комнате, равнодушно игнорировала весь трезвон.

На месте морщин с недавних пор была коллагеновая гладь, однако выровненные специалистом участки кожи как-то нехорошо выделялись — словно с чужого лица. А прежние морщины были такие свои, родные, и Ли-Энн вдруг затосковала по ним. И ее наконец прорвало — она зарыдала.

В самолете, на пути в некогда родной город, она продолжала рыдать. Стюардессы — юная красавица и блондинка средних лет — трогательно суетились вокруг нее. Одна держала Ли-Энн за руку, другая салфеткой вытирала потекшую тушь. Обе считали, что Ли-Энн за большими черными очками так безутешно плачет по матери. На самом деле она плакала по себе. На похороны ее вынудил лететь менеджер — она отчаянно упиралась.

— Ли-Энн, я отлично понимаю твои чувства, — сказал он, — но твоя публика — сентиментальные любители кантри. Они будут шокированы, если ты проигнорируешь такое событие. Какой бы ни была твоя мать и как бы она тебя ни колотила и не донимала в детстве, она все-таки твоя мать. Посмотри на это с другой стороны: разве не приятно своими глазами убедиться, что она действительно сыграла в ящик? Я не призываю тебя плясать и петь от радости на похоронах, но про себя можешь оторваться по полной программе… Кстати, насчет пения не такая уж плохая идея! Жалко, что сейчас не лето — ты могла бы дать небольшой концерт под открытым небом. Почтить память матери несколькими пронзительными песнями…

Ее бывший муж, Уилли Бин — Большой Уилли, тоже известный исполнитель кантри, — за минуту перед этим оставил на автоответчике почти буквально такое же предложение: мол, я готов принять участие в концерте памяти твоей матери и вообще поддержать тебя на сцене и вне сцены.

Картинка так и стояла в ее воображении. На заднике-экране — гигантская фотография матери, а Ли-Энн и Большой Уилли в

подходящих белоснежных жакетах с черным кантом стоят обнявшись на сцене и, вновь объединенные скорбью, выстанывают ее новейший хит «Блюз могильного камня». И все на огромной поляне рыдают в три ручья. А затем пикник с барбекю для публики: Мясо, Как Готовила Его Моя Мама, — прямо с решетки, по полтора доллара кусок.

— Пресса будет тащиться, — заверил ее Сильвер. — «Поклонники — её большая семья», и всё такое. Подкинь им подобное событие — журналисты налетят как стервятники и восславят тебя до небес!

В аэропорту ее поджидала дюжина репортеров с фото- и телекамерами. И Бет — любимейшая сестра… или единственная любимая из сестер?

У Бет был взволнованный и помятый вид. По сравнению с огромной шапкой старомодно уложенных волос заплаканное личико с обвисшей кожей казалось непропорционально маленьким. Дома еще четыре сестры — опекают отца. А пятая — на подлете из Великобритании.

Бет обняла Ли-Энн восторженно-истерично, на камеры. Как фанатка, которой выпал приз провести день со своим кумиром. Обе ни слова не проронили. Печально улыбаясь во все стороны, они взялись за руки и пошли к выходу: служащие аэропорта суетливо пробивали им путь в толпе встречающих.

Однако в машине, расслабившись за рулем, Бет из куклы превратилась в человека. Барьеры пали, и Бет весь час до дома тараторила, не закрывая рта. Рассказала о приготовлениях к похоронам, кто придет и что установил коронер. А также все жуткие детали смерти. Ли-Энн получила исчерпывающую информацию про детей и мужа Бет, про детей и мужей других сестер, про то, кто из городских знакомых жив по сию пору, кто чем занимается и кто чего достиг или не достиг. По словам Бет, ее старший сын так и обалдел, когда узнал, что любимую песню любимой группы «Наповал» написала его «престарелая» тетка.

Когда въехали в город, Бет — в ней явно умерла ведущая рубрики местных сплетен! — показывала направо и налево и всё про всех докладывала. И как только она успела за одни сутки собрать столько новостей! Дорин Свенсон таки выпустили из дурдома — помогает кузине… в скобяной лавке! Да-да, теперь ей позволено держать в руках отвертку и прочие острые металлические предметы, даром что она некогда покушалась на глаза подружек. Красавчик-аптекарь в прошлом году загремел в тюрягу — заглотил пол-аптеки и бегал по главной улице, выпростав свой огурец из штанов. Барби, одноклассница Ли-Энн,

вернулась из Нью-Йорка с безработным актером вдвое моложе нее, и они купили старый дом Прокторов на Вермонт-стрит. Правнук Кобелины явно пошел в предка. Тот был смесью эрдельтерьера с бог знает кем и пытался трахать всё, что двигается, в том числе и сестричек-малолеток. Правнук Кобелины отличился тем, что мало-мало не изнасиловал сынишку заместителя шерифа. Видать, придется его, кобеля неуемного, усыпить. Лорри Филлипс, владелица столовой, в которой довелось поработать и Ли-Энн, выскочила замуж за молоденького религиозного экстремиста — познакомились через интернет, а теперь забацали свою собственную веб-страничку Девушкой-на-Небо.com, где они в перерывах между супружескими ласками рекламируют вечную девственность. Хотели было обклеить город плакатами, прославляющими анальный секс как эрзац секса грязного, — да церковники восстали и не позволили. На плакатах Лорри улыбалась до ушей, и в пузыре из ее рта красовалось: «Будь девой спереди и страстотерпицей сзади; придет время — ангелы небесные радостно вострубят о твоем приходе!» А столовка, кстати, закрылась сто лет назад — фаст-фуды всех затоптали.

И действительно, на протяжении двух кварталов Ли-Энн насчитала четыре фаст-фуда: «Карле Джуниор», «Бобс Биг Бой», «Топ Бургер» и, конечно, огромный «Макдоналдс».

Сворачивая на трехполосную Ричмонд-авеню, Бет сказала:

— Когда открывали «Макдоналдс», прислали репортеров — фотографировать первого посетителя. И кто, думаешь, был первым? Томми Мурхед! Выглядел *ужасно.* Вот уж кому в пору затевать судебный процесс против Господа Бога! Стали брать у него блиц-интервью, а он как пошел про себя трепаться — не знали, как заткнуть! И что он сподобился быть твоим первым мужем, и что он едал в том пригороде Чикаго, где был самый первый «Макдоналдс», только «Биг Маком», который стоил тогда пятнадцать центов, всегда брезговал, заказывал «Чикн Макнаггетс», потому что, как он выразился, «я вам не какой-нибудь, а человек с личностью!». Насчет этого я совершенно согласна: та еще личность!

Сестры от души рассмеялись.

Но когда машина остановилась во дворе кладбищенской церкви, сестры вдруг снова ощутили взаимную неловкость. Словно вместе с автомобильным двигателем выключилась и искренняя сердечность в их отношениях.

— Иди первой, — сказала Бет. — Мне надо забежать в контору. Позвоню оттуда и сообщу остальным, что мы уже на месте.

Ли-Энн вынула из сумочки сотовый и неловко сунула его в руку сестры.

— Н ***а*** , звони.

— Сама им звони. Я этой фиговиной не пользуюсь.

— Я номера не знаю, — жалобно возразила Ли-Энн.

Сестра насмешливо фыркнула.

— За сорок лет не изменился!

Ли-Энн набрала номер под диктовку Бет.

Услышав голос на другом конце, она проворно сунула телефончик сестре. Та отдернула руки и сделала большие глаза.

— Привет, Рути, — была вынуждена сказать Ли-Энн. — Мы уже возле церкви.

После того, как они обменялись дежурными любезностями и обо всем необходимом договорились, Ли-Энн отключила сотовый и повернулась к Бет:

— Рути говорит, они будут через четверть часа. Кроме Евангелин, которая останется дома с папой… Как он, кстати? — впервые за всё время осведомилась Ли-Энн о состоянии отца.

— Как, как… будто сама не знаешь! — в сердцах сказала Бет, по-прежнему злая непонятно на кого. — Как всегда. Тоже своего рода счастье — не понимать ничего, что вокруг тебя происходит… Не трудись, — добавила она, видя, что Ли-Энн машинально проверила, заперта ли дверь машины. — Мы тут в краю первозданной невинности.

— Потому что дьяволу скучно сюда соваться, — бормотнула Ли-Энн себе под нос.

В просторной полутемной церкви, обшитой деревянными панелями и скупо, но со вкусом украшенной, было прохладно. Как в старинном английском особняке, который запомнился из поездки вместе с Уилли Бином в Великобританию. Только в том особняке, разумеется, не красовался посреди залы большущий гроб. Ли-Энн знала, что в гроб придется раньше или позже заглянуть… лучше позже.

У гроба стоял старинный стул; Ли-Энн остановилась за ним, и у нее словно ноги к полу примерзли, сделать еще полшага вперед казалось делом немыслимым. А Бет подошла к гробу вплотную, наклонилась над ним, что-то гладя — наверное, волосы матери, — и приговаривая какие-то нежные слова.

Внезапно накатила тошнота. Ли-Энн не тошнило с тех самых пор, как она была на двенадцатой неделе от того самого Томми Мурхеда, который «человек с личностью». Удрав от благоверного в Лос-Анджелес, она первым делом сделала там аборт. Но лос-анджелесские мясники вычистили ее так основательно, что не оставили ни единого шанса когда-либо вновь ощутить

характерные утренние позывы на рвоту.

Вот будет потеха, если ее вывернет прямо тут!

Ли-Энн собрала волю в кулак и на ватных ногах двинулась вперед. Было так тошно, что и тошнить перестало. Все чувства застыли. Теперь она стояла за спиной Бет; та что-то шептала и всхлипывала. Но опустить глаза на содержимое гроба не было никаких сил.

Подошли остальные сестры. Обнялись, как положено, двинули к гробу. Каждая наклонялась к матери, целовала ее, поправляла что-то — волосы? одежду? Все они старались прихорошить ее — словно девочку для вечеринки. Хотя то, что лежало в гробу, было за пределами приукраски: сто сорок фунтов пережаренного старческого мяса богобоязненной изуверки, которая всю жизнь проходила с безжалостной палкой в руках и пучком библейских цитат на каждый случай.

И *это*— Ли-Энн по-прежнему не смела опустить взгляд — некогда безраздельно, с тупой жестокостью правило их жизнями и превратило их отца в безответное забитое существо — задолго до того, как навалилась болезнь Альцгеймера. Перед выходом из дома мать выстраивала девочек и заставляла каждую присаживаться на колени: та, подол чьей юбки при этом не касался пола, бывала нещадно бита. За одно неправильное слово в ежедневно заучиваемом наизусть куске Святого Писания — очередная колотушка. Среди ночи она врывалась в их спальню — проверить, чем они заняты. И чем бы они ни были заняты, даже если просто спали, всегда находился повод надавать им тумаков и пощечин. Ли-Энн как самой старшей доставалось больше всех — она ведь должна быть образцом для других! При первых месячных Ли-Энн совершенно ошалела от неожиданности, страха и боли. Она понятия не имела, что это такое. Два дня она терпела и выжидала, сходя с ума от ужаса. Затем призналась матери, что с ней происходит что-то ненормальное. Та била ее долго и со смаком, едва душу не выбила. Помни, ты отныне женщина, приговаривала она. А потому — на колени и молись Богу, даром что тебе этот грех никогда не замолить! Ибо тело женщины есть ком грязи, и Господь менструацией напоминает ей о том, какое она ничтожество! Только кровь Христова искупает ее до той поры, пока не придет муж и не очистит ее актом рождения ребенка. Тело женщины принадлежит мужу ее, а душа — Господу. Оставив ни за что избитую девочку молиться — ка коленях, скрутившись от боли, — мать ушла. Через четверть часа она заглянула в комнату и швырнула на кровать белые комья ваты и эластичный пояс.

Мало-помалу в Ли-Энн закипала ярость на саму себя. Что за

глупый страх перед куском кебаба!

И она опустила взгляд.

Всё было и лучше, и хуже, чем она предполагала. Мать, одетая в свой лучший воскресный наряд, выглядела лишь как раскрашенная кукла. Или как набитое человеческое чучело. Она была вся какая-то маленькая, с маленькой головкой. То ли прежде мать казалась Ли-Энн огромной, то ли действительно она к старости усохла.

Ли-Энн набралась храбрости и приподняла легкую сухую руку матери. К остаткам обгорелого безымянного пальца кто-то примотал истертое древнее-предревнее обручальное кольцо. Ли-Энн невольно вспомнилась собственная песня, написанная для третьего мужа, Ли Стармаунтина — единственного, которого она по-настоящему любила. Она даже напела строку про себя: «Столько миль за спиной, что руль изглодал золото твоего обручального кольца…» И ее горячие слезы закапали в гроб.

Потом сестры в двух машинах поехали домой.

На звук подъезжающих автомобилей выскочила Евангелин.

Полиция заранее отогнала настырных репортеров на другую сторону улицы. Однако несколько зевак — в основном женщины среднего возраста в мешковатых цветастых платьях — пробились через полицейский кордон и громко приветствовали чудесное дитя их города, которое вознеслось на такие высоты славы. Некоторые особо наглые щелкали фотоаппаратами. Другие просто махали и кричали: «Привет, Ли-Энн, добро пожаловать домой!» Она сухо кивнула толпе и последовала за сестрами.

Дом был всё тот же. Удушающе тесный. Безделушки и безделушечки, миленькие занавесочки, рюшечки, подушечки и кресты всех форм и размеров из всех доступных материалов и во всех мыслимых и немыслимых местах. На стенах фарфоровые блюда с цитатами из Библии. А над камином, где в других домах зеркало, бабушкин ковер с вышитыми гигантскими словами: «Ибо что посеете, то и пожнете». Зеркала здесь были запрещены категорически. И по сию пору Ли-Энн сохранила умение краситься, не видя себя.

Даже после основательной добросовестной уборки в доме пахло нехорошо. Евангелин объясняюще указала вверх: там, в спальне, оставался матрац. Полиция хотела прислать людей, чтобы его увезти, но отец встал на дыбы. То ли сантименты, то ли дурь сумасшедшего. Возможно, он на эту кровать в будущем молиться намерен — как на единственное, что смогло заткнуть пасть этой чертовой бабе. По словам сестер, он ничего не говорит. Он вообще теперь говорить не может. Раньше был безмолвный, а теперь стал немой.

— Ты на сколько приехала? — спросила Евангелин, когда они после ужина мыли посуду в кухне.

— Улетаю сегодня вечером, — внезапно для себя выпалила Ли-Энн.

— Как так сегодня вечером? А похороны?

— Мне надо, — сказала Ли-Энн. И добавила, внезапно застыдившись не столько того, что она улетает, не дождавшись похорон, а того, что она — улетает, то есть избирает самый дорогой вид транспорта, тогда как в семье все привыкли чуть ли не с колыбели экономить, экономить и экономить: — У меня срочные дела. Нельзя подводить людей. Работа есть работа.

Посуду домывали в молчании.

Только перед самым отъездом, когда такси уже ждало у крыльца, Евангелин отвела Ли-Энн в сторону и протянула ей конверт. Дескать, нашла среди материных вещей в сундуке. На конверте аккуратным почерком было написано: «В случае моей смерти передать Ли-Энн Мурхед». Ее имя существовало для матери только в одном варианте с фамилией первого мужа. Другие мужья — от Сатаны.

— Сама знаешь, ты была ее любимицей, — сказала Евангелин.

Ли-Энн открыто фыркнула.

— Ну, может, она не всегда умела это показать, но она действительно любила тебя больше других.

Ли-Энн стояла молча, неловко сжимая в руке конверт.

— Возможно, она хотела сказать тебе напоследок что-нибудь очень важное, — тихо произнесла Евангелин. — Возможно, хотела напоследок помириться.

Ли-Энн сунула конверт в сумочку, и они вернулись к остальным.

На прощание она всех перецеловала — кроме отца. Его поцеловать Ли-Энн себя заставить не смогла. Он сидел на ступеньках крыльца — грязный дебильный старикан и таращился перед собой. С этой последней картинкой в голове она и удрала.

В такси, когда тот дом, та улица и тот город — все они остались позади, и навсегда, ей бы испытать великое облегчение — не гора, целая планета с плеч! — и воспарить душой. Однако в сумочке лежал конвертик — каменная глыба, которая тянула вниз, вниз, вниз. Ли-Энн держала сумочку на коленях. Дико хотелось заглянуть в конверт. Конечно, не исключено, что мать «хотела напоследок помириться». Дескать, не держи на меня худого, прости если что. Трах-бах, несколько ничего не стоящих покаянных строк, и она с чистой совестью отправляется к Всемогущему — словно и не было кошмара пережитого Ли-Энн,

как будто некий сволочной добряк любезно плеснул ведро белой краски на черное пятнышко ее прошлого. А может, в конвертике — объяснение в любви. И это будет в миллиард раз хуже прежней ненависти. С ненавистью она кое-как сжилась-смирилась. А что делать с внезапно открывшейся любовью?

Что-то идиотски глупое мотнулось в душе Ли-Энн — она ощутила это движение в своей голове так же болезненно отчетливо, как ощущаешь внезапную резь в животе. Помириться… а разве это было бы плохо?

Подмывало просто вышвырнуть долбаный конверт. Но он имел такой осязаемо-неподъемный вес, что было физически немыслимо вынуть его из сумочки и куда-то *бросить*.Загадка даже то, как она сумела донести такую тяжесть из такси через аэропорт к самолету.

Только через двадцать минут полета, в безмятежном уюте первого класса и нарастив сотни миль между собой и прошлым, Ли-Энн решилась открыть конверт.

Внутри был один-единственный лист бумаги. Точнее, экономная четвертушка листа, сложенная пополам. Ли-Энн развернула записку. Всего одна строчка — меньше дюжины слов, написанных аккуратным знакомым почерком.

Ли-Энн швырнула записку на пол.

Там она и валялась, пока стюардесса не заметила ее и не подняла. Девушка протянула листок Ли-Энн, но та мотнула головой:

— Нет, это не моё. Понятия не имею, что за бумажка.

Стюардесса ушла.

* * *

В баре было пусто.

Она не заглядывала сюда больше года, но бармен поздоровался с ней сердечно, как с завсегдатаем.

— Плесни-ка мне в большой стакан из каждой бутылки на вон той полке, — сказала Ли-Энн. — А потом налей себе чего хочешь. Сегодня я гуляю!

— Что празднуем?

— Окончательный побег из дома.

Зазвонил сотовый. Она вздрогнула — не помня, когда успела его опять включить. Она перевела аппарат на беззвучный прием сообщений. С момента, когда она вышла из самолета, менеджер прислал ей уже дюжину посланий, которые постепенно становились всё отчаяннее.

«Как дела, золотце?»

«Позвони мне».

«Жду звонка, это очень важно!»

«Умоляю, Ли-Энн, отзовись — вопрос жизни и смерти!!!»

Он сообщал, что интервью для телепрограммы «С добрым утром, Америка!» назначено на завтра на восемь утра.

Уилли Бин на полном серьезе начал подготовку к мемориальному концерту. Ребята в Нэшвилле предлагают снять по этому поводу целый телефильм.

Несколько журналов воюют за эксклюзивный материал о похоронах.

«Ли-Энн, золотце, не веди себя как дура!»

Бармен подал заказанный коктейль. Ли-Энн подняла стакан.

— Предлагаю тост. За Господа Бога. За несравненного нашего Иисуса Христа и его блаженных пособников.

Она выпила всё до дна, ни разу не отрывая губ.

— За Господа Бога, — сдержанно сказал бармен и отхлебнул из своего наперстка.

— Того же зелья повторить, молодой человек!

Новую порцию она выпила так же жадно и опять до дна.

— Как насчет того, что Бог троицу любит? — хохотнула Ли-Энн. Алкоголь начинал действовать. Она показала на бутылку на самой верхней полке за спиной бармена: — Теперь добавь мне и вон того, голубенького.

— Один «Латино-русский сюрприз» с ноткой «Кюрасао», — сказал бармен. — Прошу.

Ли-Энн взяла стакан, который получился еще пестрее прежнего, и полюбовалась им на свет.

— А теперь за что или за кого пьем? — спросил бармен.

— За мою мать, — сказала Ли-Энн почти не заплетающимся языком. — Выпьем за мою мамочку. И за ее предмогильный подарок своей перворожденной.

— Что за подарок? — осведомился бармен.

— А, всего лишь письмецо. — Ли-Энн побледнела. Только щеки пылали на белом лице. — Всего лишь письмецо… И в нем последний привет. Нечто очень важное, что она не могла не сказать мне на прощание.

Бармен вопросительно поднял брови.

Ли-Энн в два глотка осушила высокий стакан до дна.

— Хочешь знать, что написала мне моя дражайшая мамочка на краю могилы? Моя дражайшая мамочка написала мне: «В АДУ НЕТ ПОЖАРНОГО ВЫХОДА. Не забудь».

Ли-Энн прижала пустой холодный стакан к щеке и добавила совершенно трезвым голосом:

— Не волнуйся, мама, не забуду.

Рядом с тобой

Всё началось со старой двухэтажной развалюшки в Кентиш-Тауне в конце ряда примыкающих друг к другу домов. На первом этаже была шашлычная, торговавшая в основном навынос. Эта шашлычная сгорела, а с ней заодно и весь второй этаж вместе с сумасшедшей старушкой-гречанкой, которая с утра до вечера, независимо от наличия публики, проповедовала у входа в ближайшую православную церковь.

После пожара дом с обгорелыми стенами долго стоял пустым — власти никак не могли решить, что с ним делать: сносить или ремонтировать.

В один прекрасный день другая старушка-гречанка по пути в церковь глянула в сторону дома, где погибла ее соплеменница, да так и обмерла. Потом упала на колени и сложила руки на груди для молитвы.

На обгорелой стене проступало чье-то лицо. Удлиненное, бледное, печальное лицо с доброй кроткой улыбкой.

То был Иисус Христос.

Прохожие кинулись к старушке. Думали — сердечный приступ. Но она, обливаясь слезами, молча показывала на стену. Толпа зевак мало-помалу росла — на переполох высыпали люди из соседних лавок и мастерских. Подъехала машина с телевидения.

История нашумела на весь город. Власти как раз надумали ремонтировать сгоревший дом, однако рабочих раз, и другой, и третий отогнали постоянно дежурившие у святого места верующие. Дошло даже до столкновений с полицией.

А тем временем лицо на стене прорисовывалось все четче, и стали проступать детали шеи, плеч… объемистой груди.

К этому моменту всем уже было ясно, что никакой это не Иисус Христос. И даже не мужчина. Любой знаток современной музыки сразу мог сказать: это Карен Карпентер. Сходство сногсшибательное.

Поскольку Карен Карпентер вздумалось появиться в моем родном замызганном квартале, было бы просто невежливо не написать о ней. Заметка заканчивалась словами: «Ради нас Карен уморила себя голодом. А потому только логично, что она выбрала своим храмом именно шашлычную, святилище жирной пищи. Как жертвенный ягненок на вертеле славы, она становилась все тоньше и тоньше по мере того, как каждый фанат цапал себе унцию ее мяса».

Моя разбитная статейка имела результатом электронное

письмо с обратным адресом thekarenclub@aol.com: «Карен не ради тебя умерла, сука безмозглая. Карен побрезговала бы НА ТЕБЯ ПОКАКАТЬ! Ричард хранил ДОСТОЙНОЕ МОЛЧАНИЕ. И миру ДЫШАЛОСЬ БЫ ЛЕГЧЕ, если б и ты не раскрывала свою пасть». Похоже, я кому-то наступила на любимую мозоль.

Дня через два, проходя мимо бывшей шашлычной, я заметила внутри людей. Разбитые окна первого этажа были неплотно завешены простынями, и виднелись матрацы и спальные мешки на полу. Понятно. Сквотеры.

Незаконное вселение. Через неделю, когда новым жильцам стало ясно, что их никто не собирается выгонять, они стали обживаться всерьез — убирать мусор, что-то чинить и красить. Из переносного плеера на подоконнике неслась песня Карен Карпентер: «Мы только, только, только начинаем новую жизнь!»

Но эти сквотеры не были похожи на обычную бездомную пьянь.

Исключительно женщины, опрятного вида, в основном молоденькие, явно благонадежные домохозяйки, хотя было и несколько матрон среднего возраста. Одеты недорого, но прилично. И любопытствующих прохожих приветствовали широкой искренней улыбкой.

Через некоторое время все окна застеклили, и было очевидно, что женщины постарались на славу — по крайней мере на первом этаже царил жилой порядок. Потом на окнах появились веселенькие цветастые занавески, и с заглядыванием внутрь было покончено. Лишь изредка, когда поблизости не было ни одной машины, из дома доносилась тихая музыка: Карен из плеера грустно пела о том, как она не любит дождливые понедельники.

Поначалу я думала, что женщины планируют открыть столовую для бездомных. Однако вскоре над входом появилась надпись крупными буквами: КЛУБ КАРЕН. Из любознательности я постучала в дверь — не очень решительно, помня о сердитом электронном письме. Мне не открыли, лишь занавеска в окне шевельнулась.

Далее случилось невероятное: такие же лики Карен стали появляться по всему свету.

В Берлине — на остатке стены, когда-то разделявшей город. В Токио — на фасаде торгового центра. На греческом острове Лесбос — на крестьянском доме (хотя этот лик подозревали в лукавой рукотворности). Самый большой, многометровый, появился на глухом торце шестиэтажного банковского здания в Тампе, штат Флорида. Каждая новая «святыня» магнитом притягивала к себе женщин того сорта, что не очень прилежно ходят в церковь, зато не пропускают ни одного мероприятия для

прихожан — концерты, встречи, совместные дни рождений. И возникал очередной клуб Карен.

На первый взгляд, публика собиралась довольно невинная. У нас ведь хватает одержимых и придурков, которые татуируют лица, чтобы походить на драконов, тигров или просто инопланетян, — или, набеленные и в черных одеждах, таскаются на концерты «Кисс». Тем не менее настораживала грубая конкуренция между клубами Карен — каждый боролся за власть, за первое место в нарождающемся культе. При этом даже нанимали детективов, чтобы собирать всякую грязь про соперников. Или ночью, тайно, согласно своим понятиям, подправляли-подмалевывали лики Карен на стенах. Или настырно пытались втянуть взятками в движение брата Карен — богатые разведенки предлагали чеки на изрядные суммы. Словом, очень скоро стало ясно — от этих дамочек лучше держаться подальше!

Удушливая атмосфера царила не только в верхах движения. В низах грызлись между собой всяческие фракции, секции, группы и ячейки. Появлялись ереси, против которых выступали дружно или недружно, но весьма яростно. Фраза «это не отвечает духу Карен!» стала расхожим упреком, хотя никто не мог толком сказать, в чем заключается этот самый «дух Карен». Американские и австралийские клубы сосредоточивали усилия на здоровом домашнем питании с минимальным количеством жиров. Японские — на продаже собственной символики. Лесбосский клуб игнорировал общение в интернете и втихаря замышлял какую-то гигантскую революцию всего на свете. А немочки с головой ушли в анализ мифа об Антигоне и музыкального евангелия от Карен — ее песни «Вчера видела зеленых человечков»: доказательство ли это существования инопланетян или всего лишь прорицание того, что скоро грядет Страшный Суд, и зеленые человечки — суть рогатый авангард армии Князя Тьмы.

Антигону поминали не зря. Ходили разговоры, что Карен жила со своим братом.

— А что, если брат был ее любовником? — спрашивала одна каренистка.

— Какое больное воображение! — возражала другая. — Даже будь это правдой, главное — соитие духа, а не плоти. Акт творения.

— Ну, городок Дауни, штат Калифорния, это тебе не Древняя Греция. В Калифорнии есть закон против инцеста.

На подобные рассуждения одна английская посетительница берлинского сайта клуба Карен написала следующее:

— А вы вспомните *лондонский* лик Карен. Его нашла *очень*

*древняя*гречанка. Вам это ничего не говорит?

Англичанку обругали каренохульницей.

Кентиштаунский клуб Карен, подчеркивая свое первородство, переименовал себя в «Верховный собор Карен» и планировал созвать синод представителей всех клубов на Святой Пикник. По поводу грядущего синода пригласили прессу на сандвичи с белым вином. Под тихий напев плеерной Карен — «Пасьянс», «Знаменитость», «Ласковое ладное лицо» — выступили три ведущие активистки. В комнате, где от шашлычной осталась только свежеокрашенная стойка, на бывшем месте огромного холодильника стояло что-то большое, накрытое алым бархатным покрывалом.

Глава Верховного собора велела притушить свет и, захлебываясь от волнения, провозгласила:

— Сестры! Всё как вчера! Она словно живая!

И сорвала бархатное покрывало.

На топчане лежала человеческая мумия.

Кто-то из присутствующих ахнул, кто-то рассмеялся. Репортеры закивали головами и, улыбаясь — профессия такая, — защелкали фотоаппаратами. Кошка заинтересованно прошествовала к мумии и уставилась в просвет ее ребер.

— Это Карен Карпентер!!! — возопила главная жрица.

Несчастную увезли в сумасшедший дом. А в самом Верховном соборе произошел раскол: победила фракция более молодых, энергичных и скептичных женщин.

Быть членом клуба Карен вдруг стало последним криком моды. Домик в Кентиш-Тауне превратился в самое забойное место для лондонских топ-вечеринок. Принимали уже не всех. И многие знаменитости только с трудом, после сложных интриг получали членство. Стали даже поговаривать о допуске мужчин.

При всем оживлении, царившем в лондонской ветви, сенсацию в прессе делал всё же флоридский клуб. Американское телевидение поведало о бандах каренисток, которые шатаются по городу, наводя ужас на неверных и насилуя мужчин. Пострадавшие — с прикрытыми лицами — рассказывали в камеру дрожащими голосами, как их схватили мегеры с бейсбольными битами и принудили к многократному сексу под какую-то чудовищную сентиментальную чушь из плеера. Одной-другой феминистке дали мелькнуть на экране с объяснениями, что миф о сексуальных фуриях — алкающих любви незамужних девицах, которые терроризируют мужчин и залюбливают их до смерти, — это древний-предревний миф. Но интервью обрубали, как только феминистки переходили к рассказу о ведьмах, ни за что сожженных на кострах. Впрочем, трех жительниц Тампы

действительно арестовали. Кротчайшего вида застенчивая жена викария вступила в клуб Карен после того, как застала своего мужа с другой женщиной. В клубе две новые приятельницы подбили ее отомстить: втроем они до полусмерти избили неверного мужа и его любовницу и голыми выбросили из машины на центральной улице. В полиции они потом оправдывались: «На то была воля Карен!»

Все клубы Карен были вынуждены официально отреагировать на происшедшее во Флориде.

Американский:

«Попытка нескольких заблудших женщин связать святое имя Карен с насилием и грязным нижним бельем является прискорбной ересью. Подпавшие под этот соблазн исключены из клуба, ведется полицейское расследование их бесчинных поступков».

Немецкий:

«Приносим свои искренние соболезнования пострадавшим. В *некоторых* клубах Карен, к сожалению, действительно царят хаос и разброд».

Греческий:

«Не видим смысла извиняться. Наверняка под видом членов нашего флоридского клуба безобразия творили ряженные женщинами гомосексуалисты!»

Японский:

«Нет ничего шокирующего или преступного в том, что члены нашего клуба ходят большими компаниями. Принадлежащих к нашему клубу женщин вы легко узнаете по браслетам с символикой. Из всех клубов эксклюзивное право на продажу этих браслетов имеем только мы. Заказывайте почтой или через интернет!»

Но тут английский клуб сразил всех новой выходкой. На своем сайте они поместили картинку: огромное сердце с фотографией Карен и ее брата Ричарда. Оба, голова к голове, улыбаются в камеру, словно молодожены. Подпись гласила: «СЕСТРЫ И БРАТЬЯ, ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА!»

Все остальные клубы решительно открестились от позиции английских каренисток.

Затем случилось нечто совершенно особенное. Во всем мире в один и тот же день со всеми ликами Карен произошло одно и то же. Они пошли пузырями, краска стала как бы плавиться и течь, веки надвинулись на глаза, подбородок укатился на грудь — зрелище было ужасное. В довершение всего губы покрылись чем-то вроде зеленой пены — грибок? Глядя на этот кошмар, одни члены клубов рыдали и заламывали руки, другие пели, танцевали

и смеялись.

На сайтах всех клубов почти мгновенно появилась официальная реакция. Каким-то чудом она везде была одинаковая, слово в слово:

«Посредством Святой Блевотины Карен дает нам знать, как ее достало современное больное общество с его больной музыкой. Воистину Карен жива, и дело ее не умрет!»

Перед лицом такого потрясения все клубы Карен забыли раздоры и объединились.

* * *

Довольно долго я не была в окрестностях Верховного собора Карен. Но вчера поздно вечером по дороге из клуба «Подполье» я проходила мимо бывшей шашлычной в Кентиш-Тауне и с удивлением заметила, что в окнах нет света, веселенькие цветастые занавески пропали, дверь заколочена, и у входа прикреплена доска с координатами ответственного за ремонт подрядчика. Рядом — предупреждение кэмпденского муниципалитета об опасности получить камнем по башке, если будешь ходить близко от стройки. В дальнем углу здания уже начали возводить строительные леса. Из любопытства я исследовала в свете фонарей стену с ликом Карен. От лика мало что осталось — затылок пропал совсем, контур лица расплылся, и оно больше походило на выеденное с одной стороны куриное яйцо. Четкими остались только массивные груди. Надолго ли?

На земле, под остатками лика, лежали букетики, записочки. Я наклонилась и подняла приставленный к основанию стены черно-белый снимок дуэта «Карпентеры» — тот самый, щечка к щечке. Ричард был аккуратно вырезан. На обороте кто-то написал: «Мы любим тебя, Карен! Мы хотим быть рядом с тобой». Я вернула фотографию на прежнее место и пошла прочь.

С высоты высокой

Рекс помочился с высоты балкона девятого этажа пятизвездочного отеля на головы двух десятков своих фанатов.

Репортерам повезло зафиксировать событие на пленку, и несколько дней подряд во всех уголках Аргентины на экранах телевизора Рекс, сияя добродушной улыбкой, окроплял своих поклонников снова и снова. Несколько камер сняли его под разными углами, поэтому материал варьировался. Иногда пленку крутили в замедленном темпе, чтобы струйку можно было разглядеть во всех подробностях. Расстегнутую ширинку показывали крупно, однако прикрывали расплывчатыми квадратиками.

Газеты подняли ужасный вой и наперебой призывали к самым суровым мерам: посадить за решетку, выслать из страны, кастрировать. Во время воскресной церковной службы архиепископ призвал верующих молиться за спасение души заблудшего. А ведущий самого популярного ток-шоу сжег во время передачи афишку рок-группы и призвал родителей по всей стране сделать то же самое с уже купленными билетами на концерт, дабы уберечь своих детей от контакта с Сатаной в человеческом образе. Это было поводом еще раз показать забойный клип: лыбящаяся рожа Рекса, непристойная струйка с девятого этажа, запрокинувшая голову и блаженно сияющая пятнадцатилетняя девица, которой выпало счастье принять на свою голову большую часть звездной мочи.

Стайка перемакияженных девочек-подростков в тесных топиках и в драных колготах в сеточку дежурила у входа в отель часами. Они громко переговаривались и хохотали. Периодически посылал и делегатку — справиться, не спустились ли члены группы в холл, и еще раз попытаться уломать неприступных швейцаров. В сторонке стояли мальчишки с цветными платками на голове и в дешевых теннисках с символикой рок-группы. Фанаты обоего пола сжимали в руках ждущие автографа афишки и фотографии.

Она вместе с прочими бдила у входа в отель с самого рассвета. И в три часа дня Господь вознаградил ее терпение дивным подарком: Рекс помочился ей на голову. Остальные девочки сгрудились вокруг нее в почтительном восхищении — умирая от ревности и со священным трепетом прикасаясь к ее влажным волосам.

Когда она вернулась домой, кот с любопытством обнюхал ее, расфыркался, закрутил головой и отбежал прочь. В спальне

девочка сняла мокрый от мочи топик, прижала его к лицу, пару минут блаженствовала, затем благоговейно заархивировала бесценный сувенир в прозрачный целлофановый пакет. Ее волосы уже подсохли. Она взяла в рот конец длинной негнущейся липкой пряди и долго с упоением сосала его. Потом подошла к зеркалу. Крест-медальон между ее маленькими грудями был полон мочи. Мыть его было жалко, но скоро вернется домой мамаша и точно развопится, если оставить всё как есть. Ее мать вообще ничего не понимает. Верит всему, что пишут в газетах. А в прессе поносили группу последними словами: каждый концерт превращался в побоище между фанатами. В Бразилии группа отказалась петь на бис, и разъяренная публика переломала в зале всё, что можно было переломать. В Мехико дело дошло до массовых столкновений перевозбужденных фанатов с полицией, и десятки окровавленных подростков увезли на машинах «скорой помощи». Пятьдесят тысяч билетов на концерт в Буэнос-Айресе были раскуплены вчистую и давно. Однако ей повезло купить у спекулянта билет на второе, добавочное выступление. И мать, видя ее всё сметающую решимость, не посмела бы не пустить ее на концерт — если бы дочь не показали по телевизору. Стоит задрав голову и ловит с радостной улыбкой каждую каплю падающей на нее мочи! Выложила *состояние*за билет и, под *балконом роскошного*отеля, который оплатила Рексу отчасти и она сама, блаженствует как под кропилом священника… Сучка непотребная, и как я ее, такую, родила!

Сама она не видела себя в новостях. Но мать — видела. И тут же влетела в спальню, визжа от ярости и обзывая дочку последними словами. Теперь о концерте можно было забыть: мать заперла ее в комнате.

Девочка плакала, выла, кричала, билась в судорогах… Мать ничего не проняло. Тогда она опустилась на колени и начала молиться. Поскольку иконы стояли между бесчисленными фотографиями Рекса, которыми были обклеены все стены ее крохотной комнатки, то не было понятно, кому она молится: Иисусу, Пречистой Деве или святому Рексу. От крика и слез лицо распухло и покраснело. Она увидела себя в зеркале — и зарыдала пуще прежнего. Опять кинулась к двери — молотила по ней кулаками и честила мать всеми грязными ругательствами, которые могла вспомнить. При этом щедро давала Мадонне совершенно неисполнимые обеты — типа вернуть себе девственность или обойти пешком планету по экватору. Только бы Пресвятая Дева тут же сразила ее мать молнией и открыла замок!.. Но Мадонна, сама мать, не пожелала откликнуться. Гром не грянул, дверь не открылась, и стены не пали. За окном просто

стемнело. Выплакав все слезы, девочка сидела на постели и слушала, как в гостиной жизнерадостно лопочет телевизор. Самое время включить свет. Но она не могла доставить матери такое удовольствие. Она будет страдать в темноте, и пусть эта сволочь гадает, жива ее дочь или уже наложила на себя руки.

Было слышно, как мать прошла в кухню, хлопнула дверью холодильника, доставая свою первую за вечер бутылку пива. Тихие шаги остановились у ее двери, едва слышно щелкнул ключ в замке. Ей была дарована свобода перемещаться по квартире. Однако девочка даже не шелохнулась. Лежала деревянной колодой и старалась не слышать приторно сладкую песню по телику. Певец трогательно выводил что-то про любовь. Она не знала, от чего ее больше распирает — от любви или от ненависти. Просто ощущала себя… хуже некуда.

Постепенно она утратила чувство времени, все смешалось. Ее знобит, и всё тело в поту. Без света трудно понять, чудится ли ей, что комната полна людей, или она в комнате действительно не одна. Она вдруг узнает доктора, священника и собственную мать. Только ее мать ласково улыбается, полная тревоги и заботы. Девочка внезапно с удивлением замечает, что лежит на чем-то вроде резиновой простыни с желобками по углам и слышит звук текущей воды.

Жидкость истекает из ее тела. Из-под ногтей, из ранок от москитных укусов, из всех пор ее тела — от лба до лодыжек. Из нее льет потоками. Но всего больше фонтанирует не она сама, а крест-медальон на ее груди. Что-то липкое и вонючее катит по груди и животу, потом растекается по резиновой простыне и наконец уходит через покатые желоба куда-то вниз. Доктор с озабоченным видом щупает ее пульс, однако его пальцы утопают в желтом поту, выступающем из кожи ее запястья. Затем доктор с блаженной улыбкой поворачивается к священнику, который с блаженной улыбкой поворачивается к матери, которая с блаженной улыбкой поворачивается к бутылям, в которые стекает то, что извергает плоть ее дочери и волшебный крест на ее груди. Все трое созерцают девочку с почтительным восторгом — так смотрели на девочку фанатки под балконом отеля, когда струя мочи снизошла на ее голову. В комнате появляется еще много-много других людей. И все они возбужденно толпятся и ждут от нее доброго слова или чуда — излечения от болезни или сглаза. Пара молодоженов подходят к ней за благословением на долгую и счастливую супружескую жизнь.

Потом в коридоре случается переполох, и в дверях вдруг возникает сам Рекс. Его со всех сторон облепляют репортеры с фотоаппаратами и телекамерами — в ее огромную, необозримую

спальню представители масс-медиа ввалились перед ее бесценным и вместе с ним. Гастрольный менеджер Рекса дико размахивает руками, отгоняя самых настырных. При этом он старается любезно улыбаться, чтобы не слишком сердить жизненно необходимых журналюг.

Поскольку Рекс хочет остаться с любимой наедине, папарацци нехотя удаляются. Менеджер отводит мать в сторонку и заговорщицки шепчет ей: «Вы, конечно, понимаете — Рекс имеет эксклюзивное право на все естественные отправления своего тела, но поскольку тут сложный случай, не вижу необходимости судиться. Мы можем прийти к взаимовыгодному компромиссу: доходы от затеваемой вами продажи этой целебной жидкости будем делить по справедливости — вам десять процентов, а нам — то, что останется».

Тем временем, нежась в лучах обожания, Рекс стоит у кровати, и его ширинка в упоительной близости от ее лица.

А в отеле Рексова пиарщица, очаровательно официальная с головы до ног и эффективная, как двигатель внутреннего сгорания, тараторит в трубку телефона на чей-то магнитофон:

— В данный момент и речи нет о судебном процессе против Рекса. Но если ему доведется предстать перед судом, линия нашей защиты элементарна: недержание мочи на почве стресса. Столько концертов подряд, сотни тысяч фанатов — ответственность огромная! Что и привело к временному параличу центральной нервной системы, результатом которого стала потеря контроля над собственным мочевым пузырем. Простите, что вы спросили? А, понятно. По оценкам экспертов, просмотревших видеофильм, мочи было примерно три с половиной унции. — Прикрыв ладонью телефонный микрофон, она спрашивает у гастрольного менеджера, только что зашедшего в комнату вместе с гитаристом группы: — Три с половиной унции — это сколько в метрической системе?

Гастрольный менеджер пожимает плечами.

— Без понятия.

— Примерно сто миллилитров, — небрежно роняет гитарист.

Пиарщица и менеджер смотрят на него с почтительным ужасом, словно он только что на их глазах решил теорему Ферма.

— Примерно сто миллилитров, — повторяет пиарщица в трубку.

Из окна ей видна толпа фанаток у входа. Задрав головы, они смотрят на заветный балкон.

Телефон звонит опять.

— Да, моча уже прошла химический анализ. Никаких противозаконных наркотиков не обнаружено. Да я вам лучше

зачитаю: «Вода, неорганические соли, креатин, аммиак, мочевина…» Пожалуйста, всегда рада.

Следующий на очереди — парень из «Нью-Йорк пост». Просит откомментировать слухи, что анализ мочи обнаружил наличие СПИДа, и родители описанных собираются подать на Рекса в суд за попытку преднамеренного массового убийства. Пиарщица вздыхает и скороговоркой выдает именно столько хорошо закругленного текста, сколько нужно на два абзаца в солидной газете.

Затем звонок из Великобритании. Не желает ли Рекс со страниц «Сан» принести публичные извинения своим фанатам? Они готовы даже текстик извинения прислать по факсу. От Рекса нужно только согласие. Ему будет посвящен разворот. Большая фотография: Рекс, как какой-нибудь Муссолини, картинно высится на балконе над покорной обожающей толпой (правая рука удачно прикрывает вынутый член) Заголовок огромными буквами: «Большое приключение малой нужды». Врезка: «Отпетые рокмены — аргентинцам: мы ссым на ваш режим и вашу покорность!»

Пиарщица не успевает ничего ответить. Гитарист вырывает трубку из ее рук и кричит в микрофон:

— Ты, пидор своеобразный! Какие такие извинения ты удумал? Хочешь, чтоб мы милашками заделались? Хочешь, чтоб мы повинились и сказали: больше не делаем бяку и будем хорошими мальчиками?.. Рок-группы не для того рождаются, чтоб жить паиньками! Вы стоите на рогах, когда ваши политики курят травку или шляются по борделям. И правильно! Травка и бордели — не их профессия. А наша профессия — не быть как политики, не быть вежливыми и обходительными, не стараться нравиться всем двадцать четыре часа в сутки! Рокмен так задуман — чтоб от него народ ёжило и корёжило! Сраному времени — сраные музыканты!

Гитарист бросает трубку и, довольно усмехаясь, поворачивается к шокированной пиарщице, чтобы добить и ее:

— Кого тут надо насадить на лысого, чтобы принесли стаканчик?

Вся эта телефонная суета заканчивается тем, что пиарщица и гастрольный менеджер решают уломать Рекса выступить на пресс-конференции.

И вот пресс-конференция. Журналистов пускают с условием: без нашего особого разрешения вы не имеете права перепродавать услышанное и сфотографированное. Таким образом оставляют с носом тех поганцев, которые постоянно пишут о группе враждебно. Журналисты ворчат — львиная доля их доходов

именно от перепродаж. Но деваться некуда.

Группа уже в зале — сидят молчком за столом. Журналисты их игнорируют: их интересует только Рекс. А тот, как всегда, опаздывает. Но пресса не осмеливается выразить возмущение. Терпеливо ждут.

И вдруг Рекс появляется — в сопровождении мрачных шкафов. На нем черные джинсы в обтяжку и тенниска с большим красным кругом на груди — совсем как дорожный знак, только перечеркнут крест в середине круга, а рядом слова: «Хватит мучеников!»

Хотя обычно Рекс немногословен, сегодня слова так и льются из него.

— Это не я мочусь на них, это их *правительство*мочится на них! Вы, аргентинская пресса, хоть иногда обращаете внимание на действия своих властей и полиции? Где были ваши камеры, когда полицейские дубинки ходили по головам ребят, пришедших на наш концерт? Хотите знать, какое послание содержится в наших песнях? Оно торчит вам в морду — как член в здешнем десятидолларовом борделе. «Присмотритесь к своему правительству!!!» Возьмите за задницу придурков, которые вами правят! Что за мусор в голове у этих типов? Разве наши фанаты возмущаются тем, что я сделал? Ни в коем случае. Это ваши власти накинулись на меня как на бешеного пса! Вы меня, друзья, поняли совершенно неправильно. Мне плевать, что люди думают обо мне. Грязь хорошо продается. Я не дурак, чтобы подставляться, но тут грязь — первого сорта, *чистейшая*грязь. Надеюсь, вы понимаете? От меня вы получаете по-настоящему крутой материал. Я, мать вашу, не в каком-нибудь ситкоме комедию ломаю — хочешь включил, а хочешь выключил. Я так живу и думаю. Меня не выключишь! Вот прикиньте в уме, как долго Иисус живым на кресте висел? Он, вне всяких сомнений, мочился с креста. Нужда заставит. Мочился! Христос! С высоты высокой! Прямо на головы безутешных учеников. И что, разве его вторично распяли?

Пока Рекс таким манером балаболит, другие члены группы совершенно не обращают внимания на своего вокалиста. Кто скучает. Кто болтает. Те двое, между которыми он сидит, переговариваются поверх его головы — как приятели на лавочке вагона подземки, между которыми втерся сопящий бомж.

Барабанщик записывает речь Рекса на диктофон, потом перематывает пленку и врубает воспроизведение с места про Иисуса на кресте. Теперь речь Рекса сопровождает эхо с отставанием в тридцать секунд. Баловство никто не смеет прекратить. Сам Рекс слишком увлечен, чтобы отвлекаться.

— Помните, двадцать лет назад «Роллинг Стоунз» скрутила полиция за то, что они поссали на стену гаража?.. Времена изменились, мир уже не тот, что прежде! Вы что, в газеты только пишете? Вы бы их иногда и читали! А там — про Джима Бейли, который оставил на кровати отеля свою *колбаску.*Так эту самую колбаску, говорят, продали на аукционе «Сотбис», причем за большие деньги!

Журналисты, как всегда, кивают и смеются. Что им ни скажи — они всегда кивают и смеются. Профессия такая. Думай, что хочешь, но в нужный момент изволь кивать и смеяться. А Рекс молотит языком дальше, являя бездну информированности насчет эскапад рок-звезд в области публичных телесных отправлений: «Ху» позировали для обложки своего альбома на горшках; Оззи где только не мочился прилюдно, а Иззи, было дело, окропил проход между креслами в самолете.

— А что ему оставалось? Пузырь-то не резиновый! Он, понимаешь, заплатил полтриллиона за билет в салон первого класса, а когда приперло, так все туалеты заняты!.. У меня было то же. Мочевой пузырь вот-вот лопнет, а в ванной комнате как раз уборщица работает! Эта бабища там хороших полчаса ошивалась — не иначе как искала мои использованные презервативы, чтобы потом фанатам продать! Что делать в такой ситуации? Я взял и помочился с балкона. Разве я виноват, что прямо внизу ошивались какие-то люди и таращились на меня? Разве я виноват, что отель, который дерет с меня двести пятьдесят долларов за ночь, не способен держать моих фанатов за линией огня?

Тут один из местных репортеров осмеливается встрять с вопросом:

— Вашу песню «Воюй, белая шваль, воюй!» некоторые толковали как выпад против латиноамериканцев в США. С балкона отеля вы просто еще раз выразили свое отношение к латиноамериканцам?

Никто не ожидал таких резких слов от невзрачного мужчины с добродушной физиономией деревенского простака.

Рекс мгновенно наливается кровью, вскакивает и, поднатужившись, опрокидывает стол. Его телохранители — застоялась сила! — кидаются в зал. Хрясь налево, хрясь направо. Без разбора. Пострадавшие дают сдачи. Рекс лично кидается в схватку.

И понеслось…

Кот запрыгивает на кровать, лениво когтит подушку. Затем уверенно шагает по телу спящей к стене, разворачивается,

поднимает хвост и окропляет обои желтой струйкой.

Девочка просыпается. Она понятия не имеет, как долго спала. А может, она все еще спит и во сне смотрит на часы, на которых десять часов. Черт, последний шанс попасть на стадион. Сегодня концерт наверняка затянется, и она, если очень постарается, успеет к концу. Двери и замки для нее больше не препятствие. Она полна такой решимости, что при необходимости готова прикончить мать кухонным ножом — лишь бы вырваться из дома. А потом она покажет Пако свои грудки, и он мигом домчит ее к стадиону на мотоцикле.

Действительно, уже через несколько минут девчушка на стадионе, хотя и дьявольски далеко от сцены — музыканты кажутся блохами, скачущими на спине белой собаки. Но она видит Рекса на исполинском экране.

В толпе ее узнают — по ролику в новостях.

Люди показывают друг другу на нее.

Одна девочка робко приближается к ней, чтобы коснуться рукой.

Пара застенчивых мальчишек пытается познакомиться.

Но ей ни до чего. Она смотрит только на сцену. Из ее глаз струятся горячие слезы, и образ на экране дрожит и расплывается — как тающая в небе радуга.

И слезы незнакомцев

Джим в могиле, а Рив — нет.

Поэтому немцы вынуждены беседовать с Ривом.

Будь Джим жив-здоров, немцы вообще бы не пришли к Риву — зачем он им тогда?

Делают фильм про Джима. Точнее говоря, документальное дополнение к нашумевшему художественному фильму про группу «Дорс» и Джима Моррисона.

Они уже проинтервьюировали обычный круг людей: режиссера, исполнителя главной роли, биографа, боссов фирмы грамзаписи, былых любовниц Моррисона и музыкальных критиков, писавших в его эпоху. Но Рив был для них сущей находкой.

Если верить рассказам, Рив и его подружка неслись по шоссе под музыку «Дорс». Как только дошло до песни «Конец», машину занесло, и она слетела с дороги. Рив пробил собой ветровое стекло. Три недели в коме. Очнулся — и стал рассказывать одну и ту же историю всем, кто склонялся над ним, ожившим. И доктору, и матери, и подружке, и всем прочим. Мол, он побывал на том свете, где встретил Джима Моррисона, который уговорил его вернуться на землю. Только не в одиночку, а на пару с Джимом. Короче, пока Рив лежал без сознания в коме, в него вселился дух Джима. Сам Рив теперь яростно отрицает всю эту историю — говорит, это его менеджер наплел прессе для пущего интереса.

— Смешно ведь! Не мог я такие глупости говорить! И не верю я во всякие там возрождения в чужом теле!

Поэтому шоу, в котором он исполняет лучшие песни Джима Моррисона, он подчеркнуто называет данью уважения к покойному. И все разговоры, что это Джим поет через него, — полнейшая чепуха.

— Я всего лишь пытаюсь донести до людей, каким великим талантом был Джим Моррисон.

Так или иначе, билеты на шоу раскупаются великолепно. Напудренные до смертельной белизны девушки с ирокезами и тощие мрачные парни в белых блузках, купленных в дамском отделе универмага, исправно заполняют клубы и слушают Рива как Бога. Один из девизов рекламной кампании вокруг этой программы: «Экономический спад и крепнущий диктат гигантских музыкальных корпораций пробудили в людях тоску по простоте и искренности шестидесятых». Дескать, именно шоу Рива утоляет потребность в простоте и искренности.

Смерть, как ни крути, лучший продавец. Хендрикс жив — и

торгует джинсами, чтобы держаться на плаву. А покойник Элвис по сию пору гонит вверх тиражи таблоидов, и десятки женщин по всей стране регулярно рожают от него здоровых малышей. Живой ты им только вполовину интересен. Народ толпами валил на фильм про «Дорс»; теперь толпами валит поглядеть на Риза, в котором нынче квартирует легендарный Джим, Король Ящериц.

Немецкая телегруппа начала работу еще накануне вечером, но что-то у них не заладилось с аппаратурой, и они уговорили Рива на новую встречу — кое-что перезаписать и дозаписать.

Ночной клуб днем — сплошное разочарование. Или слишком много света. Или слишком мало. И тысяча мерзких запахов, словно вечером их забивает музыка. Пахнет стоялым пивом, пролитыми коктейлями, переполненными пепельницами и почему-то ушной серой десятилетней выдержки. Это зловоние так же похоже на запах клуба в часы пик, как то, чем вас потчуют в самолете, на ужин в пятизвездочном ресторане. По сцене, что-то поправляя, слоняются неопрятные типы всех возрастов. Ребята чуть более аккуратного вида тащат на кухню какие-то ящики. Две девицы расхаживают по залу, делая пометки в блокноте. Кажется, даже люди днем пахнут иначе — уныло-буднично. Кто-то приволок сандвичи и запивает их убийственно дешевым кофе. А случайно приоткрытая занавеска напускает столько солнца, что становится муторно — такой слой пыли на роскошных шторах и с такой наглой небрежностью покрашены дивные черно-пурпурные стены. О, лучше и не суйтесь в ночной клуб днем!

Пока Рив переодевается наверху, немцы берут интервью у американского журналиста, работающего в музыкальной прессе. На лацкан ему нацепили микрофон, и бедолага окаменел перед телекамерой, даже не моргает. Словно кролик в ночном свете автомобильных фар. Обоим неловко — и американцу, и берущему у него интервью немцу. Как-никак коллеги. И беседа — вроде визита врача к врачу или ареста полицейским полицейского. Как себя вести? Подчеркнуто дружески? Или смотреть недоверчивым волком? Принять надменную позу? Или скучающий вид? Немец выбирает предельную деловитость.

— Что вы думаете о сексуальной жизни Джима Моррисона? — спрашивает он.

— Ничего похожего на сексуальную раскованность чернокожих представителей рок-н-ролла. Или белых пацанов, которые их имитируют. В любви он не строил из себя ковбоя и не подражал нью-йоркским жирноволосым, которые подражали Элвису, который подражал непонятно кому. Скорее уместно говорить о сексуальности представителя среднего класса, доведенной до своего теоретического предела. Его творения —

музыка пениса, который медленно познает сам себя.

Судя по тому, с каким энтузиазмом кивает головой немецкий коллега, американский критик несет именно ту чушь, которая устраивает телегруппу. Поменяйся журналисты местами, немец лопотал бы примерно то же самое. В конце интервью американца искренне благодарят и угощают сандвичем и пивом из ящика с подтаявшим льдом — влажная этикетка на бутылке съехала в сторону.

На сцену выходят ребята из группы Рива — начинают подключать и настраивать аппаратуру.

Рив появляется в девственно чистой пиратской сорочке и скрипящем кожаном трико. Подходит к микрофону, пригибает голову и упирает в него лоб. Стоит так, весь в себе, несколько мгновений. Затем вдруг охватывает микрофон губищами-дирижаблями. Облизав металлическое эскимо, отстраняется и говорит: «Проверка-проверка-проверка. Раз-два-три, раз-два-три». Немцы делают интернациональное колечко пальцами — всё о'кей! — и начинают кивать головами в ритм, когда знакомая музыка наполняет фальшивую клубную ночь.

В итоге семь миллионов немцев имеют возможность полюбоваться на экранах своих телевизоров тем, как дивно Рив движется по сцене — будто крадущийся лев. Его обтягивающее трико переливается в паху, как кожа ящерицы на солнце. Рив надувает губищи совсем как Джим. И смотрит совсем как Джим — один глаз полуприкрыт, зрачки вверх. Но этот странный взгляд странных глаз смотрит с экрана телевизора вам прямо в душу, а сам музыкант погружен в кипящий океан чарующих звуков.

Но когда Рива показывают уже в домашней обстановке, зрители не могут не ахнуть: это совершенно другой человек! Метаморфоза ошеломляющая. Из загадочного грозного зверя — в благовоспитанного юношу. Вне сцены Рив какой-то весь крохотный, недокормленный, встрепанный и неуверенный в себе — как птенец, только что вывалившийся из гнезда. Сходство довершают глаза — маленькие, по-птичьи круглые. От льва — ни следа, от ящерицы разве что какая-то бескостность лица. Одни округлости и пупырышек вместо подбородка. Сидя у экранов, семь миллионов немцев гадают, каким образом это невзрачное существо способно во время шоу нечеловечески преображаться — надевать другие глаза, делать угластое лицо, наращивать массивный подбородок. И куда это девается, когда он сходит со сцены? Если это не диковинный фокус, то, уж конечно, настоящее волшебство! Единственное, что не меняется, — его губы. Ну и губищи! Как пузыри, которые для смеха подкладывают кому-нибудь под зад. Зато пленяет, каким энтузиазмом загораются его

глаза, когда он говорит о Джиме. Когда он говорит о себе — у него глаза дремлющей на насесте курицы. Впечатление, что он смотрит в свою жизнь, пытаясь углядеть с насеста хоть одно съедобное зернышко, но только зря напрягает глаза. И лишь когда Рив снова — очередным хитроумным маневром — нашаривает в разговоре имя Джима, он весь преображается и начинает вдохновенно хлопать крыльями.

Звонков в студию великое множество — телефоны разрываются. Брачных предложений — тридцать. Деловых — три. Два от студий грамзаписи, одно от книжного издателя. Четыре угрозы убить. Женщина-психиатр берется даром вылечить Рива.

На следующий день огромные фотографии Рива практически во всех немецких газетах. Музыкальные критики прославляют его талант имитации до небес. Один восточно-немецкий поэт, бывший знаменитый диссидент, присылает ему факсом стихотворение, написанное в приступе вдохновения еще во время телешоу. В стихотворении Рив — символ на самом деле по-прежнему разъединенной Германии: невеселый, но вместе с тем и неунывающий бывший житель Германской Демократической Республики, который бежит за своим западным соотечественником — бежит в сапогах с чужих, великанских ног. Сапоги то и дело сваливаются, и неуемный оптимист снова и снова чарли-чаплински падает носом в грязь, тут же подхватывается и спешит вперед. Он хочет догнать западного великана, который ломит вперед гигантскими шагами… Куда ему! Он всего лишь крохотная пародия на великана, тень его тени, он только пыжится быть похожим, а на самом деле никогда не вырастет, никогда не догонит своего идеала… В последнем четверостишии возникает новый образ: когда у ящерицы отрывается хвост, она не оглядывается — идет как ни в чем не бывало дальше; ей плевать на хвост, он ей не очень-то нужен — вырастет новый; а вот у хвоста новая ящерица не вырастет, поэтому он еще долго извивается в пыли, в отчаянии просясь обратно…

Газета «Ди Цайт» посылает своего внештатного корреспондента в Лос-Анджелес интервьюировать Рива. Статья озаглавлена «Хвост ящерицы». В ней подробная биография Рива и масса фотографий, начиная с детского возраста. Он в школе, он с мамой, он со своей группой. Каким он был и каким стал под воздействием любви к своему кумиру — то есть после того, как он нашел ящерицу, которой принадлежал. Он нашел Короля Ящериц. По его словам, одноклассник одолжил ему две пластинки «Дорс» — «Странные дни» и «В ожидании солнца». Для четырнадцатилетнего мальчика это было что-то вроде

мистического откровения. Его пробило навсегда. Он бросился в магазин, купил оба альбома Короля Ящериц — и слушал так часто, что заиграл пластинки до смерти, буквально до дыр. Музыка — единственное, что осталось для него от Джима. Ведь тот умер, когда Риву было только семь лет. Поражает, как Рив рассказывает о себе: без гордыни и без лишнего самоунижения. Бросается в глаза, насколько уютно он чувствует себя в роли имитатора. Никаких попыток выпрыгнуть из-за Моррисона на первый план. И вместе с тем глубочайшее уважение к собственной миссии. Он смиренно понимает, что люди, интересующиеся Джимом Моррисоном, невольно интересуются и им, Ривом. Было бы просто хамством не удовлетворить их любопытство. Однако главным предметом разговора всегда остается Джим Моррисон, о котором Рив знает фантастически много. Хотя в беседе о кумире его временами бросает от почти профессорского бесстрастия к напыщенным трюизмам зеленого студента-психолога, а то и к простодушному захлебу фаната.

— Диски «Дорс» выпускала небольшая фирма «Электра Рекордс», — рассказывает Рив. — Малоизвестный факт: конверты пластинок этой фирмы пахли лучше всех в мире: в краску подмешивали что-то особенное. И тут надо помнить, что Джим во многом жил именно носом. Обоняние почти доминировало среди его чувств. Скажем, он страстно увлекался поэтами французского декаданса и однажды заявил приятелям, что не может умереть, *не понюхав*Париж. И когда он там наконец оказался, он весь город *исходил ноздрями.*Кстати, вам известно, что Джим страдал астмой? Не берусь утверждать со стопроцентной уверенностью, но я прочел это в воспоминаниях не кого-нибудь, а его двоюродного брата. Возможно, именно из-за астмы отец так жестоко наседал на Джима. Его отец был до мозга костей военным — адмирал в отставке. То, что его сын пописывает стишки, нюхает цветочки и закатывает глаза, было ему как нож в сердце. А тут еще парнишка повадился умирать от пригоршни невинной пыльцы!.. Ну, отец и взялся с жаром за перевоспитание недоделанного отпрыска… По словам кузена, первые эксперименты Джима с наркотиками заключались в сознательной передозировке лекарств против астмы.

Нельзя понять Джима, не поняв его отношений с отцом. Он ненавидел армию и всё, что с ней связано. Он ненавидел всю подлую дребедень соперничества между самцами, их презрение к женщинам и желание насилием доказывать свое превосходство… И одновременно он стремился быть всем тем, что он так ненавидел. Хотел походить на отца. Хотел иметь железный характер и военную выправку. Хотел быть лидером в любой

группе самцов, хотел быть королем джунглей. И, конечно, стремился тиранить и подавлять женщин, вертеть ими по собственному произволу. Женщин он мыслил только как рабынь. Впрочем, вернемся к Электре. Та, греческая Электра, помогла брату убить их мать и ее любовника. Электра была как бы женской составной частью характера Моррисона. В одиннадцатиминутной песне «Конец» об этом четко сказано: «Мама, я хочу…» Ну, дальше вы, конечно, сами помните. Поэтому вообразите, какое глубокое символическое значение имел для Джима тот факт, что фирма грамзаписи называется «Электра»!

Шумный успех вылился в то, что в Лос-Анджелес прилетел немецкий телебосс и уговорил Рива вести еженедельную передачу на немецком телевидении. Продюсер имел в виду что-то забойное, типа Опра Уинфри берет интервью у Майкла Джексона, только при этом воображает, будто она и есть Майкл Джексон!.. В конце концов получилась смесь обычного европейского телетрёпа со знаменитостями в паузах между их песнями и танцами — и американского разнузданного ток-шоу со всяческими чудаками и придурками, которые периодически вцепляются друг другу в волосы. Словом, пели, танцевали, болтали, экзотические гости излагали свои экзотические теории, и все это действо совершалось под руководством Рива.

Передачу окрестили «Хвост ящерицы». Успех был оглушительный. Все ее смотрели, каждый был не прочь в ней поучаствовать — от угрюмых личностей, везде прозревающих глобальные заговоры, до проезжих рок- и поп-звезд. К примеру, однажды явился учитель, который требовал включения поэзии Джима Моррисона в школьный курс литературы, а некий медиум поведал, как он общается с Джимом: тот живет в особо огороженном участке рая, потому что и в раю знаменитостей достают фанаты.

Мелькнул молодой человек лет двадцати с чем-то, который был довольно похож на Джима Моррисона — он величал себя его незаконным сыном. Якобы в шестидесятые его мать была на концерте «Дорс» в Лондоне, тот встретился с ней глазами, прожег ее взглядом до голого тела — и ночь она провела с ним в отеле. Потом она благополучно вышла замуж за богатого издателя, стала чинной гамбургской домохозяйкой и до последнего времени сохраняла тайну рождения своего старшего сына. Проболтался мнимый отец — в сердцах, во время ссоры с сыном, назвал его выблядком толстопузого лос-анджелесского рок-поэта, пьяницы и хвастливого Бодлера для неразборчивых, который пропил и профукал данную ему крупицу таланта и дал дуба в ванной, захлебнувшись собственным жиром. С матерью случилась

истерика, пришлось вызывать «скорую». Когда сын захотел обратиться к родственникам Моррисона, провести анализ ДНК и внести полную ясность в вопрос отцовства, мать наотрез отказалась ему помогать. Тогда он официально сменил свое имя на Джеймса Андреаса Моррисона, и возглавляемая им рок-группа уже так раскрутилась, что известный лейбл намерен выпустить ее первый альбом.

Выступил в программе и один ветеран рок-движения, вроде бы старый друг Моррисона, с которым они на пару «тысячу раз» баловались кислотой. Теперь ветеран присоединился к модной кампании «Рок без наркотиков» и переходил из шоу в шоу с филлипиками против страшного зелья. В беседе с ним Рив сказал:

— Я думаю, Джим экспериментировал с наркотиками только потому, что эпоха была такая — все кругом экспериментировали. Доживи он до нашего времени, он бы с этой ерундой давно завязал. Сам я к наркотикам и не прикасаюсь, проще сунуть дуло пистолета в рот — быстро и не больно. — Аудитория поддержала его аплодисментами. — Я вообще-то даже не пью. Если мне в компании суют бутылку пива, я для приличия опрокидываю ее в рот, но запираю горлышко языком. Много-много лет назад, по молодости, я попробовал кислоту — хотел испытать на себе то, что испытал когда-то Джим. Чушь собачья — никому не дано испытать точно то, что испытал другой человек. Вжиться в его образ можно, но чтобы действительно чувствовать как он — пустая мечта.

Однажды в студию пришел владелец магазинчика рептилий — с коробкой, в которой копошилось нечто немыслимое.

— Вот вам настоящий «король ящериц», — сказал он. И зрители на крупном плане увидели нескольких коричневых крохотных ящериц, которые в тесноте своего убежища неразрывно сплелись длинными хвостами. Они тормошились в разные стороны, однако разбежаться не могли. В природе они просто погибли бы от голода.

Этому рептилиеводу досталась честь вручить награду победителю викторины для самых *джимформированных* зрителей — пояс из кожи ящерицы, который некогда носил Джим Моррисон, величавший себя Королем Ящериц.

Побывал в программе и тот восточно-германский поэт, который сочинил замечательное стихотворение про хвост, тоскующий по ящерице. Выступила австралийская группа поющих двойников «Дорс». Не побрезговал зайти и Билли Айдл, гастролирующий в Германии. Когда он исполнял свою версию «Женщина из Л-А», которая должна была войти в его новый альбом, Рив вскочил на сцену и стал подпевать. Наутро газеты

комментировали, что по прикольности один другого стоил, Рив даже переигрывал Билли по жару исполнения.

Музыкальный критик сформулировал глубже: «Что приятно поражает в выступлении Рива, так это отсутствие вселенской усталости, которая исходит от большинства рок-певцов, которые знамениты больше чем три года: мол, столько я напелся-навыступался, что в гробу я видел все эти концерты и всех вас. Тот же Джим Моррисон очень грешил этой позой. Вспомните знаменитый инцидент 1969 года, когда его арестовали за обнажение члена на сцене. Теперь этот эпизод приводят как доказательство его хипповости, бунтарства, гиперсексуальности, преданности высокому искусству и еще черт знает чего. А правда незатейлива — он был пьян в стельку. Все у него вызывало отвращение: и публика, и концерт, и необходимость петь. В глубине души ему было на всех и вся наплевать. Он не помнил слов. Он спотыкался на сцене.

Да, зрители пришли поглядеть на его выходки. И все-таки в первую очередь они пришли за его песнями. А петь-то как раз не хотелось — и не пелось. И публика начала потихоньку звереть. На ненависть она внезапно ответила взаимностью. И тогда Джим начал публику дразнить: „А не желаете ли взглянуть на мой член?“ И поскольку в тот вечер ему было больше нечем поразить фанатов, он действительно вытащил из штанов свой член. Дряблый и крохотульный, скукожившийся. В этом членчике не было ничего хиппового, бунтарского, суперартистичного или гиперсексуального. Просто что-то мягкое, болтающееся — как дохлая рыбешка, когда держишь ее за хвост.

Все рок-звезды в какой-то момент приходят к осознанию полной бессмысленности того, что они делают. Одни раньше, другие позже. Одни прилежно скрывают свое открытие, другие им даже бравируют. Но эта трагедия случается с каждой звездой. Только Рив никогда не будет страдать от бессмысленности своего дела, потому что он выступает не ради себя. Эгоизм абсолютно выметен из него. Он своего рода религиозный фанатик, у него даже характерный для фанатика постоянный блеск в глазах. То есть вот человек, который незыблемо уверен — он обрел правду, и его труд исполнен великого значения. Это значение дано ему свыше и навсегда. В определенном смысле Джиму Моррисону стоило умереть, чтобы родился такой вот Рив».

Третьего июля, в очередную годовщину смерти Джима Моррисона, делали специальный выпуск программы. Рив, выряженный под Джима, ходил по Парижу в сопровождении телекамеры и показывал места, где бывал или мог бывать

Моррисон, *изнюхавший* весь город.

Дом, где он скончался, снесли.

На пустыре, примерно на месте той самой роковой ванны, камера долго не отрывала глаза от дворняжки, которая мочилась на груду битого кирпича.

Разумеется, побывали и на кладбище Пер-Лашез.

Телегруппа медленно двигалась по узким проходам между рядами могил. На ближайших могильных плитах и склепах стояли значки мелом или краской: «К Джиму — туда». Кое-где виднелись непристойные граффити. Имена и даты посещения. Тут же рядом строки из его стихов, часто с ошибками в написании слов. Поклонники были из разных стран, и писульки на камнях были на дюжине языков.

Могилы стояли шокирующе густо. Тут, кстати, и под землей была та же теснота — много этажей с тесно составленными жильцами. Некоторые гробы стояли вертикально. Джиму Моррисону отвели места не больше, чем цирковому карлику. Прямоугольный камень, закрывавший всю миниатюрную могилу, цветом и фактурой мало чем отличался от куска бетона. Парни и девушки сидели вокруг на могилах, болтали, смеялись, пили пиво, благоговейно совали в щели надгробия свои записки, возлагали цветы. Это не было подстроено для съемки. Третьего июля сюда каждый год съезжались поклонники.

Зрелище этой молодежи, не забывшей Джима Моррисона спустя столько лет после его смерти, растрогало Рива до слез. Было тут и несколько его давних знакомых. Он со многими пообщался, перецеловал много щек и пожал много рук.

Позже он сказал в камеру:

— Я тут, на кладбище, обрел друзей. Дивное место, дивные люди. Что-то вроде клуба. Паломничество сюда я совершал раз десять, не меньше. Впервые пришел восемнадцатилетним. Принес спальный мешок и ночевал рядом с его могилой. В тот раз я написал свое имя в самом основании могильного камня, чуть раскопав землю. Хотел быть к нему ближе всех остальных. Теперешний камень — ужасный. А прежние разворовали по кусочкам на сувениры.

Затем Рив провел съемочную группу к месту погребения Оскара Уайльда.

— Вы только посмотрите!

Камера крупно взяла надпись на могильной плите. А Рив продекламировал самоэпитафию Оскара Уайльда:

> И слезы незнакомцев давно разбитую
> Наполнят чашу Состраданья:

Восплачут об изгое отщепенцы,
Которым плакать — до конца созданья.

— В пору и на могилу Джима! «Слезы незнакомцев»! Могуче сказано, да?

Вслед за этим зрители переносились в бар, где Джим имел привычку писать стихи. Знававший его бармен, образцовый усатый француз, флегматично-безмятежно мыл высокие стаканы. У стойки парижский журналист, мужчина под пятьдесят, распинался про то, как они с Моррисоном в этом баре вели долгие разговоры об экзистенциализме, и Джим просил организовать перевод его стихов на французский. Рядом с журналистом сидел насупившийся Рив — вид у него был слегка надменный, будто Джим в нем говорил: «Заливает, собака!» — но чувствовалось, что Рив отчего-то не в своей тарелке.

Затем показали куски заснятых концертов «Дорс» и немногие кадры, на которых Джим вне сцены — сперва как божественный красавчик, потом как толстый бородатый полудебил — кожа на лице висит, крохотные глазки придавлены жирными, отекшими веками.

Группа Рива прилетела в Германию и, собранная впервые после более чем годичного перерыва, показала там свое шоу. Под конец на сцену поднялся сидевший в зале двоюродный брат Джима и, пожимая руку Риву, сказал: «Привет, Джим!» В публике плакали. Сам Рив выглядел так, словно вот-вот рухнет в обморок от счастья.

Однако когда срок контракта с немцами истек, Рив принял решение его не возобновлять. В день своего тридцатилетия он вернулся в Лос-Анджелес.

Группа рассыпалась окончательно, никто больше не хотел играть в «Дорс» — каждый двинул своей дорогой.

Рив появился в паре ток-шоу, нанял даже медиаконсультанта для своей раскрутки. Однако в Штатах им больше не интересовались.

Он переехал в дом матери. Чтоб не бездельничать и сводить концы с концами, поступил крутить баранку в «Стар компани» — встречал на лимузине знаменитостей в аэропорту.

Когда самолет запаздывал или заказ отменяли, Рив ехал к берегу океана, открывал дверь машины, чтобы впустить внутрь свежий морской ветер. Сидел, мечтал, складывал в голове какие-то обрывки стихов, любовался на волны.

В холодные дни он вспоминал свою квартиру в Германии —

старинный дом с невероятно высокими потолками. Сердито урчащие батареи центрального отопления прогревали комнаты мучительно долго. В памяти вставали обязательные сосиски, водянистые немецкие сыры, чудесные картинные галереи, диковинные замки… И, конечно, он не мог забыть свою немецкую возлюбленную. Она была старше него, практически в матери годилась. Художница. Крепкие руки. Целеустремленное лицо тонкой лепки. Однажды, в самом начале их связи, консьерж устроил сцену — не хотел пускать постороннюю женщину на ночь. Пришлось пережидать и проводить ее тайком, с хитрыми предосторожностями. Было весело и неловко. В квартире они старались не шуметь, даже смеялись шепотом — как подростки, грешащие в родительском доме.

Много месяцев спустя — когда консьерж уже приветствовал ее радостной улыбкой и даже угощал кофе, если Рив поздно возвращался из телестудии, — лишь много месяцев спустя она сказала ему то, что он понял давным-давно: она сдвинута на Джиме Моррисоне. Она призналась, что страстно хочет принять участие в посвященной ему телепередаче.

И без утайки рассказала ему всю историю. В первую ночь после похорон Джима она пробралась на кладбище к его могиле. Ей было важно убедиться, что кумир действительно умер и зарыт в землю. Ходили слухи, которые сопровождают смерть чуть ли не каждой звезды, ушедшей в мир иной в одиночестве и неэффектно. К примеру, бесконечные разговоры о том же якобы всё еще живом Элвисе. Про Джима говорили, что он не умер, а просто махнул на все рукой и, изменив внешность, работает теперь на бензоколонке или забился в пустыню и живет там в трейлере, любуясь на ящериц. Скончался он от сердечного приступа в ванной. Когда менеджер срочно прилетел в Париж, вдова предъявила ему уже заколоченный гроб и неразборчиво подписанное свидетельство о смерти — она даже не могла вспомнить, кто именно подписал бумагу. То ли действительно плохо соображала от скорби, то ли была обколота, то ли просто темнила.

Словом, в этом случае действительно был резон для некоторых подозрений.

Если гроб окажется пустым, будущая любовница Рива планировала искать Джима по всему свету хоть до скончания дней. Она знала себя — знала, что ее ничто не остановит и она его найдет. Да только гроб не был пустым, промолвила она, глядя в высокий потолок. Когда она это рассказывала, они с Ривом лежали на широченной кровати, опираясь спинами на огромные подушки. Только после долгого, очень долгого молчания Рив решился спросить, что она сделала потом.

От ее ответа у него волосы на голове дыбом встали. Сколько будет жить, столько будет помнить, как она не спеша искала пачку сигарет, как она не спеша вынимала сигарету и медленно раскуривала — и, после второго облачка дыма, сказала:

— Я ему отсосала. А потом заснула — прямо там, в могиле.

Утром ее нашли кладбищенские работники. Много лет она провела в психиатрической клинике. Потом ее выпустили — с условием регулярно встречаться с надзирающей медсестрой. С этой женщиной она даже хотела его познакомить. По ее словам, медсестра не имеет ничего против ее участия в передаче о Джиме Моррисоне.

Сейчас, на берегу океана, в лимузине с открытой дверью, в голове Рива вдруг мелькнуло: а ведь то, что я делал, — тоже, в сущности, всего лишь экзотическая форма некрофилии. Пытался высосать хоть чуть-чуть жизни из трупа…

Но он тут же на веки вечные отогнал от себя эту поганую мысль.

Захлопнул дверь машины и завел мотор.

На бульваре Сансет Рив припарковался у того самого ночного клуба, в котором немецкая телегруппа некогда снимала его шоу. Мимо проносилась жизнь — в «порше» и «мерседесах». В ожидании клиента он включил радио.

Аллергия на Канзас

Всё было хорошо, пока у Лео не выросли женские груди.

До этого всё было даже лучше, чем просто хорошо!

Лео всегда был убежден в своей гениальности и только досадовал, что мир так медленно идет к пониманию, какого масштаба он артист. Но даже он был более или менее удовлетворен достигнутым — ожидая в будущем еще большего.

Его альбом был самым популярным в Великобритании, а в Америке — в первой десятке. Пять его синглов попали в список хитов. Билеты на концерты на лучших американских площадках были вмиг распроданы. И он имел подружку-супермодель, которая не выплевывала, а глотала. Эта подружка только что звонила — ее фотосессия на побережье Карибского моря отменена, поэтому она при первой возможности запрыгнет в самолет и нагрянет к ненаглядному Лео, по которому она изошла тоской.

Единственная закавыка — супермодели вряд ли понравятся однозначные царапины на груди Лео, оставленные вчерашней темпераментной канзасской блондинкой.

Его гастрольный менеджер Мюррей, будучи в курсе проблемы, приказал:

— Запрети ей приезжать!

Мюррей был вообще против навещалок во время гастролей. От постоянных подружек на гастролях только неприятности, склоки и хаос.

Лео отрицательно замотал головой.

— Как ей запретишь? Это будет всем скандалам скандал!

Фебе Фитцваррен еще ни один мужчина не посмел сказать «нет». Лео не самоубийца и высовываться из окопа в полный рост не намерен… Выходит, предстояло хитрить.

— Мюррей, она приедет уже завтра. Что мне делать, черт возьми?

Менеджер — тертый калач, с рок-группами работал не первый год. Через минуту он появился с двумя широкими толстыми рулонами бинтов и велел Лео раздеться. Накладывая певцу тугую круговую повязку на грудную клетку, Мюррей пояснил: скажем твоей ревнивице, что ты упал со сцены и сломал ребро. Повязка была наложена вполне профессионально, за вычетом одной важной детали: помня, что Лео выступать с голой шеей, Мюррей пустил фиксацию под яички — видя его работу, любая медсестра хохотала бы до колик в животе.

Феба купилась. Однако выяснилось, что они пересолили и

загнали Лео в неожиданную идиотскую ловушку. Феба была так растрогана «драмой», что застряла почти на две недели: опекать больного. И всё это время Лео парился в бинтах — в том числе и во время выступлений, когда они в жару, подогретую юпитерами, метались по сцене как сумасшедшие. Но самое трагикомичное в ситуации: Феба Фитцваррен наложила запрет на секс любого вида! Даже рукой не соглашалась его потрогать.

— Сломанное ребро — штука серьезная, — твердила она. — Одно неловкое движение, и ты получишь прободение легких! Зачем рисковать? Давай просто осторожно обнимемся, полежим вместе и побеседуем.

Ага, лежи и беседуй рядом с самой красивой на два континента грудью!

Наконец на Карибском побережье что-то опять склеилось, и Фебе пришлось уехать на съемку. Лео был вне себя от радости: конец воздержанию, и можно сорвать с себя проклятые бинты!

Не успело такси с Фебой отъехать, как он кинулся в свой номер и сбросил одежду. Мюррей поработал на славу. Узлы были завязаны в плохо достижимых местах и намертво. Как Лео ни изворачивался, ничего не получалось. Он в сердцах позвонил менеджеру, но того не было в номере — ответил гостиничный автоответчик.

Лео попробовал ножницы. Не вышло. Бинты слишком плотно прилегали к телу. В итоге он, шалея от злости, схватил перочинный нож. Самая узкая перевязь была в паху. Он решительно полоснул по бинтам именно в этом месте — и охнул. Он не рассчитал силы: нож не только бинты разрезал, но и полоснул по телу. Под мошонкой выступила кровь. От нее к промежности шла узкая ранка.

Лео нашел в аптечке йод, смазал им ранку — и долго прыгал и вопил от боли, выскребая из памяти все известные ему ругательства.

Затем, продолжая беситься, он стал раскручивать бинты.

Но когда его грудная клетка, за две недели испотевшаяся и исстрадавшаяся во тьме, наконец была явлена свету, Лео остолбенел.

Из зеркала на него смотрели две девичьи грудки.

Он помотал головой, словно стряхивая пьяную одурь. Грудки никуда не пропали. Он пощупал их. *Тяжеленькие.* Он ожидал увидеть опрелость, синюшность или еще какую-нибудь дрянь, но это… это ни в какие ворота не лезло!

Тут в комнату вошел Мюррей.

Для него новообразования на груди Лео тоже явились шокирующим сюрпризом.

— Ну, ты разжирел, дружище! — воскликнул он. Потом пригляделся и присвистнул. Новые груди Лео совсем не напоминали «висюльки» толстяков. Это были однозначно девичьи груди. Ядрененькие, подростковые, еще не окончательно сформированные. С нервным смешком Мюррей сказал: — Похоже, ты до того обожаешь женскую грудь, что и себе отрастил!

— Кончай зубоскалить! — взвыл голый Лео. — Дело нешуточное!

Мюррей заметил кровь у него на бедре и с ухмылкой попятился.

— А, у дамы месячные и плохое настроение. Тогда я лучше пошел — от греха подальше.

И Мюррей, трус проклятый, ретировался. Лео рухнул на постель.

И в лежачем положении груди исчезли не окончательно. Немножко распластались, но все равно торчали вверх. Со стоном Лео резко поднялся.

Через пять минут Мюррей вернулся.

— Не психуй, — сказал он. — Я нашел доктора и переговорил с ним. По его мнению, мы столкнулись с заурядной аллергической реакцией на плотные бинты. Такое случается, хотя и редко. Обычный отек, только ярко выраженный.

К этому времени Лео уже прикрылся до подбородка простыней и смотрел в потолок с выражением смертельно раненного при последнем издыхании.

— Через час доктор забежит сделать тебе соответствующий укол.

— Я не пойду на сцену в таком виде, — заявил Лео. — Отменяй концерт к чертовой матери.

— Не дури! — сказал Мюррей бодрым тоном. — Скоро оклемаешься. Считай, что тебя укусили два очень злых комара.

Доктор осмотрел Лео, похмыкал, сделал ему укол в ягодицу, прописал антигистамины и антибиотики.

— Пока лечитесь — ни капли алкоголя, — добавил он строго. Певец покорно кивнул. Доктору этого показалось мало, и он повернулся к Мюррею, словно тот был отцом этого шалопутного мальчишки: — Проследите за ним, иначе лекарства не подействуют.

— Я сейчас вернусь, — сказал Мюррей, выходя с доктором в коридор. Лео слышал, как они вполголоса совещались за дверью. Он вскочил и подбежал к зеркалу. Груди и не думали усыхать. Он зарычал от злости и кинулся обратно под простыню.

Перед концертом, когда остальные члены группы

«Нимфолептикс» были уже на сцене и проверяли аппаратуру, Лео все еще торчал в гримерной — наедине с Мюрреем — и горестно причитал:

— Как я в таком виде появлюсь перед публикой?

Его обычная узкая черная сорочка нестерпимо подчеркивала кругляши на груди.

— М-да, — пробормотал Мюррей, потирая подбородок, — я тебя понимаю… Давай перебинтуем их к чертовой матери!

— Э нет! — завопил Лео. — Хватит, дозаматывались уже. Помни, что врач сказал: это аллергия на бинтование!

Мюррей предложил скотч. Но сдирать после концерта широкую липкую ленту было то еще мучение! Лео потерял последние немногочисленные волоски на груди. Пока остальные члены группы весело надирались и трахались, Лео мрачно бродил по номеру: пить ему было запрещено, а со свежим комплектом женских грудей о сексе не стоило и думать. К тому же стресс был так велик, что член все равно бы и не шевельнулся.

Лео лег спать вконец подавленный, впервые трезвый — и опять вопреки надеждам сексуально неудовлетворенный.

Четыре дня спустя, за запертой дверью своего номера, Лео стоял в присутствии Мюррея по пояс голый перед зеркалом. Несмотря на аккуратный прием прописанных лекарств и строгое воздержание от алкоголя, то, что было забавными холмиками тринадцатилетней девочки, превратилось в достаточно зрелую грудь, которой могла гордиться пятнадцатилетняя девушка.

— По-твоему, они стали меньше? — спрашивал Лео, отказываясь верить очевидному.

Мюррей неопределенно хмыкал. В руках он держал ленту скотча и новые дорогие бинты — в аптеке клялись и божились, что это особенные, не вызывающие аллергию бинты. Теперь подготовка к концерту проходила быстро, и закрепленные скотчем бинты удалялись затем без особых хлопот.

— Знаешь, что я думаю? — сказал Лео. — Наверное, это как-то связано с моим долбаным воздержанием. Две недели не иметь секса после того, как годами трахался ежедневно и по нескольку раз, — это тебе не хухры-мухры! Ведь чертова Феба мне ни разу за все время не дала — ну, ты сам знаешь. Онанизм не в счет. Такая резкая остановка крайне вредна для здоровья. Это как с наркотиками. Тут тоже своего рода ломка — вот и *выломились* у меня наружу сиськи! — Лео робко потрогал свои груди. — Может, это избыток спермы бросился в неожиданное место…

Мюррей солидно кивал головой.

— Или тебя *пучит* от избытка тестостерона?

— Не знаю. Кто не станет калекой, две недели без дела пролежав в постели с Фебой Фитцваррен — с торчащим до неба членом! Пожалуй, мне все-таки надо начать трахаться. А ну как поможет?

Мюррей был против. Он боялся огласки.

— С бинтами, конечно, — добавил Лео. — Старая версия сломанного ребра. Не снимая рубашки. Мне необходимо разрядиться. Надеюсь, привычный образ жизни вылечит эту… дурь.

— Ладно, — кивнул Мюррей. — Попытка не пытка. После концерта пришлю тебе фанаток.

Следующую неделю Лео занимался сексом в поте лица своего. Это положительно сказалось на его настроении и сгладило шероховатости в отношениях членов группы… однако «шероховатости» на его груди меньше не стали. Каждый раз, когда он снимал бинты, груди выглядели еще больше, еще *выразительнее*.

Лео в полном отчаянии вернулся к полному воздержанию от секса.

* * *

Когда они приехали в Нью-Йорк, менеджер предложил больше вообще не пользоваться бинтами.

— Возможно, постоянный приток свежего воздуха заставит их усохнуть. Очевидно, виной всему застой крови…

— Ага! — завопил Лео. — И на сцене прикажешь так появляться? На кого я буду похож? На долбаную Брнтни Спирс?

— Ну не знаю, — мрачно отозвался менеджер. — Я просто хочу тебе как-то помочь. Наши грёбаные доктора понятия не имеют, что предпринять!

Лео показался уже трем светилам. Все качали головами и прописывали противовоспалительные средства, которые были как мертвому припарки.

Пока Лео и Мюррей сидели молча и пригорюнившись, в дверь внезапно замолотили кулаками.

— Эй, вы! — кричал гитарист группы. — Немедленно откройте! Что вы там такое делаете, что надо на ключ закрываться?

— Сейчас, сейчас, не кипятись, — крикнул Мюррей. Потом тихо сказал Лео: — Попробуй надевать рокерскую толстую кожанку. Если молнию застегнуть почти до самого горла, то никто ничего не заметит. В Нью-Йорке подобную вещь хорошей

выделки найти нетрудно.

Костюмершу тут же отрядили в город с соответствующим поручением.

Когда вечером Лео появился на сцене в новой куртке, Ангус — бас-гитара — насмешливо фыркнул:

— Это что за маскарад?

На стадионе, где им предстояло выступать, было жарко как в бане, и сам Ангус был в обрезанной тенниске с голым животом.

— А тебе какое дело? — огрызнулся Лео.

Ангус стрельнул глазами в сторону Яна, но тот лишь поднял правую руку от струн гитары и жестом показал: «Придурок, что с него возьмешь!»

Концерт не задался. Лео, красный как рак, обливался потом в тяжелой куртке и двигался по сцене как сомнамбула. После кое-как допетой последней песни он тут же сбежал в свою гримерную и заперся там. Зрители были настолько недовольны, что Мюррею пришлось эвакуировать группу через тайный подземный ход в чреве стадиона.

Отсиживались в каком-то бункере.

Ян, со спущенными штанами (перед ним стояла на коленях впопыхах прихваченная девица), возмущенно спрашивал:

— Что сегодня с Лео? Он нам весь вечер испоганил!

— Обкурился или что глотнул, — отвечал Ангус, прикладываясь к бутылке виски.

— Эй, можно и мне? — спросил барабанщик Кевин.

— Бери, — отозвался Ангус, протягивая ему бутылку.

— Нет, я имел в виду девицу. Можно, Ян?

— И на хрена он эту куртку напялил? — не унимался Ян, морщась и собираясь кончать. — Он выглядит в ней как кусок дерьма.

— Хуже, — сказал Ангус. — Он в ней выглядит как переодетая баба!

— В последнее время такое чувство, что он не с нами, — сказал Ян, застегивая ширинку. — Будто чужой в группе.

Девушка достала из своей сумочки помаду и, не глядясь в зеркало, подкрасила губы. Кевин жестом подозвал ее к себе: рано губы красишь!

— И что это за блажь — собственная гримерная! Дверь которой постоянно на замке! Общается только с Мюрреем. И часами. Запираются на пару.

— Может, он стал педрилой? — сказал Кевин, расстегивая штаны.

— Куртка образца 1980 года только поддерживает эту догадку! — согласился Ангус, громко забулькивая в рот сразу

полбутылки. — Некоторые педики любят одеваться под крутых мужиков.

— Надо настоять на собрании группы, — решил Ян. — Скажем ему в открытую! Чтоб не смердело долго в воздухе.

Лео выглянул из гримерной в коридор. Вдалеке Мюррей разговаривал с двумя хорошенькими девушками. Лео покосился на их груди, и его передернуло от ужаса и отвращения. Их груди были меньше его. Теперь от одной мысли коснуться женской груди подкатывало к горлу. Хотя собственная нравилась ему все больше и больше. В короткие минуты душевного покоя ему нравилось поглаживать свои расширившиеся соски с крупными пупырышками. Соски обрели совсем новую, настоящую чувствительность. Это было не обычное мужское чувство приятной щекотки, а настоящее сексуальное возбуждение.

Лео поманил Мюррея к себе и, нырнув в гримерную, сунул менеджеру в руки журнал.

— Вот читай! В американской водопроводной воде угрожающе растет количество женских гормонов! И самое худшее положение — в Канзас-Сити. А мы как раз в чертовом Канзас-Сити провели уйму времени! Все эти сучки, которые глотают противозачаточные таблетки, а потом мочатся своими долбаными гормонами, загадили наши водные ресурсы! Из водопровода мы пьем чуть разбавленную женскую мочу! И вот — извольте любоваться!

Он указал на свою грудь.

— Не вешай мне лапшу на уши! — спокойно возразил Мюррей. — Когда ты последний раз пил воду из-под крана? Всегда только минералку хлещешь!

— А на чём всё варилось? На чём всё мылось? Кофе-чай на чём заваривали? Ты должен был настоять, чтобы на кухне использовали воду только из бутылок! Работай ты более прилежно, ничего бы не случилось…

Чтоб менеджер поднял руку на звезду гастрольного тура — такое противоречит законам природы и музыкального бизнеса. Но в этот момент у Мюррея был большой соблазн залепить Лео с размаху.

Однако он только скривился:

— Насколько мне известно, в одном килограмме американского мяса больше гормонов, чем во всей американской воде вместе взятой!

Это сердитое, брошенное вскользь замечание имело могучий результат: с того же вечера Лео стал абсолютным вегетарианцем.

Неожиданное разлучение с мясом было едва ли не страшней внезапного отказа от женщин.

Уже через пару дней Лео жаловался менеджеру на постоянные рези в желудке.

Однако грудям Лео его новое здоровое питание пошло только на пользу. Без алкоголя и мяса Лео похудел и постройнел, и груди поэтому казались больше, ядренее… И обнаружилась новая напасть: не только Лео становился тоньше, но и его голос!

На экстренном собрании группы, где обсуждали вопрос нехватки «открытости» у Лео, тот обещал больше не запираться в своем номере.

Когда Мюррей в очередной раз появился с бинтами, Лео вдруг оттолкнул менеджера и завопил:

— Баста! Я сваливаю!

Он натянул куртку на голое тело, застегнул молнию до горла и стал вытаскивать чемоданы из шкафов.

Мюррей загородил ему дорогу к двери.

— Остынь, я уже вызвал Макфи. Он всё уладит.

Клайв Макфи, менеджер Лео, был во Флориде — покупал там на свои проценты от успеха «Нимфолептикса» виллу на побережье. Срываться за тридевять земель, чтобы успокаивать Лео, ему нисколько не хотелось: держать членов группы в нормальной психологической форме — дело гастрольного менеджера. Однако Мюррей упрямо настаивал на его приезде: ситуация уникальная и выходит из-под контроля.

— Лео хочет прервать гастроли.

— Исключено, — отозвался Макфи. — Нас засудят и разденут до нитки! Вдобавок альбом на пути к тому, чтобы стать первым в американском хит-параде. Если прервать тур — всем надеждам хана. Зови доктора!

— Его уже трое осматривали. Один другого дороже.

— Так покажи его четвертому, пятому!.. А что эти трое говорят?

— Только руками разводят.

Как девочка, которая впервые играет в футбол, Лео безуспешно пытался обманным маневром обойти Мюррея с фланга и удрать из комнаты — с чемоданами в руках.

Мюррей стоял незыблемой горой.

— Макфи только что звонил из аэропорта. Уже приземлился. Через двадцать минут будет здесь. Везет с собой хорошего специалиста.

Ведя Лео обратно к кровати, снимая с него куртку и, как ребенка, укладывая в постель, Мюррей приговаривал:

— Остынь. Макфи — голова, он всё уладит.

Увидя Лео на кровати в женском лифчике размера «В», Макфи только крякнул и матернулся.

Доктор деловито поставил на стол саквояж и присел на край кровати.

Макфи будто к полу прирос, не в силах отвести глаз от жуткой проказы природы.

— Ну, теперь сам видишь! — причитал Лео. — Как мне жить? Что мне делать? Я больше не человек. Я таракан, червяк, мокрица — урод!

— Не неси чушь! — строго сказал Макфи, беря себя в руки. — Ты по-прежнему суперзвезда. Номер один в английских чартах. И скоро будешь первым в Америке. Уже на будущей неделе тебе светит первая пятерка. А к концу тура в Лос-Анджелесе — даю голову на отсечение! — ты будешь на самой вершине.

Доктор поднял глаза на менеджеров.

— Я сделал успокоительный укол, он сейчас заснет.

И действительно уже через минуту Лео захрапел.

— Проспит до утра. Ему сейчас нужно много отдыхать, приводить в порядок нервную систему. Похоже, у него острая реакция на стресс.

— Вы уж меня извините, — фыркнул Макфи, — но сколько у меня в жизни стресса — и врагу не пожелаю. Тем не менее я не вырастил себе бабьих пузырей!

— Разные люди по-разному реагируют на стресс, — терпеливо пояснил доктор. — Один из вариантов — нарушение функций желез внутренней секреции.

— А если ему поделать инъекции тестостерона или чего-нибудь в этом роде?

— Боюсь, полумерами не обойтись, — сказал доктор. — Больного следует целиком изолировать от источников стресса.

— Забудьте, — отрезал Макфи. — Именно сейчас это совершенно невозможно. Вот отыграем контракт, закончим в Лос-Анджелесе — тогда, конечно, пусть отдыхает. Засунем его в какой-нибудь медвежий угол, чтоб никто не беспокоил. После окончания тура он волен делать что угодно. Хоть плясать дублером Мадонны, пока титьки не рассосутся. А не рассосутся — есть хирурги. Вмиг отчекрыжат всё, что прикажешь!.. Слава Богу, сегодня хоть концерта нет. — В последний раз покосившись на сладко спящего под одеялом Лео, он добавил: — Ладно, надеюсь, вы оба будете держать рот на замке. Лечите его как хотите — за деньгами дело не станет. Но я предупреждаю на полном серьезе: о прекращении выступлений не может быть и речи!

— Учитывая его психическое состояние, вряд ли удастся ему

помочь, — сказал доктор.

— Ну так обеспечьте ему психиатра! Ничего удивительного: десятки групп на гастролях сопровождает мозгоправ. Подчеркиваю еще раз: за деньгами дело не станет.

Он уже собирался уходить — предстояло лететь в Майями на важную деловую встречу, как дверь распахнулась, и влетел Ян.

— А, Клайв! — закричал он. — Чертовски рад видеть тебя!

Макфи почти вытолкнул его в коридор, чтобы Ян не успел заметить чего лишнего.

Гитарист начал торопливо перечислять обиды на Лео: отдалился от остальных, самоуправно принимает решения, постоянно носит кожаную куртку, в которой он — ну как переодетый педик!

Опытный Макфи обнял Яна и стал по-отечески нашептывать всякие комплименты и обещания. У Лео просто трудный период, нужно перетерпеть. До конца тура всего две недели. Потом долгий отпуск и много-много денег: их альбом вот-вот станет первым номером в США.

— И запомните, ребята, — говорил Макфи, ненавязчиво уводя Яна подальше, — трудный период для Лео означает, что ваша поддержка нужна ему как никогда. Не дуйтесь на него. Вы ведь группа! Товарищи. Один за всех, все за одного. Будьте с ним заботливей и терпимей. Если не ради него, то из уважения к самим себе. Ради меня, черт возьми! А тебе, Ян, особое спасибо. Скажу по секрету, группа держится исключительно на тебе, ты самый крепкий из всех. Не подкачай!

Голос Макфи дрогнул, словно менеджер вот-вот заплачет. Ян был тоже на грани слез.

— Ну, будет, будет, — произнес Макфи. — Мы мужчины и будем вести себя как мужчины.

Они обнялись. Похлопали друг друга по спинам.

— Стало быть, до Лос-Анджелеса, — сказал Макфи. — После окончания тура закатим такую вечеринку — весь город на уши встанет! Давай пять! Гип-гип-ура «Нимфолептиксу»! Да здравствует номер один!!!

* * *

Но через несколько дней, во Флориде, перебирая в своем кабинете подготовленные секретаршей свежие вырезки из газет, Макфи был уже не так оптимистичен. Новейшие отзывы о гастролях «Нимфолептикса» ужасали.

К примеру, критик влиятельной газеты писал:

«Рассказывают, чтоб выгнать диктатора генерала Норьегу из Панамы, наши солдаты врубали на полную мощность последний альбом „Эйси-Диси“. Чтоб выкурить забаррикадировавшихся в Вако религиозных фанатиков секты Дэвида Кореша, крутили вопли кроликов, когда их догоняет лиса. Чтоб Осама бен Ладен сам выскочил из пещеры, ему нужно показать видеозапись одного из последних концертов „Нимфолептикса“. Взглянет через щелочку — и сдастся, только бы этого не видеть и не слышать! Ведущий певец группы раз за разом превосходит самого себя — кажется, уже нельзя хуже выступить. Слоняется по сцене, как муха, которая экспериментирует с наркотическими грибами. Потеет в дедушкиной куртке, как десять лесорубов в сауне. И трогает себя за все мыслимые места, словно ночью его в гостинице клопы закусали. (А Лео простодушно воображал, что чешется тайком, незаметно! От бинтов был страшный зуд.) Рулады этого чесоточного похожи на вопли отставшего от стаи тюленёнка. Так и ждешь, что на сцену выбегут канадские охотники и прикончат бедняжку. Кстати, группа канадских охотников в меховых шубах и тяжелых сапогах танцевала бы и смотрелась на сцене лучше, чем хваленый и перехваленный „Нимфолептикс“.»

Макфи тяжело вздохнул и набрал номер Мюррея.

— Как там у вас?

Мюррей доложил:

— Лео совсем плох. Женщину-психиатра уволил — не доверяет ей. Говорит, у нее слишком широко расставлены глаза. Как у овцы.

— У него проблемы с *ее глазами?* — взревел Макфи. — А что она говорит про него?

Первым ее диагнозом была паранойя на почве долговременного пристрастия к кокаину. Обычная беда рок-звезд. По мере увеличения доз самооценка возрастает до мании величия: они совершенно уверены, что заслуживают успеха и славы, но страшатся, что всё это может быть в момент отнято. Так дети боятся за свои любимые игрушки. Оставаясь на вершине успеха, звезды грубо подавляют в себе малейшее чувство неуверенности, однако при этом обсессивно зациклены на том, что некто или нечто может стать на их пути и превратить в прах достигнутое. Вступает в дело обычная механика бессознательного страха: он в конце концов сам производит то, чего человек боится. Страху не терпится реализоваться. Звезда заболевает без всякой причины или, к примеру, ломает ногу на ровном месте.

Услышав этот диагноз, Лео возразил:

— Верю, что можно бессознательно хотеть заболеть или

сломать ногу. Но чтоб на одном страхе вырастить себе женские груди?..

— Неразрешенный конфликт с матерью, — уверенно заявила психиаторша. — Она не давала вам стать тем, кем вы стали. И ваша ярость против нее усугубилась приемом кокаина.

— Тут вы решительно не правы! — возмутился Лео. — Мать никогда не стояла у меня поперек дороги. У меня была замечательная мама — помощница во всем, и я ее очень любил.

— Именно! — радостно подхватила психиаторша. Она была как кукла-неваляшка. В какую сторону ни толкни — всё равно встанет с победной улыбкой. — Ваша мать была настолько замечательна, что вы хотели быть ею. Вы, Лео, создали альбом хитов, но это ничто в сравнении с тем, что создала она. Она создавала *вас*! Чего бы вы ни добились, вы не можете не думать, что этого добилась в конечном счете она — ибо вы не более чем ее порождение, ее инструмент в деле завоевания мира. Таким образом, ваше тело, Лео, в данный момент пытается удвоить себя, вы пытаетесь быть разом собой и своей матерью…

Однажды Ян и Ангус увидели, как Лео с поднятыми кулаками терроризирует весь женский персонал, сопровождающий группу: кухарок, костюмершу, даже девушку, нанятую Мюрреем выращивать в горшках биологически чистые овощи и травы, которыми в последнее время питался певец.

— Вон, вон! — орал Лео. — Чтоб ни одной бабы тут не было!

Кевин ужинал на походном столике, безучастно наблюдая за женщинами; те в растерянности сгрудились у выходной рампы.

— Что за шум? — спросил Ангус.

— Лео требует немедленно уволить всех цыпочек, — сказал Кевин, поливая сосиски кетчупом.

— А кто будет заниматься утюжкой? — резонно осведомился басист. — Где мы найдем парней, которые кухарничают, стирают, шьют и гладят — и при этом не будут зариться на наши задницы?

— Ты не меня спрашивай. Не моя идея. Лео говорит: женщины на гастролях, как и на военных кораблях, приносят только несчастья.

— Сейчас юбки уже авианосцами командуют, к его сведению, — покачал головой Ян. — Просто Лео ненавидит женщин. За то, что у них сиськи больше, чем у него. Везде хочет быть первым.

Все трое расхохотались. Хотя попали пальцем в небо. Лео увольнял цыпочек потому, что их груди были *меньше,* чем у него.

Не будучи слепыми, играя на сцене рядом с Лео и видя его под всеми углами, члены группы давно всё смекнули. Кожаная

куртка уже не могла их обмануть. Во время недавней совместной пьянки они пришли к выводу, что их ведущий певец в процессе смены пола. Возможно, во время последнего концерта в Лос-Анджелесе он расколется — выйдет на сцену в платье. Им выпало несчастье быть на гастролях с транссексуалом в последней стадии его метаморфозы. Это по крайней мере объясняет перемену в характере Лео — отчего он стал таким несносным. Макфи не зря говорил о «трудном периоде» — видать, кое-что знает, старый лис. Они решили закончить тур, получить от Макфи причитающиеся деньги и сделать ручкой. С *певицей*они работать не станут.

Вскоре Мюррей доложил Макфи, что нашел нового психиатра. Мужчину. Знаменитого. Все рекомендуют.

Внешне доктор Роберт Мэнсон был настоящий медведь: огромный, неповоротливый, грудь поросла густыми черными волосами, даже косточки пальцев мохнатые. И соответствующий облику могучий бас.

— Почему я? Почему я? — визжал Лео своим новым, высоким голосом.

— А когда вы стали рок-звездой, вы спрашивали себя: почему я? — спокойно ответствовал доктор Мэнсон. — Вы стали звездой, потому что вы — особенный!

Лео этот медведь с кошачьими повадками сразу понравился.

— По-вашему, я могу снова заниматься сексом? — спросил он доктора, к которому проникся полным доверием.

— А вам хочется? Но с кем вы хотите переспать? С вашей старой подружкой?

Лео замотал головой. Феба планировала встретиться с ним через несколько дней в Лос-Анджелесе, однако об этом даже думать было страшно.

— А ваши поклонницы… Вы ведь с ними имели дело? Расскажите мне о них. Как вы оцениваете ваши отношения?

Лео усмехнулся. Если про это начать рассказывать, то никогда не остановишься. Много сентиментальных воспоминаний было связано с малышками, которым приходилось показывать, что делать с членом, в какую дырочку совать…

Доктор слушал внимательно и терпеливо. Казалось, его ничто не шокирует. Он серьезно кивал. А в ответ на описание эскапад с мочой или прижиганием интимных мест сигаретами только хмыкал с ученым видом.

— Насколько я понимаю, — пробасил, наслушавшись, доктор Мэнсон, — вы и в сексе как в жизни. Большая баржа, которая, если разгонится, прет уже без остановки. Ей плевать на

суденышки, не успевшие увильнули в сторону. Это их проблемы.

— Похоже, я понимаю, что вы имеете в виду, — отозвался Лео. Ему было отрадно, что его считают баржей, и ему было приятно, что ему разрешают, в порядке исключения, никогда даже и не пытаться тормозить.

— В вашем случае события развивались слишком стремительно. Из неизвестности на вершину славы… Такой рывок, даром что приятный, иногда наносит травмы, которые проявляются только много-много позже. Так что боль может нарастать… Но вернемся к сексу. Вы большой любитель женских грудей, так?

— О да! — признался Лео. И это звучало как диагноз.

— Ладно, — сказал доктор, захлопывая блокнот, — в следующий раз поговорим о диссоциации. Вы включаете телевизор — и видите себя. Вы раскрываете газету — и видите свою фотографию, а дальше — целую статью о себе. То есть вы как бы перестаете жить только в своем теле. Какая-то часть вас гуляет самостоятельно по свету, появляется в телевизоре, в журнале или в газете. И вы практически не в состоянии ее контролировать. Вашу душу захватали чужие грязные руки. При очередной встрече мы пройдемся по ней чистой бархатной тряпочкой.

Они общались дважды в день по несколько часов, и уже через неделю душа Лео сияла как новенькая. По крайней мере он больше не комплексовал, снова был доволен собой и находился с собой если не в мире, то в надежном перемирии. Когда он ложился спать, груди более или менее распластывались: достаточно было поднапрячь воображение — и он снова был нормальным мужчиной. Гастроли скоро закончатся, он вернется домой, где за ним будет присматривать умная, добрая и всё понимающая мама… и всё будет хорошо. Всё будет лучше прежнего.

— Рассматривайте свои груди как особенно острую форму тоски по дому, — звучал в его голове ласкающий басок. — Вы так долго не были дома, что он стал для вас чем-то отвлеченным, абстрактным. Вы когда-нибудь ездили надолго на отдых с приятелями? Во время таких отлучек из дома действуют совсем другие законы — мужская компания, свой мир, свои законы и привычки. Гастроли — тоже шоковое, необычное впечатление. Жизнь в замкнутом мирке, который целиком передвигается по стране. Вы просто не догадываетесь о силе вашей тоски по дому, по нормальной жизни…

Утром того дня, когда они выступали в Бэкерсфилде,

примерно через месяц после начала его трагедии, Лео проснулся от тянущей боли в груди и странной распирающей тяжести в низу живота. Возможно, так чувствуют себя женщины перед месячными, с содроганием подумал он.

— Друг мой, вы слишком сосредоточены на физических ощущениях, — пробасил медведистый доктор Боб и тут же прибавил: — Впрочем, в этом нет ничего дурного. Когда участвуешь в гастрольном марафоне, необходимо наблюдать за своим телом, ибо оно — орудие труда.

— Ну, зациклен на себе или нет… но ведь болит!

У Лео слезы наворачивались на глаза. Он весь день был какой-то плаксивый, раздражительный. И голова раскалывалась от боли.

— К тому же завтра приезжает Феба. А у меня по-прежнему… — Лео скосил глаза на свою грудь. — Конечно, благодаря вам я с этим примирился… и все-таки…

— Да бросьте вы нервничать насчет вашей Фебы! Что страшного, собственно, может произойти? Попытайтесь взглянуть на происходящее с другой стороны. С чем нельзя бороться, с тем следует уживаться. Плывите по течению, раз уж не получается выбраться на берег. Может, со временем вам в реке понравится… Может, и Фебе понравится ваша грудь!

Вечером, перед выходом на бис, Лео сложила пополам страшная боль в паху. Зажимая живот руками, он кое-как добрался до гримерной. Остальные пошли на сцену, навстречу настойчивым аплодисментам. Публика принимала группу без особого энтузиазма, но из бессознательной жадности требовала полную программу, а значит, и положенную песню на бис.

Лео, весь в холодном поту, дотащился до туалета. Порез ниже мошонки, который он считал давно зажившим, открылся. И, похоже удлинился в сторону промежности. Его края были распухшие и красные, как… как…

Из глубокого отверстия на бедра катила густая кровь.

Лео прижал лоб к холодному кафелю и, не в силах обманывать себя дальше, разрыдался.

Гастрольный автобус «Нимфолептикс» пах сигаретами, пивом и потными мужчинами. На окна были налеплены стикеры: «Торможу, когда вижу блондинку», «Ищу глубокие чувства на одну ночь». Пока автобус катил по шоссе к Лос-Анджелесу, Кевин дремал на кушетке. Ян и Ангус в десятый раз смотрели по телевизору известную комедию.

Лео лежал лицом вверх на своей койке. Мюррей сидел на стуле рядом, склоняясь над певцом и ласково гладя его волосы.

Пах Лео был свежеперебинтован, но кровь уже успела выступить через повязку. На смертельно бледном лице Лео, и прежде некрасивом, не было, однако, ни ужаса, ни страдания. Одна кроткая обреченность.

Со стороны эта пара напоминала «Пьету» Микеланджело. Олицетворенная скорбь.

В жизни бывают моменты, когда есть уникальная возможность не то чтобы понять всё до конца, а хотя бы что-нибудь для себя уяснить. Обычно чешешь вперед, не разбирая пути — куда нога попала. А тут вдруг как будто стоишь по одну сторону черты и можешь сознательно, не спеша решить, переступать через нее или нет.

Лео пережил именно такой момент.

Он смело смотрел в будущее и больше не противился судьбе. Он переступил черту.

Рак от «диет-колы»

Коль скоро вы интересуетесь, отвечаю: да, я встретилась с ней снова, и потом мы еще несколько раз виделись. Впервые — в те давние времена, когда Фрэнки Роуз был еще жив и организовывал альбом в честь Пусси. Он пригласил меня зайти в студию и послушать, что получается. Я зашла — и как раз тогда там появилась Пусси.

Ходила она всегда диковинно — будто плыла по воздуху на манер воздушного шарика, который вырвался из рук. Судя по тому, как уверенно-властно и по-хозяйски она общалась с Фрэнки Роузом, воздушный шарик в данный момент придрейфовал в его постель. Пока шла музыка, Фрэнки в кресле у пульта водил движками и комментировал нам самые удачные, на его взгляд, места. Пусси сидела в сторонке, молчком, без какого-либо выражения на лице. Большая электронная кукла. Сумасшедше красивая. По ошибке запрограммированная на вселенскую тоску.

Когда после прослушивания я встала, чтобы прощаться, кто-то доложил, что подали машину Пусси. И получилось так, что мы спускались к выходу вместе. По дороге она обронила пару незначительных светских фраз — как совершенно незнакомому человеку. Если она и помнила меня по давним многочисленным интервью, то вида не подавала. А я не торопилась освежить ее память. Звезды встречаются с таким количеством людей, что им, наверное, любое лицо кажется где-то когда-то виденным.

На улице был обычный серенький лондонский полдень. Машины у подъезда не оказалось — водитель, очевидно, перепутал выходы и ждал с другой стороны здания. Поблизости на тротуаре околачивалась группа девочек-фанаток. На Пусси они и глазом не повели — собрались ради Фрэнки. Хотя я подозреваю, что подобного рода девочки всегда собираются ради друг друга, а рок-звезда только повод для их кучкования.

Зато Пусси, к моему удивлению, остановилась и уставилась на девочек, которые и не думали кидаться к ней за автографами. Наверное, Пусси машинально ощутила, что что-то *неправильно,* и не знала, как себя вести. Но тут от группки отделилась самая старшая на вид девочка — возможно, даже восемнадцатилетняя, — и направилась в нашу сторону. Пусси расцвела той смущенно-детской улыбкой, которая рефлексивно появлялась у нее в ситуации общения с поклонниками.

Девушка быстро подошла вплотную к Пусси и начала тихим голосом торопливо что-то ей говорить. Я стояла на почтительном удалении от певицы и не разобрала ни одного слова из этого

почти шепота. И вдруг Пусси с воем раненого зверя накинулась на девчушку с кулаками. Я только ахнула. Девушка защищалась… В конце концов они вцепились друг другу в волосы. К счастью, охрана наблюдала за мониторами внимательно, и уже через несколько секунд дюжие парни растащили дерущихся. Через минуту прибежал Фрэнки. Остальные фанатки безучастно наблюдали за происходящим издалека.

Фрэнки взял Пусси за плечи — не интимно-любовно, а вытянутыми руками — и молча вопросительно заглянул ей в глаза. Потом увел в здание. Инцидент был исчерпан.

Один из охранников спросил меня как свидетельницу:

— Ну и как прикажете всё это понимать?

Я пожала плечами.

Но так вышло, что я очень скоро узнала ответ.

Почти у входа в подземку меня нагнал лимузин Пусси. Она выглянула из окна и предложила подбросить меня, если нам по пути. Я знала, что нам в противоположные стороны, однако любопытство взяло верх — я поблагодарила и села в машину. Теперь Пусси была явно в говорливом настроении. Почему она выбрала для исповеди рок-журналистку, а не своего психиатра, — понятия не имею. Может, потому что психиатр много дерет. Или потому что рок-журналистка куда лучше знакома с реалиями музыкального мира. Так или иначе, у нее развязался язык. Я была тем более шокирована, что прежде, в студии, она за час произнесла полтора слова. И в моей памяти не была помечена как великая болтушка: во время наших интервью в те доисторические времена, когда еще был жив гитарист группы и ее любовник Тейлор и его смерть не загнала ее в загадочный затвор, она просто наговаривала на магнитофон то, что Тейлор ей внушал, а потом останавливалась — как механическая кукла, у которой вышел завод.

Для начала она огорошила меня вопросом:

— Вы верите в призраков?

Я растерянно молчала. Впрочем, Пусси и не ждала ответа.

— В последнее время я думаю о невидимом мире непрестанно. Возможно, нас окружает многочисленная публика, которая следит за каждым нашим шагом. Покой неслышно аплодирует нам, а иногда улюлюкает и швыряется невидимыми гнилыми помидорами. — Она коротко рассмеялась. — Они кругом. Они везде. *Мы никогда* не находимся в одиночестве.

— Вот, значит, как вы ощущаете себя, вернувшись в аквариум с золотыми рыбками? — заметила я.

Она молча массировала лоб между бровями, словно у нее болела голова, и наблюдала из окна, как молодая женщина с

коляской пытается перейти улицу в неположенном месте — лавируя между мчащимися машинами.

— Глупый поступок. — Пауза между моим вопросом и этими словами была долгая-предолгая. И я могла только гадать, что именно она считает глупым поступком: марш-бросок с младенцем в коляске поперек уличного движения или свое возвращение в музыкальный бизнес.

Машина свернула на более тихую улицу.

— Та девица у студии… — вдруг промолвила Пусси. — Слышали, что она мне сказала?

Впервые за всё то время, что мы ехали вместе, она взглянула мне прямо в глаза.

— Нет, не знаю. Судя по всему, нечто *крайне*неприятное.

— Она сказала, что ее послал ко мне Тейлор.

— Хм… — осторожно отреагировала я. — Ну и?..

— Сказала, что Тейлор наблюдает за мной. В курсе всего, что я делаю.

— Ага. На пару с Господом Богом…

— И еще сказала, что она с ним трахается.

— Надеюсь, с Тейлором, а не с Господом Богом? — спросила я и прикусила язык, потому что Пусси сердито нахмурилась.

Я постаралась восстановить атмосферу откровенной беседы.

— Да вы не берите в голову. Мир полон чокнутых девиц, которые утверждают, что они только что орально удовлетворили Джима Моррисона или ждут ребенка от Элвиса Пресли. Со смертью звезды всегда одно и то же. Кое-кто из поклонников не может с этим смириться — вот и едет крыша. Для них звезда и при жизни как бы в другом мире, куда им не было хода. То, что она переместилась из другого мира в потусторонний, практически ничего для них не меняет. Девочке, которой легко врется, что она была в постели с живым Джимом Моррисоном, также легко врется, что она была в постели с покойным Джимом…

— Нет, — перебила меня Пусси, — тут не то. Она сказала — ей плевать, верю я ей или нет, потому что скоро правда будет известна всему миру. Потому что не одна я готовлю возвращение на сцену. Тейлор тоже готовится к возвращению!

— Мне почему-то кажется, у вас больше шансов в этом деле.

— Нет, вы послушайте дальше! Ока сказала: Тейлор очень хохотал, узнав, что я хочу записать альбом без его участия. И просил передать мне: «Любой может зайти в рок-музыку — смерть ждет на выходе». Эта фраза до такой степени в его духе — по-моему, я даже и слышала ее от него! Словом, у меня в голове всё помутилось — и я кинулась на эту сучку… Если б меня не

остановили, я бы ее убила!

В этот момент у Пусси было окаменелое лицо с потухшим взглядом, как у человека, которого ничто в жизни больше не интересует и никогда не заинтересует. Казалось, ее душа умерла вместе с Тейлором. Но это никак не вязалось с тем, что не далее как полчаса назад я видела ее в компании с популярнейшим британским молодым музыкальным талантом — и у нее с этим разборчивым красавчиком явно не платоническая дружба…

Откровенный разговор шел дальше, однако когда мы подъехали к ее дому, Пусси рассеянно пожала мне руку и бросила равнодушное «всего доброго» — как в конце заурядного интервью. Я заметила на ее руке браслет с фамилией «Тейлор».

— Надо нам еще как-нибудь встретиться, — сказала Пусси. Однако зайти к ней в дом не пригласила.

Возможно, вы еще не забыли, каким образом связь Пусси и Фрэнки Роуза стала известна таблоидам: рано утром почтальон заметил, как она прокрадывается на яхту к Фрэнки, и продал эту информацию кому надо. Папарацци несколько дней подстерегали парочку, наставив объективы на яхту, и наконец были вознаграждены тянущими на хороший гонорар кадрами: крупные планы утомленной сексом заспанной парочки.

Правда, разбитной комментарий в «Сан» был хуже некуда:

Не знаем, поздравлять его или сочувствовать ему. Так или иначе, на яхте двадцатипятилетнего Фрэнки Роуза регулярно гостит Пусси, *сорока одного года,* настоящее имя Терри Аллен. Когда обожаемый всеми поп-певец впервые пришвартовал роскошную яхту у своего особняка, который стоил три миллиона фунтов, и обмывал с друзьями новое приобретение, — недостатка в красивых молоденьких девушка не наблюдалось. Однако он *выбрал женщину, которая годится ему в матери!* По ночам странная парочка раскачивает яхту и не дает покоя местным рыбам. На вопрос о новой женщине в его жизни Фрэнки ответил непечатно. Из Пусси не удалось вытянуть ни слова: знает кошка, чьи сливки съела!

Всего-то шестнадцать лет разницы, а таблоиды выставила Пусси каким-то сексуальным монстром — мало-мало не педофилка! Рок-пресса тоже зубоскалила по поводу Пусси, ворующей детишек из колыбели. Однако Пусси и Фрэнки даже не пытались защититься и переломить настроение общественности. Достаточно было несколько раз публично появиться вместе, ласково пообщаться с журналистами — и из безобразной связи вышел бы трогательный роман молодого таланта и нестареющей звезды. Тем не менее Пусси и Фрэнки упрямо от всех скрывались.

Даже когда пошли слухи, что она ждет от него ребенка.

Фрэнки собирался продюсировать ее новый альбом, и Пусси со своим менеджером Джеком Мэкки улетела в Лос-Анджелес подписывать контракт со студией. Подготовка к ее возвращению на сцену шла полным ходом.

Вечером в своем номере, переключая каналы, она попала на новости Эм-ти-ви: мертвый Фрэнки Роуз на лондонском тротуаре возле «Змеюшника», рядом рыдает какая-то незнакомая девица, которую комментатор называет его подружкой. Пусси не кричала и не плакала. Она просто спустилась по лестнице, вышла из отеля и, поднявшись по скату к бульвару Сансет, легла на мостовую. Вряд ли это была попытка самоубийства: в это время дня машины двигаются там со скоростью похоронной процессии и притормаживают так часто, что никто даже сигналить не стал — просто все в очередной раз остановились. Джек уже был в курсе, не нашел Пусси в номере и выбежал искать. Найдя певицу на мостовой, он подхватил ее на руки и понес обратно в отель — почти не живую, но с открытыми глазами. В номере он положил ее на постель, задвинул шторы, выключил все телефоны и велел персоналу до утра не беспокоить.

Джек говорил мне лично, что Пусси, оставшись одна, встала и опустошила мини-бар. Ночь провела на ковре. Серьезно порезалась о разбитый бокал. Другие рассказывают (за что купила, за то и продаю), что на ковре осталась лужица крови. Когда утром горничная нашла Пусси и вызвали «скорую», певица отказывалась ехать в больницу, пока окровавленный кусок ковра не вырежут и не положат в целлофановый пакет, который она сможет забрать с собой. Повторяю: не исключено, что это просто очередной анекдот на почве историй про ее жизнь в затворе, когда она якобы сохраняла всё, принадлежавшее ее телу.

Но я знаю точно — студия грамзаписи оплатила ее многомесячное пребывание в санатории «Сияющая звезда», коим заведовал тот психотерапевт, что лечил Кэла Уэста. Его методику оспаривали в научном мире, однако санаторий был набит звездами, которым требовалось срочно поставить крышу на место.

Так или иначе, «Сияющая звезда» совершила чудо. Пусси вышла из санатория бодрой и веселой… и — вы не поверите! — под ручку со Спайком. От подобного выбора было в пору почесать затылок. Спайк долечивался в «Сияющей звезде» после трех месяцев в государственной клинике, у которой есть какое-то округлое официальное название, но я лично зову ее кузницей для перековки сексуальных маньяков. В этой клинике Спайк лечился

принудительно, по решению суда, после того, как попортил малолетку и чудом увернулся от хорошего срока, заплатив изрядный выкуп ее хватким родителям.

Даром что Пусси была чуть ли не втрое старше обычных подружек Спайка, их отношения продолжались и вне санатория. Общение со Спайком было настолько полезно для Пусси, что в его компании она даже посетила представление группы, которая пародировала «Пусси» по ночным клубам… Глядя на их грубые приколы — группа состояла из четырех девушек и парня-вокалиста, — Пусси никого не поколотила и не упала в истерических корчах. Напротив, даже *хохотала.*И вообще в то время никто не видел ее грустной, пришибленной или просто задумчивой. Она сияла улыбкой и производила впечатление наконец-то счастливого человека. В отличие от времени с Фрэнки Роузом Пусси теперь не пряталась. Они со Спайком охотно фотографировались и болтали с журналистами… хотя пресса проявляла к ним минимум интереса. Возможно, именно потому, что они не таились, сенсация быстро выдохлась.

Всё было чудесно. До рокового вечера в «Джи-Диз».

По традиции этого клуба, куда часто захаживали знаменитости, гость поднимался на сцену и подпевал, когда музыканты исполняли его песню. В тот вечер заиграли «Сомнамбулу», старый хит Пусси, и публика зааплодировала, приглашая ее на сцену. Спайк тоже подталкивал ее встать. Она не выступала уже много-много лет, и это был важный момент. Решится или нет? В итоге после уговоров Пусси вышла на сцену, хотя во время долгого вступления у нее был такой вид, что присутствующие могли только гадать, запоет она или убежит в истерике.

И вдруг она завела ногу за ногу и, кокетливо покачиваясь на манер школьницы, сняла микрофон со стойки, затем с игривой улыбкой погладила его и запела первую длинную фразу…

Но перед второй фразой, счастливыми глазами ища в глубине зала Спайка, она уперлась в руку какой-то девицы, которая успела подсесть к ее любовнику и теперь, расстегнув ему молнию, под столом дрочила его член.

Пусси отшвырнула микрофон и спрыгнула со сцены, сломав один высокий каблук. Прихрамывая, она кинулась к Спайку. Тот только глупо улыбался. Девица убрала руку, но и не думала убегать. Пусси размахнулась, чтобы наподдать Спайку в пах туфлей без каблука. Туфля полетела в зеркало, а Спайк увернулся. От своего столика девица прихватила бутылку «диет-колы» — в этой долбаной Калифорнии алкоголь только после двадцати одного года, за сигарету сожрут, но дрочить под столом

чужому мужчине разрешено, похоже, с дошкольного возраста! В бессилии бешенства Пусси схватила «диет-колу» и вылила ее девице на голову. Та завопила так, словно ее обварили кипящей смолой. И продолжала визжать как резаная, пока не включили полное освещение и официантки с полотенцами не увели ее почти насильно в туалет — приводить в порядок.

На следующий день Пусси переехала из дворца Спайка в Беверли-Хиллз в многокомнатный номер отеля «Иден Уэст».

Именно там и произошла наша очередная встреча. В Лос-Анджелес меня вытащил Рекс, вокалист группы «Наповал». Этот металлист затевал сольный альбом и удумал записать его с участием уже немолодой Ли-Энн Стармаунтин, певицы в стиле кантри. Я его терпеть не могла — извращенец во всем. Но он почему-то возжелал иметь именно меня в качестве хрониста этого периода его славной жизни. Поскольку платил он хорошо, я согласилась и таким вот образом неожиданно для себя попала в отель «Иден Уэст».

После лондонского холода и серости было славно оказаться среди пальм в этом гнезде комфорта и покоя. Я быстренько переоделась в бикини, схватила пачку только что купленных в холле британских газет и спустилась в сад, где призывно голубело никем не занятое огромное джакузи. Я легла в воду, нажала красную кнопку на пульте — появился официант с коктейлем. Вода кругом забурлила. Ах, умеют жить в Калифорнии!.. Теплая вода массировала мне плечи, свежий ветерок кондиционеров обдавал лицо, а когда я откидывала затылок на мягкий подголовник, глаза упирались во что-то очень южное, с огромными зелеными листьями…

— Привет, — сказал кто-то рядом. — Можно к тебе?

Передо мной стояла Пусси в махровом халате поверх закрытого купальника.

Расположившись в джакузи, она спросила меня, словно старую подружку:

— Каким ветром сюда занесло?

— Приехала только двадцать минут назад, — пояснила я и рассказала, по каким делам.

При упоминании имени Рекса ее глаза загорелись.

— У парня *чудесная*попка, да? Зато вроде мозги набекрень.

Я согласилась с обоими замечаниями. Пусси вздохнула:

— В этом городе интересные мужчины или кретины, или чокнутые. Если у тебя груди меньше арбузов, ты здесь никому не интересна.

Чтобы не нарушать неожиданного интимно-дружеского тона, который она взяла, я проглотила возражение, которое

напрашивалось само собой. Всего лишь несколько недель назад она спала со Спайком, да и сейчас она вряд ли одна по ночам.

Глядя на мой стакан, Пусси сказала: «Правильное дело», — и нажала красную кнопку, чтобы вызвать официанта. Я заметила, что на ее руке уже нет браслета с именем Тейлора.

— Допивай, — сказала она, — я закажу тебе еще. Ну, о чем нынче сплетничают дома, в Лондоне? А, да у тебя тут целый ворох нашей прессы! Можно взглянуть?

— Пожалуйста, — согласилась я. Опрометчиво.

Она выхватила из стопы первым делом «Мировые новости» — и я вся сжалась: основная статья номера наверняка убьет ее хорошее настроение. Однако Пусси с видимым удовольствием прочитала историю о новой связи Спайка — с той самой девицей, которую она облила «диет-колой». Даже несколько раз смеялась и пару абзацев зачитала мне вслух.

— Нет, ты только послушай эту дурочку! — И, голосом провинциальной простушки: — «Я не робкая девственница и видала виды. Но когда я увидела Спайка голым, мне стало страшно. У него исполинский член. Как у жеребца!» Ха! Девочка явно из деревни, но жеребца, видать, никогда не видела, а член Спайка разглядывала в телескоп. Его хозяйство можно пинцетом дрочить.

Мы проговорили не меньше часа. Точнее, болтала она, а я слушала, изредка подкидывая вопросы. Куда исчезла глуповатая зануда, во время интервью с которой я опасливо поглядывала на магнитофон, не заснул ли он от скуки? Куда исчезла сумасшедшая, которая месяцами не выходила из своей норы и, как божатся мои информаторы, собирала в морозилку собственную мочу? Куда исчезла та истеричка, окруженная со всех сторон призраками, с которой я однажды ехала в лимузине по Лондону? Похоже, в «Сияющей звезде» с ней отменно поработали. Живая, смешливая, говорливая, *забавная.*Жуткая сплетница. Вращаясь в соответствующих кругах, она знала миллион интимных фактов про музыкальных величин и, не стесняясь, пачками выбалтывала драгоценные для меня подробности.

Среди прочего мне врезалось в память ее замечание о Спайке.

— Есть люди, которые рождены с геном рок-звезды, — сказала она. — *Я*себя никогда не воспринимала как рок-звезду. А вот Спайк — тот с самого нежного возраста себя никем другим не видел и в другой роли себя не представляет.

На просьбу уточнить, что такое в ее представлении «рок-звезда», она ответила:

— Рок-звезды живут в мире, который как бы похож на наш,

однако на самом деле что-то вроде тех фантастических параллельных миров, которые любят авторы комиксов. Внешне в параллельном мире рок-звезд всё точно то же и точно так же. На самом деле тамошние вещи имеют совершенно другие свойства. Рок-звезды владеют огромными особняками, в которых они не живут, потому что постоянно в разъездах. У них коллекции великолепных гоночных машин, на которых они не ездят, потому что водительские права или вечно засунуты неизвестно куда, или давно отняты полицией. У них жены ослепительной красоты, с которыми они не спят; у них друзья, которые их ненавидят; у них семьи, которые их стыдятся; пресса для них существует лишь постольку, поскольку она о них пишет, — ничего не о себе они не читают… Знаешь, — вдруг добавила она, — Тейлору всегда было мучительно трудно существовать в подобном извращенном мире.

— Да ну! — сказала я. — Вот уж не замечала, чтобы он «мучился». По-моему, он просто балдел от этой жизни!

— Проблема была в том, что Тейлор писал чудесные песни. Но такие, что могла исполнять только женщина. Ему требовалась женщина, которая будет их петь точно так, как исполнял бы эти песни он — будь он женщиной. Парадокс заключался в том, что женщина, способная соответствовать его задумке, уже не была бы женщиной. Ты меня понимаешь?

— Более или менее… И он считал, что ему достаточно сходить в некую рок-н-ролльную «Икею», купить набор идеальной женщины, а дома собрать в согласии с приложенной инструкцией?

— Что-то в этом роде. Он часто приходил в коктейль-бар, где я работала. Не поглазеть на мои прелести, нет; он смотрел на меня иначе, чем другие мужчины. Глазами натуралиста, наблюдающего за поведением и привычками редкого зверя. Однажды я ему в шутку сказала: вы всматриваетесь в меня так, словно собираетесь писать мой портрет. На что он ответил: почти угадали, я хочу вас *вылепить.*И добавил, что я живое воплощение его художественной мечты. Дивный материал для работы. От других подобные комплименты мне было бы слышать тошно, но Тейлор не был пошляком, и я с ним скоро подружилась. И когда он начал разрабатывать идею собственной группы, я часто участвовала в их посиделках. Тейлор, Джонни, Робби, Чэз и я — мы много хохотали, придумывая всякие экзотические идеи «нашей» раскрутки: я постоянно присутствовала в этих фантазиях. В качестве шутки, как мне казалось. Я исходила из того, что петь будет он. *Он*будет Пусси в «Пусси». А вдруг выяснилось, что он хочет быть *мной.*

Очевидно, я уже хорошо выпила, потому что я солидно

обронила, словно помешавшийся на Фрейде психоаналитик:

— Всё ясно. Классический случай зависти женщинам и желания иметь собственную вагину.

Пусси рассмеялась.

— Шутки шутками, — сказала она, — но не исключено, что ты права. — Тут ее улыбка пропала. — Однако как я могла возражать? К тому времени я обожала Тейлора. И я стала Пусси. Большого счастья мне это не принесло… Что ж, посмотрим, как оно будет сейчас, когда решение принимаю я сама.

Мне так и не удалось повидаться с Пусси еще раз до ее отъезда — Рекс до того нагрузил меня работой, что все следующие дни не было свободного времени слоняться по отелю или нежиться в джакузи.

По возвращении — ожидание чемоданов в Хитроу заняло чуть ли не столько же времени, сколько перелет через океан, — я купила газету, чтобы скоротать время в подземке. День был холодный и серый — на небе препирались, включать дождь или нет. Я развернула газету еще на перроне и в рубрике «Шоу-бизнес» увидела фотографию Пусси. У новой любовницы Спайка обнаружили рак (господи, такая молоденькая!), и она подает в суд на Пусси. Согласно последним научным исследованиям, в диетической «коле» содержатся канцерогены. Стало быть, облившая ее «колой» Пусси — преступница, по вине которой у девушки такие неприятности. Она требует пять миллионов — на врачей и в виде компенсации за эмоциональную травму…

Как там говорил призрак Тейлора? «Любой может зайти в рок-музыку — смерть ждет на выходе». Да, возможно, главные неприятности ждут Пусси на выходе. Однако насчет того, кто живет в извращенном параллельном мире, я бы поспорила. Или нет, я просто сомневаюсь, что хотя бы один из параллельных миров до конца нормален. Ни в одном вещи не являются тем, чем они должны быть или могли бы быть.

Ветер швырнул газету мне на лицо. И статья расплылась пестрыми пятнами перед моими глазами.

Я целовала сосок Уилли Нельсона

— Одна бабушка учила меня играть в покер, ловить рыбу и женихов. Вторая — как спасать душу. Бабушка номер один имела шестьсот пластинок — исключительно кантри. И вечно повторяла: «Кантри — это жизнь. Если любишь жизнь, не можешь не любить кантри!» Но я терпеть не могла эту музыку. Как только бабушка отдала Богу душу, я рванула в музыкальную лавочку и махнула всю ее коллекцию на старенький саксофон и гору пластинок в стиле ритм и блюз. По-настоящему «отрывать на саксе» я так и не научилась — мамаша запрещала, считала непристойным, дьявольским занятием. Но, между нами девочками, тот старенький саксофон был хорошей школой для будущего орального секса.

Наградив меня фирменной широченной улыбкой кантри-звезды и лукаво коснувшись моей руки пальчиками с кроваво-красными ногтями, Ли-Энн Стармаунтин продолжает:

— Ну так вот, звонит мне однажды подруга и рыдает — муж бросил. А у меня самой тогда были нелады с супругом.

Большая навозная муха над нашим столиком долеталась — шлепнулась в лужицу вина на скатерти и, лежа на спине, беспомощно дрыгает лапками. Ли-Энн, не теряя нить разговора, берет журнал, принесенный мной для рекламы: в нем появится мое интервью с ней. Скрутив журнал в трубку, она несильным, но точно рассчитанным ударом расплющивает муху — не разбрызгав лужицу на скатерти.

— Встретились мы с подругой и поехали пропустить по стаканчику. Одним стаканчиком дело не ограничилось. Просидели в заведении весь вечер и назюзюкались так, что не помню, как и вышли. Стоим на крыльце, шатаемся. А погодка выдалась жуткая — сорок лет такой не бывало. Снежище по пояс. Вижу, лежит на снегу старикан. Лежит на спине — мертвый или мертвецки пьяный. Замерзнет ведь к чертовой матери! «Надо проверить, что с этим типом», — говорю я подруге и вихляю в его сторону. «Мистер, вам помочь?» Слышу за спиной моя подруга хохочет. Чего смешного-то? И тут туман у меня перед глазами немного расходится, я вижу всё четче — и ойкаю на всю улицу. Старикан-то вывалил своё хозяйство — и дрочит с закрытыми глазами! А морозище — член должен мигом заледенеть и отломиться! «Давай, давай, — ржет подруга, — помоги бедняге кончить!» Тут и я схватилась за бока.

Дома я сразу же рухнула на кровать и вырубилась, но, как после всякой серьезной пьянки, проснулась ровно через три часа.

По опыту знала — больше не засну. Двинула на кухню заварить кофе. Села с чашкой и задумалась. Вспомнился старикан на снегу. И как он простодушно спасается от жизненной безнадеги — лучше многих из нас! С той ночи я и пошла писать кантри-песни.

Ли-Энн — женщина красивая. Ей под пятьдесят, но выглядит она куда старше. В основном из-за манеры одеваться: всё такое пестрое и такое обтягивающее, сверху слишком вырезано, снизу слишком коротко. К тому же волосы начесаны по моде тридцатилетней давности, и с макияжем перебор — словом, вид отпетой мамочки-домохозяйки, которая вдруг решила стать сексуальной бомбой. Если б не ее густой американский акцент, запросто представишь ее за стойкой паршивенького лондонского паба, который мы выбрали для встречи лишь потому, что он в двух шагах от спортивной арены, где Ли-Энн сегодня вечером выступает. По странной игре случая, четыре дня назад в другом лондонском пабе, но таком же убогом, я брала интервью у Уилли Вина, бывшего мужа Ли-Энн. Пятого по счету, если мне не изменяет память. В предыдущую субботу Уилли Вин — Большой Уилли — отличился выходкой на концерте Ли-Энн в Королевском фестивальном зале. Когда она открыла шоу любимой песней королевы-матери «Будь верна своему мужу», он вскочил и выкрикнул: «Которому из них, шалава бесстыжая?» Охранники решительно вывели его прочь. В разговоре со мной он ядовито ввернул: «Моя бывшая превратила кантри в бордель!»

Ли-Энн была старшей из семи сестер. Судя по фотографиям, все девочки были похожи на мать, которая смахивала на телепроповедников — тщательно зализанные волосы и безбожно подведенные глаза, исполненные самого лютого благочестия. Правда, у Ли-Энн с Богом не задалось: мать истово любила Господа, Ли-Энн истово ненавидела мать… а друзья наших врагов — наши враги. При первой же возможности, в шестнадцать лет, она выскочила замуж — только бы удрать от материнской тирании.

— Томми Мурхед был пройдошливый и смазливый малый. Впервые я с ним согрешила, когда мне было только четырнадцать. Узнай мать — забила бы меня до смерти. Минус секса в таком раннем возрасте — больше не о чем тайком мечтать. Плюс — это такой упоительный *богопротивный разврат!* — Ли-Энн хохочет. — Короче, было мне четырнадцать, а Томми Мурхеду восемнадцать — и «я тебя люблю» он ухитрялся повторять даже с большим числом оттенков, чем Бэрри Уайт в своих лучших альбомах. Однажды во время прогулки в лесу он остановился и расстегнул ширинку. Вынул своего и говорит: «Ну-ка потрогай!» Я ни в

какую. Он упрашивать. И бух на колени — в грязь и прелые листья. Вижу, в глазах настоящие слезы. И молит так жалостно… — Тут я внезапно замечаю, что она уже давно, не отдавая себе в том отчета, гоняет тугую трубку журнала между сведенными в кольцо пальцами. Проследив за моим взглядом, Ли-Энн понимает меня ложно и смеется: — О нет, в то время у меня не было роскошных длинных ногтей. Мне это было строжайше запрещено!.. Словом, стоит парень на коленях и мало-мало не рыдает, а я на мужские слезы податливая… Это, разумеется, не для печати — договорились?.. Мой крест с детства — извращенное обоняние: тащусь от всяких разных вонючестей. А член Томми пах теплым и влажным, чем-то аммиачным… как старая тряпка для мытья посуды. Ну а когда он резинку натянул, потянуло кухонными перчатками. Он источал такой однозначно домашний уютный аромат, что мне подумалось: за такой набор запахов можно и замуж! И за этим Томми Мурхедом я оттрубила, дай Бог памяти, добрых пять лет.

По словам Ли-Энн, работал Томми Мурхед путевым обходчиком. Регулярно надирался и колотил ее. Погуливал на стороне. Кроме собаки, ей было некому изливать наболевшее на душе. Но когда и собака сдохла, терпению Ли-Энн пришел конец. Как видите, первоклассный материал для минимум одного хита в стиле кантри!.. Ли-Энн упаковала свои манатки и вернулась к ненавистной матери. Мать возопила к Господу и, благословив грешную дочку парой зуботычин, отослала обратно, ибо сказано: «Пока смерть не разлучит нас».

— Вот тогда-то я и повадилась писать песни. Ночами, когда мой чертов спутник жизни то ли дежурил, то ли по бабам шлялся. Днем я вкалывала официанткой в столовой. Однажды кто-то оставил на столе журнал, в котором я прочитала статью про жаркую беспечную Калифорнию. И вдруг меня осенило: а на фига я тут мерзну как дура? Айда к морю и солнцу!.. Бросила я свой саксофон в чемоданчик — и смазала пятки. Разумеется, первое время в Калифорнии было не сахар. Лос-Анджелес — город жестокий. Это он с виду такой благостный, а нутро у него железное. Попалось в глаза объявление в газете: «Ищем необычных людей для киномассовок». В Лос-Анджелесе я была однозначно белой вороной — ни на кого из местных не похожа. Поэтому я решила: ну-ка попробую! Может, это мой великий шанс. Оказалось, они искали горбунов, сиамских близнецов и прочих экзотов.

Но офис фирмы находился как раз напротив большого бара в Энчино. Может, слышала, называется «Джо-Кактус»? Теперь знаменитое место. Все первые величины кантри там уже

отметились с концертами. Именно в «Джо-Кактусе» первыми в Калифорнии установили механического быка — задолго до того, как пошла мода на всё ковбойское, и городских субтильных интеллигентов потянуло на приключения в седле. Ты, милочка, не слышала про механических быков? Э-э… да ты, считай, и не жила, если таких вещей не знаешь!

Ли-Энн принимается объяснять. По ее словам, механический бык — это что-то вроде манекена, как если бы какой-нибудь шальной портной собирался на быка костюмчик шить. И этот манекен насажен на поршни, которые мотают его в разные стороны со зверской силой. Садишься и стараешься как можно дольше не слететь с механической спины. Если ты мужчина и яйца у тебя еще целы, лучше досчитать до десяти и самому спрыгнуть — после одиннадцати о потомстве уже и не мечтай!

— Но в то время «Джон-Кактус» был старомодным заведением, — продолжала Ли-Энн. — Типичный бар для ковбоев. Что называется, три бутылки засосал, пять выссал. Место оживленное, работы хватало. А работа была мне нужна до зарезу. Чтобы меня ни под какую горячую руку не выгнали, я спала с владельцем бара. А потом, для пущей надежности, вышла за него замуж. Да, девочка, бывают серийные преступницы, а я вот, похоже, серийная супружница…

Именно в «Джо-Кактусе» миссис Уэйн Б. Марвин впервые исполнила перед публикой свои песни. Поначалу мистер Марвин весьма скептически взирал на вокальные опыты жены. Но посетителям нравилось. Больше того, народ начал сходиться на нее. Доходы росли, а заодно и репутация. Долли Партон, будучи с концертами в городе, нагрянула в бар, о котором была уже наслышана, а затем, под настроение, выпорхнула вдруг на сцену и спела с Ли-Энн пару дуэтов. Затем уже и другие музыканты, самого разного уровня, не брезговали заглядывать в «Джо-Кактус» — попеть, поиграть. Ли-Энн охотно делила сцену со всеми.

— Лос-Анджелес — большая деревня, где все всех знают. И в отличие от настоящей деревни время от времени помогают друг другу. Если ты с кем-то не знакома, то ты как пить дать знакома с тем, кто с ним знаком или знает того, кто с ним знаком. В один прекрасный момент, даже особо не напрашиваясь, ты вдруг слышишь: «А отчего бы тебе не поговорить с таким-то? Давай-ка я вас сведу» или «Тебе было бы полезно встретиться с таким-то. Вот номер его телефона — позвони и скажи, что от меня». Именно так, незаметно, я очутилась в студии с самым крутым на то время продюсером и записала свой первый альбом. Однако тот период не оставил приятных воспоминаний. Уэйн Б. — настоящий чурбан в смысле тонких эмоций и вообще эмоций и вот столечко меня не

поддерживал. Приеду, бывало, из студии далеко за полночь — вся свечусь от возбуждения, радостная как ребенок. А он что-то хмыкнет из постели и перевернется на другой бок. Ляжешь с ним — еще на адреналине, полная желаний и энергии… и лежишь без сна, слушая, как он храпит. Наверно, так должна чувствовать себя ампутированная нога, если она что-нибудь чувствует. Кровь в тебе играет, жизнь бурлит, но ты — отдельно от человека. Подыхай.

Я вдруг мысленно переношусь домой, где лежит, покуривая, *мой*человек. Рядом с которым *я*ощущаю себя ампутированной… Надо что-то делать. Не откладывая.

А Ли-Энн продолжает:

— Тут в мою жизнь случайно вернулся Ли Стармаунтин — как раз в тот день, когда мой третий альбом стал первым номером в списке лучших. Да, Стармаунтин моя настоящая фамилия, по третьему браку, при разводе он оставил себе мои денежки, а я — его фамилию. Я не видела Стармаунтина с тех пор, как уехала из родительского дома в Лос-Анджелес. В свое время я души в нем не чаяла. Но он был другом моего первого мужа, Томми Мурхеда, а даром что Мурхед колотил меня с поводом и без повода, я была ему верна. К тому же Ли Стармаунтин тогда женихался с Дорин Свенсен, которая уже была не без придури и мне бы глаза выцарапала, спутайся я с ее дружком. Я была права: после моего отъезда у Дорин Свенсен крыша поехала окончательно: бегала по городу в чем мать родила, двум подружкам выколола по глазу и на многие годы угодила в дурдом. Таким образом, ко времени нашей новой встречи Ли Стармаунтин был холостяком.

С Уэйном Б. отношения становились всё хуже и хуже. У меня не было ни единой родной души. Стояла зверская жара. И я тосковала по родному городку — то ли по тамошнему холоду, то ли по тамошней суровой, *нормальной*жизни. Когда поднимешься высоко, очень быстро забываешь, сколько дерьма внизу и каково в нем купаться. Начинаешь вспоминать дерьмо ностальгически. Ах, покупаться бы в нем снова! Ах, вдохнуть бы его сладостный аромат!.. Не гневи Бога, а то ведь очень скоро доведется опять в дерьме купаться и его «аромат» вдыхать. Словом, после концерта проезжаю в лимузине мимо стоянки грузовиков. И вдруг глаз выхватывает знакомую машину Ли Стармаунтина! Я его грузовичок наизусть знаю — рыжий такой, хромовая выхлопная труба, на боках наклейки с голыми девицами и стикер «Машина мне что жена: тронь ту или другую — убью!». Я велела водителю тормознуть.

Короче, ночь я провела в грузовичке Стармаунтина. Мы

занимались любовью под радио. И, клянусь, не было ночи лучше в моей жизни! Это было даже лучше, чем стоять на сцене и слышать аплодисменты десятитысячной толпы. Лучше Грэмми. Лучше, чем ручкаться с королевой Великобритании. Знаю, что говорят про народ из провинции. Но, по мне, пусть лучше мужчина пахнет жевательным табаком, чем зубным эликсиром. Мне нравятся мужчины, которые пахнут потом. В музыкальном бизнесе мужчины такие стерильные и ароматизированные, что прямо тошно. Кажется, даже их сперматозоиды принимают душ перед тем, как отправиться в путь!

Ну, короче, с Ли всё как-то само собой катилось: слюбились, сошлись, поженились, потом разженились… А почему, собственно, разженились? На то, милочка, ответ в моем хите «Его кольцо истерлось о баранку». Он слишком много времени проводил в дороге. Иногда в компании всяких потаскушек. А я не из тех женщин, которые рыдают в подушку и покорно ждут, когда их любимый изволит вернуться…

На подходе был муж номер четыре. Еще один Уэйн. Ю. Уэйн Вулф. Финансировал ее концертное турне. Дофинансировался до ее постели и до роли гастрольного менеджера. Обирал бесстыже и бил нещадно. С тех пор сохранились газетные вырезки: Ли-Энн, какая-то встрепанная и зажатая, с Уэйном номер два. Даже огромные темные очки не вполне скрывают синяки на лице. В одну прекрасную ночь, на пути из бара домой, бухой Ю. Уэйн увидел на машине перед собой номерной знак: «911 СЧАС». В этом он усмотрел знак свыше: дескать, ты нуждаешься в срочной помощи со стороны Иисуса Христа. Хватит пить, хватит заниматься богомерзким музыкальным бизнесом, хватит грешить (жену, так и быть, можешь колотить по-прежнему). Впредь ходи путями праведными. Домой он прибыл трезвый как стеклышко и с Библией в руке буквально — завалялось миниатюрное издание в «бардачке». Библией Ли-Энн была сыта по горло. Узрев такое дивное преображение Ю. Уэйна Вулфа, она торопливо побросала свои пожитки в чемоданы и была такова. «Впрочем, я выбросила из памяти весь мордобой, — говорит она мне. — Осталось только приятное: время моих самых чудесных хитов».

И действительно, у нее было уже восемь платиновых альбомов. Пара Грэмми. И куча наград от «Ассоциации музыки кантри». Журнал «Пипл» поместил ее портрет на обложку. Корреспонденты оттуда рванули в ее родной городок — взять интервью у родных и присных Ли-Энн Стармаунтин. Однако в дом их не пустили, только мать Ли-Энн крикнула через стеклянную дверь, что она давно выкинула из памяти эту блядь непотребную и говорить о ней нечего! Единственный, с кем они

основательно пообщались, был Томми Мурхэд. От бравого пройдохи-красавца не осталось и следа: размордел, волосы повылезли, зубы повыпали, простецкую клетчатую рубаху пузырит пивное брюхо. Если отбросить сентиментальные прибамбасы, его рассказ о подружке былых времен мало отличался от лаконичной рецензии бывшей тещи — «блядь непотребная». Взять интервью у Уэйна Б. не было никакой возможности: за год до того какой-то пьяный псих пристрелил его на парковке возле «Джо-Кактуса». Однако журнал не преминул поместить свадебные фотографии Ли-Энн и этого Уэйна. Равно как и свадебные фотографии с Ю. Уэйном, а также снимки только что поженившихся Ли Стармаунтина и Ли-Энн — стоят у пикапчика, обвешанного лентами, подковами и венками из белых цветов. Стоят и неловко улыбаются, как счастливые влюбленные недоросли.

— Когда мы с Ли расстались, я была словно пришибленная. Ни до, ни после я не переживала такого потрясения. Пошла в полный разнос. Запила. Трахалась с любым, кто поставит рюмочку. Не то чтобы у меня не было денег на выпивку — я могла купить океан виски. Я, черт возьми, приобрела целый бар — тот самый «Джо-Кактус», где я начинала официанточкой. Приобрела — и подарила Уэйну Б. Пусть подавится! Только бы навсегда отвязался от меня. Но мы ведь ни шиша в этой жизни задаром не делаем. За всё желательно платить — за дармовую сигарету, за халявный стаканчик, за бесплатный поцелуй… Приятно думать, что ты трахаешься бог знает с кем не просто так, а в качестве платы за выпивку. Не ради удовольствия, а по необходимости. Словом, далеко не лучший период моей жизни. Я медленно тонула. Приключение с Ю. Уэйном Вулфом было не самым надежным спасательным поясом. По-настоящему меня *выплыла* только роль в фильме Уилли Нельсона.

Да, тот самый фильм, где мне по сценарию предстояло целовать сосок Уилли Нельсона на крупном плане. И я целовала сосок Уилли Нельсона. Чувствовала себя последней дурой. Но Уилли был золото, а не человек. Всегда стоял за меня горой. Я ведь тогда была невыносимая. Почти каждый раз опаздывала на съемку — или пьянка, или похмелье, или в чьей-то постели застряла… Кое-как сняли мои эпизоды. Вышло, похоже, не супер, потому что больше сниматься меня никто не приглашал.

— Извините…

По одному слову я угадываю северо-лондонский акцент. У нашего столика стоит немытый-нечесаный паренек в замызганных джинсах. Однако малый смотрит на Ли-Энн без особой робости.

— Привет, я Ли-Энн, — говорит певица, потому что паренек

молчит.

— Знаю. Я просто хотел сказать, что я ваш большой поклонник и всё такое.

— А, спасибо. И какой из моих альбомов нравится тебе больше всего?

Паренек вдруг смущается и отвечает осторожно, словно боится ошибиться:

— Ну… «Двое — это целый мир». Тот альбом, который вы записали вместе с вашим… — Он осекается перед «мужем» и неуклюже произносит: — Большим Уилли Бином.

— Это и мой любимейший альбом! — Ли-Энн вся сияет. — Огромное спасибо за доброе слово. Как тебя зовут? Грэм?.. А, *Грэхем!*Спасибо, Грэхем. Было приятно с тобой познакомиться.

Паренек протягивает ей подложку под пивную кружку и бормочет что-то нечленораздельное. Ли-Энн правильно угадывает, достает ручку и ставит подпись на картонном кружке.

Когда мы снова одни, она продолжает рассказ:

— Именно Уилли Нельсон познакомил меня с Уилли Бином. Большой Уилли возник в моей жизни в правильный момент. В знаменитости он выбивался п ***о*** том и кровью, был певец кантри традиционной школы, имел проблемы с алкоголем и наркотиками. К моменту нашего знакомства уже завязал. И помог мне стать почти трезвенницей.

В новом браке мне поначалу было как-то неуютно. Прежде звездой всегда была я. Хотя тут полно минусов — мужчина в большей или меньшей степени комплексует, и это чувство постепенно губит отношения. Рано или поздно начинаются упреки в излишней заносчивости — и пошло-поехало… Но Большой Уилли сам был звездой. Мы были на равных. Поэтому иногда я уходила в тень, иногда он. Иногда народ бросался за автографами к нему, иногда ко мне. На его концертах я скромненько сидела в последнем ряду. А на моих концертах он скромненько сидел в последнем ряду. Время от времени зрители обнаруживали в зале меня или его — и почти выталкивали того из нас, кто был в зале, на сцену — петь дуэтом. Это случалось так часто, что мы в конце концов решили дать несколько совместных концертов и имели большой успех.

Чудесный был человек. Козерог. А все козероги — романтики. Большой Уилли ни разу и пальцем меня не тронул. Хоть иногда я заслуживала хорошего тычка. Он вообще ни на кого голос не повышал — по крайней мере в тот период, что мы были с ним вместе. Кажется, я единственная умудрялась заводить его на крик. О женщинах он говорил: «Самое чудесное, что есть на земле. Господь за тем их и придумал, чтобы у мужчин было

постоянное занятие — гадать, что на уме у этих существ. И это гадание отвлекает мужчин от всяких опасных глупостей». Резюмируя наш брак, я могу сказать: у Большого Уилли было три недостатка. Он верил в Бога. Верил в меня. И боялся как огня опасных глупостей. Думаю, на пути в звезды, когда он не был еще таким осторожным и осмотрительным, он бы мне куда больше подошел…

Нас опять прерывают. К столику подходит другой парень, тоже лет семнадцати. Но какой контраст! Это не робко-наглый оборвыш, а уверенный в себе холеный стройный красавчик с обалденной копной иссиня-черных волос. Весь в коже. Поскрипывая, он наклоняется к Ли-Энн и целует ее в губы.

— Тебе что-нибудь принести? — спрашивает парень с растяжкой на всех гласных. Густой акцент американского юга. Все в пабе пялятся на его диковинную прическу. Одна я таращусь на его пах. Потому что его возбужденный и рвущийся из штанов член не просто на уровне моих глаз, но и в шести дюймах от них.

Очевидно, и Ли-Энн заметила, что парень на взводе. Она со смаком тискает его ягодицу.

— Знакомься, это Джо-Боб, — говорит она мне. — Ангелочек, принеси нам, пожалуйста, по кружке пива.

— С удовольствием, — мурлыкает он и, даром что мое имя так и не прозвучало, бросает мне через плечо: — Приятно познакомиться.

Пока он ходит за пивом, Ли-Энн поясняет:

— Джо-Боб — мой гитарист. Семнадцать лет.

Стало быть, я правильно угадала.

— Всегда беру с собой на гастроли — такого из виду лучше не выпускать! И потом, полезно иметь что-то хорошенькое мужского пола на сцене — для девушек в зале. С музыкантами моего возраста не работается: одни уже добились чего-то в жизни и выступают самостоятельно; другие ничего не добились и поэтому стоят за моей спиной, завидуют, бесятся — и ненавидят тебя. К тому же у музыкантов в возрасте всегда голова забита домашними проблемами: семья, кредиты и прочие бытовые заморочки. У женщин с этим как-то проще, они гибче и решают повседневные проблемы изящней, без скрежета зубовного. Однако я стараюсь не брать женщин любого возраста — уж очень в них силен дух конкуренции. Что остается? Молоденькие парни. Тяжко мне приходится, да?

Ли-Энн смеется. Джо-Боб, принеся нам по кружке пива и нежно мазнув Ли-Энн рукой по щеке, удаляется на высокий стул у стойки.

— Рядом с Джо-Бобом ты снова ощущаешь себя ребенком? —

спрашиваю я.

Дурацкий вопрос. Но что умней придумаешь, когда вся твоя кровь ушла из головы в гениталии!

— Только этого не хватало! — восклицает Ли-Энн. — Снова ребенком — мне это недавно приснилось. Я в нашем старом доме, в одной спальне с шестью сестрами, с родителями за стеной… Проснулась в холодном поту! Это кошмар номер один в списке моих ночных хитов. Еще в десятке: что я в одной постели со своим первым, вторым, четвертым или пятым мужем (сны про Ли Стармаунтина скорее приятны — я до сих пор неровно к нему дышу). Другие ужасы, после которых я просыпаюсь сама не своя: что я работаю официанткой; что Бог *действительно*существует; что я сошла с ума; что у меня выпали зубы или отсохли груди… Вообще мне часто показывают страшилки по ночам.

В родной городок она слетала на похороны матери — и зареклась там бывать.

— Да, забавная была поездочка, — с сухим смешком говорит Ли-Энн. И понятно, что в той «поездочке» не было ничего забавного. — Моя родительница преставилась… Январь, лютый холод. Отец больной и невменяемый. Сестры давно разлетелись по стране — похоже, все мы постарались осесть как можно дальше от дома. И вот моя младшая сестра, живущая в Сан-Диего, предложила забрать отца к себе — в теплые края. Мать, конечно, на дыбы: в ее представлении южная Калифорния — Содом и Гоморра, игралище дьявола. Но моя сестра настояла на своем, прилетела и забрала отца. Сам он — наполовину овощ, уже не может протестовать или соглашаться.

Ну так вот, как я сказала, зима выдалась жестокая. Было так холодно, что мать однажды среди ночи встала и стащила со шкафа чемодан, где с прошлой весны хранилось электрическое одеяло. Подложила электрическое одеяло под простыню и нырнула снова под перину. От суеты у нее, очевидно, поднялось давление. Она потянулась к таблеткам на столе… и тут ее хватил удар. Парализовало мгновенно. Ни таблетки принять, ни одеяло отключить. А одеяло было старой модели, без термостата, накаляется без ограничений… Так мать и варилась целую неделю, пока соседи не заподозрили неладное и не вызвали полицию.

Мне не верилось, что она умерла, пока я сама не увидела ее в гробу. Хорошо прожаренный кусок никогда толком не жившей плоти. Сестры плакали и целовали покойную. А у меня слезы не шли. И прикоснуться к ней было жутко. Словом, рванула я вдруг оттуда, не дождавшись похорон. А прилетела домой — сразу в бар: наболтайте-ка мне в самый большой стакан чего позабористей из всех бутылок сразу!

К нашему столику подходит ее менеджер — молоденький холеный хлыщ, горожанин до кончика ногтей, навоза и не нюхал. На кантри ему наплевать, зато у него везде всё схвачено и лучше менеджера не найти. Судя по тому, как он поглядывает на аппетитную попку Джо-Боба у стойки бара, Ли-Энн его тоже не интересует.

— Ну, беседуем? — заботливо осведомляется менеджер. Опытная журналистка, я слышу за этим: «Пора вам закругляться». К тому же народу в пабе прибавляется и прибавляется, и все пялятся на нас. До начала концерта меньше часа.

— Ах, черт, совсем про время забыла! — говорит Ли-Энн с преувеличенным ужасом. — Мне пора. Надеюсь, ты получила достаточно материала.

Джо-Боб подходит к столику и как истинный джентльмен с Юга помогает Ли-Энн встать. И опять его готовое к труду хозяйство пузырится на уровне моих глаз. В низу живота у меня всё играет и кувыркается. Ощущение — втрескиваюсь всерьез.

— А ты когда-нибудь любила? — спрашивает Ли-Энн. Очевидно, я густо краснею, потому что Ли-Энн с улыбкой добродушно треплет меня по руке. — Ну, ну, милочка, отвечать не обязательно. Я спросила так, забавы ради. Не всё же мне на вопросы отвечать. Иногда и спросить любопытно. Давненько я не беседовала с журналистками. Всё сплошь мужчины. Нам, женщинам, надо держаться друг за друга. Многие женщины, кстати, говорят — мои песни словно про них написаны. Совершенно согласна. Это про меня — а значит, и про них. Хорошая песня вообще как подслушанный интимный разговор… Ну да ладно, было приятно с тобой пообщаться… прости, забыла, как тебя зовут?

Вылитый портрет

Перри Кэй был популярнейшим из популярных.

Принцесса Диана обожала его — в прессе долго спорили, насколько платонически.

У него налитые, красиво очерченные губы — в меру массивные, чтобы не выглядеть слишком агрессивными. На подбородке едва заметная бородка. Короткие волнистые волосы зачесаны назад.

Он недавно поблистал в паршивенькой «мыльной опере» и смягчил своим присутствием провал единственного неудачного мюзикла Эндрю Ллойда Веббера. Несколько его синглов бродили по верхним строчкам хит-парадов. Только что вышла его автобиография в двух частях: «Не сиди сиднем (Делай что-нибудь со своей жизнью)!» и «Ты можешь (если захочешь)». Первая часть до сих пор возглавляла список бестселлеров журнала «Таймс».

Лицо Перри мелькало в каждом воскресном выпуске таблоидов, а его знаменитая попка была всегда — в любую погоду и на любом мероприятии — обтянута минимальными шортиками. Эта подвижная изящная выразительная попка вспоминалась первой, когда думалось о Перри Кэе. Она была таким же фирменным знаком, как классические извивы губ Элвиса Пресли. Поэтому, когда программа Независимого телевидения «Вылитый портрет» взялась за изготовление куклы Кэя, начали, естественно, с его знаменитого седалища.

Сперва был тайный план просто немного переделать куклу Эндрю Риджели из группы «Уам!» — эта марионетка годами где-то пылилась после первых выпусков программы в 1984 году. Однако сэкономить не удалось — ни в одном шкафу Эндрю не нашелся. Зато из кладовки, похожей на поле битвы с разорванными на аккуратные части трупами, извлекли всеми забытые начиненные электроникой говорящие и танцующие резиновые груди Саманты Фокс — каждый *губастый*сосок жил самостоятельной жизнью. Долго хохотали, потом хлопнули себя по лбу. Пародия выйдет супер. Хотя, скажите по совести, кто способен переплюнуть ходячих рок-пародий на самих себя?

Далеко не все знаменитости любят свой «вылитый портрет», но Перри наслаждался им от чистого сердца. О, эти грандиозные алые губищи, похожие на двухэтажные лондонские автобусы! Когда эти автобусы раздвигались в улыбку, другие куклы в панике закрывали руками глаза — чтобы не ослепнуть от сияния жемчужных зубов. Особенно он любил тот скетч, где его кукла сидела за столом и, жуя кончик карандаша, сочиняла названия

песен, в которых рябило от количества скобок внутри скобок внутри скобок. А сладкоглазая принцесса Диана играла на его физиономии в «Заполните многоточия» — вписывала шариковой ручкой текст между щетинками на его подбородке. Нравился ему и скетч про Джорджа Майкла, сгорающего от стыда в приемной проктолога (сгорающего медленно и буквально): сидящие там стареющие поп-звезды поочередно исповедовались в грешных приключениях своих анусов. Кукольный Перри — с видом «я тут по другим делам» — стоял поодаль у окна и раздельно поигрывал ягодицами в шортиках: каждая половинка корчила собственные веселые рожицы.

Все передачи с участием своей куклы Перри записал на видео и каждую просмотрел десяток раз. Он считал, что его марионетка — лучшая за всю историю «Вылитого портрета». Он решил ее выкупить.

Со студийным начальством беседовал по телефону Клайв Макфи, менеджер Перри. Сперва он хотел получить куклу даром — обещая хорошую рекламную шумиху. Его высмеяли и сказали: кукла не продается. После долгих мучительных переговоров сошлись на сумме, лишь самую малость превышающей годовой бюджет небольшой страны третьего мира.

В ожидании куклы Перри перестроил Святилище в своем доме.

В Святилище были собраны его золотые и платиновые диски. Там обычно стояла его статуя работы Джеффа Кунса, ныне временно выставленная в нью-йоркском музее Уитни, и висели в изысканных рамках его фотографии в обнимку или рядом с Дональдом Трампом, Мадонной, Майклом Джексоном, великим бейсболистом Ферджи, Папой Римским, принцессами Дианой и Стефани, а также политиками всех толков и направлений.

Чтобы стать достойным жилищем для его марионетки, Святилище должно было обновиться.

Минималистски оформленную комнату передизайнили в духе современного саудовского нефтяного рококо — гламур, пурпур и золото. Фотографии и награды получили массивные золотые рамы. Ноги утопали в роскошных коврах. В центре стояло резное ложе в духе какого-то из Людовиков. Разумеется, тоже всё в золоте.

В приливе творческого вдохновения Перри послал ассистентку в секс-шоп за надувной куклой — его марионетке непременно нужна подружка!

Подружка оказалась вполне рококошная — тоже много пурпура и золота. Золотоволоску с открытым пурпурным ртом чинно усадили на подушки, откуда она будет лукаво глядеть на

гостей приглашающей пурпурной дырой ниже золотого лобка.

Перри решил устроить грандиозную вечеринку по поводу вселения в дом резинового двойника.

Съехался цвет лондонского музыкального мира.

С благословения Перри пошел слух, что и принцесса Диана обещала заглянуть к нему на пару минут. Поэтому стая папарацци была даже огромней, чем ожидалось. Они нагло карабкались на стену, окружающую сад особняка. Пришлось охранникам и полиции с руганью и пререканиями снимать их оттуда и отгонять на противоположную сторону улицы.

Вечеринка шла обычным ходом — все перецеловались, обменялись раз, и еще раз, и еще раз фальшивыми комплиментами, потом раз, и еще раз, и еще раз выпили — и пустые фразы стали летать бодрее и веселее. Все побывали в Святилище и оценили пурпур и золото и комфорт, в котором предстояло жить марионетке. Кто-то сфотографировался с подружкой Перри номер два и полапал ее надутые груди. «Кто знает, удастся ли в будущем? А вдруг он ревнивый!»

Знаменитые футболисты для смеха стащили подружку с постели и попинали ее из угла в угол.

Именно один из них пару-тройку коктейлей спустя подошел к Перри на нетвердых ногах и на весь зал спросил:

— А где… ик… сама-то?

Тут и остальные заговорили о том, что пора бы кукле уже прибыть. Планировался эффектный приезд. Лимузин с марионеткой непонятно где задерживался.

Перри занервничал и кинулся к менеджеру.

— Где кукла? Почему еще не здесь?

Тот удивленно пожал плечами — все вроде было на мази — и отошел в сторонку сделать несколько телефонных звонков. Перри пообещал: если кто из суперзвезд уедет, не дождавшись прибытия Вылитого Портрета, «полетят головы!».

И тут в зале среди гостей появился начальник охраны и его сотрудник.

Извиняясь, что они в неположенном месте, парочка пролавировала через толпу к Перри и передала ему толстый желтый конверт, только что подброшенный к воротам особняка из проезжающей машины.

Перри быстро сунул конверт подскочившему менеджеру.

Тот проворно передал его начальнику охраны.

Начальник охраны величаво вручил его своему сотруднику и отошел на пару шагов.

Охранник, молодой дюжий парень, оглянулся по сторонам, словно желая удостовериться, что он действительно крайний,

затем шмыгнул носом и принялся толстыми пальцами осторожно вскрывать конверт.

Внутри был листок бумаги с кривыми рядами букв, выстриженных из журнала. Менеджер взял листок, прочитал, заиграл ноздрями, вырвал у охранника конверт, пошарил в нем рукой и вытащил оттуда резиновое ухо. По месту отреза было мазнуто уже засохшей алой краской. Еще в конверте был полароидный снимок куклы: раненным солдатом, с забинтованной головой, она понуро сидела у какой-то стены. На месте отсутствующего уха бинты были красные.

— Куклу похитили, — объявил менеджер, вручая побледневшему Перри фотографию и резиновый сувенир от преступников.

У бывших в зале журналистов затрепетали сердца. Какая тема!

Три дня таблоиды только и писали, что об этом странном похищении.

Перри, гений саморекламы, обожал быть на виду и содержал двух журналистов-пиарщиков, которые писали исключительно про него. Практически ежедневно специальная служба доставляла ему вырезки из газет и журналов со всеми статьями и заметками, где он был хотя бы просто упомянут. И он все эти материалы исправно читал. В бумажнике Перри носил вместо паспорта сложенную пополам самую первую статьюшку о нем. Если в один ужасный день мир не сможет вспомнить, кто он такой, или он сам забудет свое имя, достаточно будет развернуть эту древнюю вырезку: вот его фамилия и фотография! Да, быть в центре внимания, быть героем сенсаций он обожал. Но свою марионетку он любил больше саморекламы. Он любил свою куклу так же истово, как рок-звезды любят своих жен-куколок.

Перри не мог работать. Он потерял аппетит. Когда-то Макфи устроил ему рекламный благотворительный концерт в пользу «Эмнести интернэшнл», и перед концертом Перри узнал массу жутких подробностей про пытки и издевательства, которым подвергают людей в тюрьмах некоторых нехороших стран. Теперь все эти подробности слетелись в ночные кошмары. Ему снилось, что его похищают, над ним измываются, его терзают всеми мыслимыми способами — и затем начинают отрубать кусочки от его дивного тела, которое обожают миллионы людей во всем мире. Он просыпался со страшным чувством безнадежности и отчаяния. Он брал в руки телефон… увы, позвонить и излить душу было некому. Ядовитые и не раз обиженные им журналисты; коллеги — завистники и соперники; его сотрудники, с которыми

он редко ласков… да любой мог учинить безобразную проказу с куклой! Кругом было столько врагов! Перри смутно помнил времена, когда у него были друзья, когда он мог общаться с людьми, не подозревая в каждом изменника. Его последними друзьями были ребята из группы «Глотуны», в которой он пел в самом начале своей карьеры. Но это было словно в другой жизни.

Он грубо отчитал своего менеджера за то, что в прессу просочилась сумасшедшая цена, заплаченная за куклу. Менеджер позвонил пиарщикам и грубо отчитал их за то, что они разболтали, какую сумасшедшую цену Перри заплатил за куклу. На это было отвечено: да вы же сами с Перри велели нам перед вечеринкой растрепать, во сколько влетел этот чертов кусок резины!

По мнению Перри, похитители куклы, зная ее цену, будут нарочно тянуть с переговорами, изматывать нервы и в итоге потребуют чудовищный выкуп. К этому моменту было получено второе анонимное письмо, в котором содержалась угроза и дальше присылать куклу хозяину по кускам, если требования похитителей не будут выполнены. Однако никаких конкретных требований выдвинуто не было!

В мучительной неизвестности прошло десять дней. Перри находился на грани нервного срыва. Утром он вскакивал ни свет ни заря и ждал почты с нетерпением прыщавого юнца, который томится по словцу от своей зазнобы. Однако почтальон приносил только ворох сочувственных надушенных писулек от девочек-фанаток и шаблонные соболезнующие письма от знаменитых коллег по музыкальному бизнесу. Были, разумеется, и послания от стандартных придурков: кто-то советовал поискать куклу Перри в спальне принцессы Дианы, кто-то прислал резиновый пенис из магазина приколов — с именем Перри и мазком красной краски на месте «отреза».

Но в одно прекрасное утро ассистент с торжественно-пасмурной физиономией внес белую коробку для китайской еды навынос. В коробке лежали два резиновых пальца и новая фотография марионетки. Бинты с головы были сняты — рана на месте отрезанного уха уже «зажила». Марионетка сидела под витриной ресторанчика в лондонском китайском квартале — воздев оставшиеся пальцы в хамском жесте. И ни строчки от похитителей!

Перри разрыдался.

— Это нечестно! За что такая жестокость? — причитал он между всхлипами. — Я ведь ждал от них инструкций и был готов на все! Почему они калечат меня?

В тот вечер зрителям, пришедшим на мюзикл Эндрю Ллойда

Веббера исключительно ради Перри, пришлось слушать его дублера. Менеджер объяснял на голубом глазу: Перри в постели, сражен бактерией азиатского гриппа. Эту глупую версию пара цепных журналистов Перри тут же заменила конфеткой собственного производства: он срочно вылетел во Флориду на поиски любимой бабушки, которая продала свою страховку и слиняла из дома престарелых с молоденьким медбратом-латиноамериканцем. Азиатский грипп не мог длиться вечно, а бабушке-авантюристке не было конца и края. А если Перри таки угораздит найти ее, он может закрутить роман с медбратом и скрыться с ним в Мексику…

В действительности Перри в полной прострации днями валялся в постели и таращился в потолок. Звонил телефон, и автоответчик громко докладывал, что Перри не может подойти. Почта больше не читалась. Газеты оставались нераскрытыми. И, что уже совершенно невероятно, вырезки со статьями про Перри громоздились нетронутыми. Иногда заходил секретарь, и его скорбное лицо возвещало о получении новой картонки с новой частью резинового тела. Душа Перри была как выжженная пустыня, и он уже почти равнодушно взирал на очередное сопроводительное фото: его свежепокалеченная марионетка у железной ноги Эйфелевой башни, или у основания одной из колонн собора Святого Петра в Риме, или у входа в мюнхенский пивной подвальчик — в баварских шортах и тирольской шляпе, которую вместо залихватского пера украшают два отсеченных резиновых пальца марионеткиной ноги…

Поскольку Перри пропал с концами, закурсировали слухи, что его персонаж в телевизионном сериале собираются закруглить — прикончат в автокатастрофе *во Флориде* и оплачут в Великобритании в закрытом гробу. Менеджер звонил на студию и устроил скандал: он их засудит, если они самовольно нарушат контракт, время которого еще не истекло! В конце концов наспех сочинили, что персонаж Перри внезапно *похищен*флоридской мафией — его по недоразумению приняли за кого-то другого. Таким образом, следующие серии будут посвящены его поискам, а сам Перри волен отлынивать от съемок и дальше.

Дело с телевидением уладилось. Сложнее было с мюзиклом. Заменяющий его дублер всё пел и пел, и рецензии становились всё мягче и мягче, пока не сменились хвалебными. В конце концов три месяца спустя дублер — смазливый блондин, такой же сладкий и рассыпчатый, как музыка Эндрю Ллойда Веббера, — стал основным исполнителем, а Перри дали отставку.

Но давайте-ка перенесемся за несколько тысяч миль — в Лос-Анджелес.

Пять утра. Голливудский бульвар. Изредка проедет машина. Прохожих — ни души.

У прославленного кинотеатра, рядом с которым знаменитая «аллея звезд», останавливается обшарпанный гастрольный автобус. Внутри бледные с перепоя ребята английской рок-группы. Один за рулем, трое других сидят среди черных ящиков со сценическим оборудованием. На некоторых ящиках зачеркнуто старое название группы — «Глотуны» — и начертано новое: «Фамм фаталь».

Фаммфатальцы высыпают из автобуса и воровато оглядываются. Один из них кладет на асфальт гитарный футляр и раскрывает его. Внутри — огромная резиновая кукла. Безобразно смятая. Как индейка, которую вбили в микроволновку, подходящую только для цыпленка. Кукла вообще бы не поместилась в футляр, не будь у нее ампутирована половина конечностей.

Пока басист готовит фотоаппарат, вокалист — похоже, когда-то приятный малый, но теперь годящийся самому себе в отцы, — прислоняет куклу к стене и кладет ей на живот кусок белого картона, к которому приклеена самодельная звезда — вроде тех, что тут на асфальте. Кукла, свесив голову, таращится единственным глазом на свое имя, написанное на звезде. Фотограф отходит так, чтобы в кадр попал и узнаваемый кусок здания.

Из-за кустов вдалеке выдвигается фигура оборванного бродяги. У него вид человека, с которым лучше не связываться. Но он приветливо машет парням из группы и редкозубо лыбится.

Закончив свое дело, парни подхватывают куклу и с хохотом бегут в автобус.

В автобусе гитарист вынимает перочинный нож, выковыривает у куклы последний глаз и кладет его в картонку.

Теперь давайте обратно в Лондон.

Макфи, менеджер Перри, настроен по-боевому. Он не терпит возражений. Только что он раскрутил молоденькую певичку — ее песни уже лихо штурмуют хит-парады, а саму ее прочат в звезды первой величины. Ему хватает ее капризов, поэтому с Перри он нянчиться не намерен. Или Перри начинает снова работать, или пусть ищет себе другого менеджера — дураки найдутся, только кликни! Менеджер, расшвыряв прислугу, вламывается в спальню Перри и честит его последними словами. «Ты в курсе, что в последние три недели о тебе нет ни одного упоминания во всей английской печати? Ты умер для радио, ты умер для телевидения. Твоя книга больше не раскупается. Твой контракт на сериале закончился — и они перекрестились от радости». Всё

верно. Последний раз Перри публично упоминался только благодаря ёрническим похоронам, которые устраивают тому, чье имя вылетело из всех списков популярных песен. Коллеги-приятели сожгли его бумажную фигурку и развеяли ее пепел в любимом пабе. Студия грамзаписи в ярости и панике — выпуск нового альбома планируется на лето, а Перри до сих пор не записал ни единой новой песни.

Под давлением менеджера Перри тащится в студию и исполняет песню. В Великобритании его новое творение не задерживается даже в самом низу самых длинных хит-парадов, но в США начинает медленно прокрадываться на вершину первой сотни. Макфи по своим каналам организует приглашение Перри в американскую телепередачу «Чистое золото» — надо дожимать наклюнувшийся успех. Перри не хочется никуда двигаться, однако менеджер держит его на коротком поводке и опять грозит бросить на произвол менее опытных и более алчных ребят.

И вот мы опять на другом континенте, в закулисье студии «Холливуд Ти-Ви».

На мониторах зальчик с амфитеатром. Публика — зажатые подростки, которых перед началом записи долго учили правильно реагировать на световые раздражители — по одному сигналу пускать слюну, восхищаться и аплодировать, по другому — смеяться, по третьему — делать умные сосредоточенные лица и помалкивать. На сцене потертого вида комик заполняет паузы между номерами, выжимая из ребятни жидкий гогот, который звукооператор исправно заменяет «смехом из банки».

Перри, еще не одетый к своему выходу, рассеянно бродит между разогревающимися танцорами. В большом зеркале под немилосердно ярким светом он с ужасом замечает мешки под своими глазами. Или нет, просто чудится?

Тут его зовут в гримерную. Он вздыхает и в дверях сталкивается с четверкой бледных парней из английской рок-группы. Один из них, гитарист, широко улыбается, обнимает его и хлопает по спине.

— Перри, старина, как дела? Век не виделись! Рады тебя встретить! Надо бы как-нибудь сбежаться, посидеть, вспомнить старые добрые времена за бутылочкой…

Перри растерянно таращится на говорящего и его приятелей.

Другие фаммфатальцы тянут гитариста прочь.

Перри садится перед зеркалом, и только когда гримерша начинает водить кисточкой по его лицу, он наконец вспоминает, где он видел этих типов. Они из группы «Глотуны», в которой он играл пять лет! С ними он начинал свой путь в музыке. Он никогда не интересовался, что с ними стало после того, как он

бросил их ради сольной карьеры. Перри огорченно морщит лоб. Да, неловко получилось. Стало быть, они всё еще играют… где-то. Молодцы! Гримерша делает ему замечание — ей трудно работать. Перри послушно прекращает хмуриться.

И вот он выходит на сцену среди одиноко стоящих белых реквизитных колонн. Подростки мрачно смотрят на голоногого молодящегося мужчину в облегающих трусах — по пляжной моде их папочек. Они не подозревают, что в их возрасте их мамы зацеловывали портреты этого дядьки. Световой сигнал подсказывает, что надо восхищаться, и публика хлопает в ладоши. Перри улыбается и начинает пританцовывать в ритм зазвучавшей музыке. Его взгляд, исполненный томления, устремлен на прыщавую девушку в первом ряду. Она брезгливо ежится. Он поворачивается к ней боком и фирменно подергивает ягодицами.

В нужный момент Перри открывает рот, чтобы имитировать пение. Но так и остается с отвалившейся челюстью.

Продюсер зло кричит: «Стоп!!!»

Перри ошалело таращится в глубину студии.

Там, за головами девочек, на пустом стуле в последнем ряду стоит *лицом*к нему его резиновый зад. Он грубо отрезан от прочего тела, но вся его электронная начинка цела, и ягодицы танцуют раздельно — правая отплясывает твист, а левая ходит в величаво-медленной паване.

Один из танцоров за его спиной вовремя замечает неладное и успевает подхватить Перри, падающего на пол. Маленький переполох. Рыдающего Перри выносят из съемочного павильона. Ошарашенные подростки замерли на стульях. Голос поющего Перри все еще несется из динамиков. Наконец кто-то догадывается вырубить музыку. В наступившей тишине всем становится еще более неловко.

Однако тут на сцену высыпает четверка английских парней. Они хохочут — за вычетом гитариста, у которого задумчиво-грустный вид. Пока вокалист и басист скачут по сцене и выделывают на потеху публике разные антраша, барабанщик ободряюще хлопает гитариста по плечу.

— Добрая шутка хуже кулака в морду! — кричит он. — Коль ничего не достаёт — достанет смех!

Вокалист и басист тут же подхватывают его слова — обнимают друг друга за плечи и скандируют в публику на манер футбольных болельщиков:

— Коль ничего не достаёт — достанет смех!

Гитарист смотрит на них и постепенно сам расцветает в улыбке. Он тоже подхватывает:

— Коль ничего не достаёт — достанет смех!

Когда студийный работник на опасливо вытянутых руках уносит зад с несогласно танцующими половинками, фаммфатальцы насмешливо свистят и улюлюкают со сцены. Ничего не понимающая публика из озорства присоединяется к ним.

Даже для Зигги слишком дико

То, что затевалось на этой вечеринке, даже для Зигги было слишком дико.

— Нет, ребята, для меня это слишком дико, — сказал Зигги и был таков.

Вечеринка действительно запредельная. Даже по лос-анджелесским меркам. Даже по самым крутым рок-н-ролльным стандартам!

Вечеринка вокруг разверстой могилы.

В остальном всё было как всегда. Охранники в черном у ворот. Служащие в красных ливреях встречают гостей, которые подкатывают в лимузинах по длинному подъездному пути. Начинало темнеть, горели все огни в доме и вокруг. Яму уже копали.

За резным деревянным столом на берегу сидел цепкоглазый мужчина той степени холености, которую имеют только миллионеры со стажем. Несмотря на вечернюю прохладу, его сорочка была распахнута на груди и обнажала густую растительность, уместную разве что для заблудившегося треугольника паха.

— Где Зигги?

— Слинял, — ответил его секретарь.

— Слинял так слинял. — Мужчина нахмурился. — Придурок. Будто ему реклама не нужна!

Затылком миллионер упирался, как на подголовник «порше», на рукодельные груди стоящей за его спиной блондинки, которая массировала ему плечи. Смотрел он прямо туда, где у кромки океана землекоп рыл яму во влажном песке. Яма имела форму узкого клина шести футов в длину. Неподалеку от нее телебригада разворачивала аппаратуру, расставляла осветительные приборы и микрофоны. Будь эти суперчувствительные микрофоны ближе, они бы уловили, как мужчина с блондинкой на затылке со смаком чешет свой заблудившийся пах.

— *Она* уже здесь?

Гости понемногу вываливали из дома на берег, но он не видел ее среди них. Почти все — знаменитости первого ранга: вечеринки Ирвинга были знамениты подбором публики. Звезд второго и третьего ранга было ровно столько, чтобы самые знаменитые не совсем уж лишились возможности купаться в чужой зависти и восхищении, однако не так много, чтобы у звездейших из звезд возникло ощущение, что они забрели на

вечеринку второго сорта. Девушки в вечерних мини-платьицах на макаронной ширины прозрачных бретельках роились вокруг первых величин.

Секретарь, молодой парень с оцепенелой под гелем шевелюрой и вечно озабоченной физиономией, отозвался на вопрос быстрым:

— Не знаю, Ирв. Сейчас проверю.

После коротких переговоров через головной телефон он доложил:

— Нет, еще не пришла. Зато его первая жена… то есть его вдова номер один уже здесь. Только что подъехала. При ней съемочная команда с «СРВ». Делают фильм о ее жизни с гигантом.

— Гоните в шею. Эксклюзивные права у Эм-ти-ви!

Секретарь отдал соответствующий приказ в свой микрофончик. Вдова номер один как раз появилась на веранде в сопровождении парня с телекамерой и девицы с микрофоном. Вдова — плотно, как презервативом, обтянутая оранжевым платьем — выглядела сказочно хорошо. Да, подумал залюбовавшийся Ирвинг, Баронесс выбирал только самых лучших!

Секретарь доложил:

— Мистер Нарцисс прибыл.

— Замечательно. Пусть Келли тащит его сюда.

С воды потянуло холодом, и Ирвинг застегнул сорочку.

Фигуристая высокая девушка подвела к нему могучего темнокожего мужчину в зеленой вязаной шапочке поверх копны волос. В руках у него был чемоданчик. Ирвинг встал, чтобы пожать черную лапищу, и махнул рукой официанту.

— Мистер Нарцисс, что вам предложить?

— Деньги. Наличные. Аванс.

Ирвинг рассмеялся.

— Вы прямо как Чак Берри: «Сперва деньги, потом я».

Он вынул толстую пачку долларов, на глазок отделил от нее добрую часть и протянул мистеру Нарциссу. Тот листанул указательным пальцем край пачки, удовлетворенно хмыкнул, положил чемоданчик на стол и сел на стул рядом с Ирвингом.

— Келли, присмотри, чтобы у мистера Нарцисса было всё необходимое, — сказал Ирвинг. — А мне пора сделать круг и поприветствовать гостей.

Тем временем на помосте, сооруженном на берегу, рок-группа заиграла одну из классических песен Баронесса — хит семидесятых. Каждый из пяти музыкантов был одет под одну из множества сценических ипостасей Баронесса: инопланетянин,

гермафродит, ковбой, жиголо, вампир.

Знаменитости с коктейлями в руках прохаживались взад-вперед, шумно и с преувеличенной радостью здоровались и щечкались, собирались в группки для светской болтовни. Было много актеров и художников, но основную массу — человек пятьдесят — составляли рок-звезды мужского пола, примерно ровесники покойного. Они выделялись брючками в обтяжку и женами школьного возраста. Их длинные кудри словно в панике убегали на плечи от лысеющих макушек. Были музыканты и более молодые, чьим замысловатым бородкам и фантастическим прическам мог бы позавидовать и сам Баронесс, большой любитель экспериментов с растительностью на лице и взрыва красок на голове. В честь его последней земной инкарнации — зловещего Дракулы — было много «неоготики»: замогильно глядящие набеленные утопленницы в сетях поверх черных нарядов и напудренные юноши в черных трико с рисунком скелета в человеческий рост.

Все это жадно впитывали телекамеры. Комментировал происходящее ныне самый популярный ведущий Эм-ти-ви Черчилль — актер и поэт, писаный красавчик с выразительными глазами Джонни Деппа.

— Цитируя Нейла Янга, — говорил он в микрофон, — скажем: «Рок-н-ролл бессмертен, а рок-н-рольщики, увы, умирают». — Хорошенькое личико на пару секунд надело трагическую маску. — Да, друзья мои, они умирают и умирают. Леннон, Хендрикс, Курт Кобейн… похоже, Господь отбирает в свой бэнд самых лучших! Но прочь невеселые мысли. Сегодня мы с вами, исключительно на телеканале Эм-ти-ви, станем свидетелями эпохального события. Здесь, в присутствии живых легенд, целого созвездия звезд, пишется история рок-н-ролла — точнее, переписывается! Мы ожидаем по-настоящему фантастическое, доселе невиданное возвращение на сцену. Мы ведем свой репортаж живьем из Малибу, штат Калифорния. Здесь на территории, где находится обошедшийся в миллионы и миллионы особняк легендарного рок-н-рольного менеджера Ирвинга Рота, произойдет чудо: певец, жестоко похищенный у нас смертью в прошлом декабре, ныне восстанет из мертвых. Да, друзья мои, дивный, загадочный, вечно современный и вечно юный Баронесс сегодня вернется к нам. — Черчилль сделал паузу и, резко снижая тон, добавил с нарочитой небрежностью: — Короче, кому интересно видеть ожившего покойника, присоединяйтесь — не пожалеете.

Пошел рекламный блок.

Тем временем Черчилль давал распоряжения, от кого из звезд

необходимо получить хоть пару фраз на камеру. Его ассистентка делала соответствующие заметки.

— А где Зигги? — спросил он.

— Был и ушел. Сказал: «Слишком дико!»

Ассистентка заливисто рассмеялась, словно Зигги произнес самую прикольную фразу года.

— Это для него-то дико? — ворчит Черчилль. — Сам днями напролет у себя в Майами *книжки читает!*..Занесите в протокол: *он меня за-ко-ле-бал!*

— Кстати о диковинных персонах… Недавно Пусси подъехала.

Черчилль неопределенно повел глазами.

— Поставить ее в список? Она вроде как опять входит в моду… Да, и не забудьте счастливицу.

Девушка кивнула в ту сторону, где их сотрудник приглядывал за победительницей конкурса на право вручить ожившему Баронессу платиновый альбом — его посмертный компакт-диск разошелся миллионным тиражом. Прыщавая толстушка встретилась взглядом с Черчиллем и вся затрепетала. Послав ей сладчайшую из своих улыбок, он сказал ассистентке:

— У, жирная глупая кобыла! Только кадр мне испортит!

Группа на сцене перешла от баронессовых хитов семидесятых к его хитам восьмидесятых. Несколько звезд запрыгнули на сцену — поиграть джем. Жены и подружки утрированно поддерживали их: пританцовывали, хлопали в ладоши и кричали. Телекамера на какое-то время сосредоточилась на них, затем двинулась в поисках более интересного материала.

Первый, кого интервьюировали, назвал восстание из мертвых Баронесса благословеньем Божьим. Второй — наказаньем Божьим. Третья звезда заявила Черчиллю, что всё это роскошный рекламный трюк. Четвертая — что это глупая нездоровая шутка. Первая вдова Баронесса поведала ведущему, как она по-прежнему безумно любит бывшего мужа, и залила слезами декольте своего оранжевого презерватива. Ее дружок, молодой певец-металлист, обнимал безутешную вдову и утешал помпезной растяжкой: «Певец мертв лишь тогда, когда больше не продаются его альбомы. Значит, Баронесс — *жив!!!*»

Один из бывших музыкантов Баронесса солидно басил в микрофон:

— Баронесс и при жизни постоянно умирал и возрождался. Он всегда умел изменяться и удивлять. Он, конечно, был смекалистый саморекламщик, но при этом, не побоюсь сказать, истинный музыкальный гений. Он инстинктивно знал, как добиться оптимального эффекта.

Его приятель, уже крепко хвативший, ввернул заплетающимся языком:

— Тот еще был сукин сын! Чуть зазеваешься, он твою идею хвать — и на свой банковский счет! Обдирал друзей и знакомых как липку. Зато, чего не отнимешь, из любой краденой идеи делал такую конфетку, такую конфетку… ну, думаешь, хрен с тобой, пользуйся, ешь меня!.. Эй, ребята, выключите камеру. Я щас рыдать буду… И пошутить умел, паршивец. Правильно вы делаете, что его выкапываете. Ему бы самому это понравилось — любил он приколы. Вот Зигги вам подтвердит. Зигги его лучше всех знал. Зи-и-игги, ты где-е-е?

— Зигги показал пятки, — сказал музыкант Баронесса, силком оттаскивая приятеля от камеры. — Вроде как не желает иметь дела со всем этим.

— Врешь, гад! Зи-и-игги-и-и!!!

Следующим камера взяла Ирвинга.

— Баронесс был многосторонним талантом, человеком Ренессанса в нашу эпоху триумфа посредственности. Он и рисовал чудесно. Вы видели когда-нибудь его картины? Он мне однажды показывал рисунки, сделанные во французском шато во время работы над альбомом «Мадонна с блестящими губами». А какой альбомище! Готов поклясться на белом рояле Джона Леннона, что это величайший в истории сборник песен о любви! Согласно легенде, в этом дворце живет призрак Шопена. И Баронесс рассказывал, как они с ним ночами, попивая бордо, в четыре руки наяривали на клавишах. Поэтому то, что сегодня происходит, нисколько бы не удивило и не шокировало Баронесса. Ничто не может показаться диким человеку, который при жизни с элегантной простотой говорил о смерти и был на дружеской ноге с покойниками. А теперь простите — мне надо идти организовывать воскрешение.

Выскользнув из света юпитеров, по дороге к дому, Ирвинг раздраженно думал: где же сама «мадонна с блестящими губами»? Где ее черт носит в такой важный момент? Он начинал нервничать. А нервничать он не привык.

Ассистентка стояла на веранде и вела телефонные переговоры.

— Не можем найти, — ответила она на его немой вопрос. — Ее сотовый отключен. Келли сумела связаться с экономкой — та говорит, хозяйка ушла из дома уже давно и одетая явно для вечеринки. Выехала два часа назад на лимузине. Какой компании лимузин, экономка не знает. Наши ребята сейчас на телефонах — шарят по водителям. Если кому повезет, тут же поставим вас в известность. Я думаю, у нас в запасе еще четверть часа. От силы

— двадцать минут. Сейчас будет выступать Черчилль. Потом ваша очередь. А мистер Нарцисс уже готов, ждет только знака.

Музыка прекратилась, группа ушла со сцены, а к микрофону вышел Черчилль и стал читать свою длинную эпическую поэму под названием «На третий день». Затем на сцену выскочил один из неоготических скелетов, облапил его и восхищенно закричал:

— А ты, оказывается, мужик ничего. Я тащусь! Думал, ты дешевка, а ты гигант!

Одна из утопленниц задрала юбку и показала камере мясистый лобок, задрапированный куском черной ткани. «С тех пор, как Баронесс умер, *она* носит траур!» — поведала девица многомиллионной телеаудитории.

Затем на сцену, отключив свой сотовый, вышел Ирвинг. Дождавшись тишины, он еще раз коротко ввел гостей в курс предстоящего чуда. И долго распространялся о том, какими они с Баронессом были друзьями. Как горек был их разрыв — следствие «недоразумения». И как сладко было их примирение в швейцарском летнем дворце Баронесса, где они провели вместе чудесную неделю. Увы, буквально через месяц раздался тот «чудовищный, немыслимый телефонный звонок». Конечно, он кинулся в самолет, перелетел через океан, пытался как мог утешить вдову…

(Где эта вдова, черт побери? Куда она запропастилась? Ведь только ради нее он затеял весь этот нелепый спектакль, который ему до одного места! Для того, чтобы быть с ней вместе, чтобы угодить ей, он готов на всё что угодно — даже оживить ее припизднутого Баронесса!)

…мир потерял гения. А он потерял дорогого близкого друга. Но в один прекрасный день до него дошли слухи о человеке из Нового Орлеана, который обладает способностью воскрешать людей. Ирвинг не одну неделю потратил на поиски этого кудесника. И потом уговорил его совершить чудо с Баронессом — только не спрашивайте, сколько на это ушло времени, нервов и денег!

— Вы ведь меня знаете. Если я чего захочу — от меня не отвяжешься! Я своего привык добиваться.

(И лучше всех знает это мадонна с блестящими губами!)

— А теперь, дамы и господа, *друзья*…добро пожаловать на Возвращение Баронесса!

Свет прожекторов переместился на берег, где Нарцисс разложил на стоящем у ямы столе вещи из своего чемоданчика: коробку спичек, свечу, бутыль с затычкой, мочалку, большой моток бикфордова шнура, широкое кольцо липкой ленты. Было похоже на телешоу, где школьники из подручных средств

пытаются соорудить какой-нибудь полезный аппарат.

Гости, переместись отовсюду в огромный ярко освещенный круг на берегу, с интересом наблюдали за происходящим. Одна только Пусси, почти вдрызг пьяная, отстала от толпы: ее высокие каблуки увязли в песке, и она стояла, накренившись назад, размахивая для равновесия руками и матерясь на чем свет стоит.

Заиграл новоорлеанский похоронный оркестр, и под звуки самой трогательной из баронессовых баллад гроб двинулся в сторону океана. Процессией командовал женоподобный смазливый парень с горящей неоновой трубой-жезлом руке. За ним четыре тонких юноши в балетных трико и цилиндрах несли гроб, обложенный зеркальцами, которые поблескивали как на шаре в дискотеке. За гробом шествовал накрашенный мужчина в женском парике и платье. В руках он нес серебряный поднос. На подносе — зеркало на серебряной ручке, бутылка шампанского, высокий бокал и пачка сигарет.

Возле ямы процессия остановилась. Юноши в цилиндрах осторожно опустили гроб в яму и отошли. Мужчина в женском платье поставил поднос на песок возле «могилы», драматически затряс головой и вытер невидимым платочком невидимые слезы. Прыщавая толстушка, победительница конкурса, шагнула на нервной почве вперед, сжимая в руке прозрачную коробку с платиновым диском. Ее схватили за шиворот и вернули на место: еще не время!

Оркестр играл, нагнетая напряжение. И вдруг музыка стихла.

Повисла мучительная тишина. Раздавался только плеск волн.

Все глаза, расширенные любопытством и ужасом, были устремлены на темнокожего колдуна.

Нарцисс не спеша подошел к яме, нагнулся и привязал к ручке гроба конец огнепроводного шнура. После этого он медленно двинулся к столу, по дороге разматывая моток. Тем концом шнура, что был в его руках, он несколько раз обвил свечу, а свечу приклеил липкой лентой к столешнице. Затем полил мочалку жидкостью из бутыли. Бутыль оставил на столе, а с мочалкой направился к яме. Там он вознес мочалку над гробом и шесть раз надавил на нее. Сделал паузу — и снова шесть раз помял мочалку, окропляя гроб последними каплями.

Из темноты в круг яркого света неожиданно ворвалась молодая женщина. Статная, высокая, с грустными глазами и влажно блестящими губами. Явно на грани истерики, она подбежала к яме и сунула в руки Нарцисса меховое пальто.

— Ему будет холодно, — срывающимся голосом крикнула она. — Он не любит мерзнуть!

И унеслась в темноту.

Никто не провожал ее глазами — всё внимание опять сосредоточилось на Нарциссе.

Только Ирвинг, все еще стоящий на сцене, вне освещенного пространства, выкрикнул ее имя. Но микрофон был отключен, и она его не услышала. Ирвинг сбежал по ступенькам со сцены и поспешил за удаляющейся черной фигурой.

Нарцисс, и бровью не поведя, уронил дорогое пальто на песок, и волны принялись лениво лизать его рукав.

Могучий негр постоял над ямой, что-то побормотал на неизвестном языке и направился обратно к столу.

У стола он чиркнул спичкой и зажег свечу. Огонек закачался на ветру, выпрямился — и погас. Толпа огорченно охнула. Один из помощников Ирвинга подбежал и, неловко суетясь под направленными на него телекамерами, составил на столе маленькую ограду из камней — от ветра.

Все напряженно смотрели на колдуна и на стол.

И никто не интересовался Ирвингом, стоявшим коленями на холодном мокром песке, прижав голову к животу неподвижной статной высокой женщины с блестящими губами, которая смотрела мимо него и мимо набегающих волн в дальнюю даль океана. Они застыли во тьме, на расстоянии от всех остальных. Их слитный силуэт был похож на одинокую стену с контрфорсом.

Нарцисс невозмутимо затеплил свечу снова. Пламя подрожало, подрожало — и запылало ровно, перекинулось на бикфордов шнур и пошло гулять по спирали вокруг свечи — вниз, вниз. И вскоре огонек, попыхивая и постреливая, уже бежал в сторону влажной черной ямы.

Книга Иеремии, 18:1–10

Мы сидели после концерта в баре гостиницы. Перевалило за два, бармен откровенно зевал, давая знать, что ему пора домой. Однако нам ложиться не имело никакого смысла — самолет через четыре часа. Нас было шестеро: кроме меня и моего фотографа Эрика, еще три журналиста — Джерри, Тед и Пол, а также издатель по имени Ролло — это он оплатил наше путешествие в Штаты, а сейчас оплачивал нашу выпивку.

Неожиданно из стороны, куда я не смотрела, раздался голос с южной растяжечкой:

— Извините, вы с бэндом?

Я вздрогнула и повернулась. Рядом со мной стояла словно из ниоткуда соткавшаяся девушка.

— А как же, — тут же нашелся Эрик. — У «Наповала» она главная соска. Ни единого зуба и ростом четыре фута, даже на колени становиться не надо. Лучше не придумаешь.

— Да пошел ты, шутник чертов! — беззлобно огрызнулась я. Фотографы народ невоспитанный — дичают за глухой стеной своей фотокамеры. Однако на вопрос «Извините, вы с бэндом?», который рок-журналистам задают по сто раз на дню, действительно трудно ответить что-либо умное и вежливое.

Девушка, худосочная пигалица, не шарахнулась, а продолжала как ни в чем не бывало:

— Я видела, как вы после концерта разговаривали с Рексом.

— Она делает о нем статью для моего журнала «Круто», — гордо пояснил Ролло. — Появится в июньском номере. Рекс на обложке и на центральном развороте.

Девушка его будто и не слышала.

— Вы знаете Дагси? — спросила она, обращаясь исключительно ко мне. Дагси было прозвище Джона Дагсдейла, барабанщика «Наповала».

— Кто же не знает Дагси! — насмешливо закричал Джерри. — Наш гений! Звезда шоу!

— Да и Бог неплохой парень, но он не мнит себя Джоном Дагсдейлом, — добавил свою порцию зубоскальства Эрик.

Девушка удивленно уставилась на него.

Эрик был вынужден разжевать свою шутку:

— Я хочу сказать, что Дагси не страдает от избытка скромности.

— Не страдает он и от избытка умения играть на ударных! — сказала я, и вся наша пьяноватая компания разразилась смехом.

Только девушка не смеялась. Жалкая такая. Волосы длинные,

тусклые. И сама тусклая. Лицо восковое, свитер мешком висит.

Жалобно спрашивает:

— Где я его могу найти?

Тут к нам подошла пара наповальских гастрольных администраторов.

— А, знакомая соска с Юга! — воскликнул один из них, в черной линялой тенниске с названием группы «Эроусмит». — Прибежала за новым глотком спермы?

— Похоже, наши члены кой для кого совершенно неотразимы! — прибавил второй, сам линялый, в безобразных штанах, мотня которых висела у самых колен.

— Ищет вашего барабанщика, — пояснил Эрик.

— Видел его недавно в клетушке за сценой, — сказали Безобразные Штаны. — На бетоне с двумя голыми пташками. Нанюханный, лижет на видеокамеру то одну, то другую.

Что бы ни хотела услышать безгрудая пигалица — это было явно не то, чего ей хотелось бы услышать!

Смешавшись, она быстрым шагом ушла из бара.

Тут мне стало неловко за нашу жестокость. Было у нее что-то от девушек на японских веерах: совершенная святая невинность. Таких так и тянет защитить. Но у рок-журналистов есть неписаный закон — ни ногой из бара, пока не закончилась халявная выпивка. Да и не хотелось показаться перед коллегами мягкотелой.

— Абсолютная шиза, — изрек Эроусмит. И рассказал, что они нашли ее после концерта у оркестровой ямы — во время своего обычного прошвырона в поисках блондинок, желающих потрахаться с членами группы. — Девка говорит: «Хочу видеть *барабанщика*». Ну, я слегка обалдел, но говорю, единственно хохмы ради: «Ладно, ты правила знаешь». Мы думали, раз оно светловолосое, женского пола и дышит — значит должно знать правила. Ничего подобного. Отсосала у нас как миленькая!

Для тех, кто женского пола, однако не в курсе Правил Доступа к Телу Членов Группы, поясняю: это целый грязный бизнес. В двух словах: хочешь получить — дай. К певцу попадешь лишь после того, как тебя оттянет его гастрольный менеджер. Цена гитариста — отсос у двух администраторов. За басиста достаточно обслужить только одного администратора. Ну а если ты хочешь к барабанщику, тебе посоветуют провериться на опухоль мозга, угостят сигареткой и разрешат, убогой, ходить за сценой куда угодно и без всяких ограничений. Как вы правильно угадали, в гастрольной иерархии барабанщики в самом низу. Ниже только светловолосое женского пола, за вычетом девушек из гастрольного персонала, которых не принято трогать без

серьезных намерений.

— Ну, когда мы ее накололи, и лохушка нас обслужила, — продолжал Эроусмит, — я спрашиваю дурочку: на хрена тебе *барабанщик*? И рассказываю: однажды на гастролях Элиса Купера, который возил с собой целый серпентарий, одна гремучая змея выбралась из ящика и укусила барабанщика за хуй. Он орет, выбегает в коридор… А там забубенная групи мечется в поисках, кому бы хоть немного знаменитому отсосать. Барабанщик послал ее к доктору — сам идти уже не может. Доктор ей говорит: «Если ты ему гной не отсосешь — парню каюк». Возвращается она к барабанщику. «Ну, что доктор сказал?» А она ему отвечает…

Пол перебил:

— А она ему отвечает: «Доктор сказал — тебе каюк». Дружок, твой анекдот с бородой до пола!

— С бородой или без, — расхохотался Эроусмит, — но только девица *и не улыбнулась*.«Я хочу за него замуж». И дальше: «Меня Бог направил к нему с посланием». Тут я ей: «И за что же Бог на тебя так прогневался, что хочет выдать тебя за барабанщика?» У Дагси за плечами три брака и три привода за мордобой в собственном доме. Плюс нынешняя подружка подала в суд — якобы бьет и развращает ее малолетку. Непонятно: любит он бить, потому что барабанщик? Или барабанщик, потому что любит бить? И знаете, что она мне отвечает на эту исчерпывающую информацию? — Эроусмит возводит глаза к небу и говорит тонким голоском с южной растяжечкой: — «Не мне оспаривать волю Божью!»

— А! — захохотал Ролло. — Уела тебя!

— Ну-ка, по кругу, пять лучших примеров лжи барабанщиков, — крикнул Пол.

— «Джон Бонхэм всему научился от меня», — сказал Джерри.

— «Я практикуюсь восемь часов в день», — сказал Эрик.

— «Мое фото было на обложке журнала „Современный барабанщик“», — сказал Тед.

— «Меня никогда не выгонят, потому что группа только на мне и держится!» — сказал Ролло.

— «Моя подружка — супермодель», — сказала я.

— «У нее чудесный голос, и студия предложила мне продюсировать ее альбом», — подхватили Безобразные Штаны.

Но сколько бы мы ни изгалялись над барабанщиками, очевидно было одно: они народ балованный, живется им не так уж плохо, и случись у Дагси даже самый лютый дефицит женского пола, он предпочтет вечный онанизм худосочному застенчивому существу с божественной миссией вместо грудей.

Даром что мы так и не ложились в ту ночь, в аэропорт мы умудрились опоздать и были вынуждены садиться на оставшиеся свободные места. Я оказалась зажата между двумя незнакомцами. Впрочем, как выяснилось, один из них был нашим соседом по отелю. Он мне поведал странную историю, которая приключилась с ним только что. Посреди ночи, а именно в два тридцать, раздался стук в дверь его номера. Совершенно сонный, он бездумно открыл дверь. В коридоре стояла незнакомая бледная некрасивая девушка в свитере мешком. Мой сосед был в одних трусах и растерян, она одета и несчастна… Словом, как не пустить… К тому же в ее глазах он увидел *что-то*— очевидно, то же, что и я. Она села на край его кровати — спина прямая, руки на коленях. Сидит и потирает один большой палец о другой. Хозяин номера быстро надел халат. По словам девушки, она только что пережила крайне стрессовую ситуацию, но уже приходит в себя. Зовут ее Джини, и она преподает английский язык иммигрантам. Потом она попросилась в туалет. И опять у него не было ни малейшего повода отказать.

Не выходила она больше часа. В половине пятого утра он, вконец перепуганный, решился постучать в дверь туалета. В его воображении приходила полиция, находила окровавленный труп возле унитаза, затевалось следствие — град вопросов, на которые у него не было абсолютно никаких ответов… По счастью, Господь миловал. На стук дверь открылась, девушка вышла целехонька и со слабой улыбкой успокоила его: «Со мной все в порядке. Спасибо за участие и проявленную доброту. Всего хорошего». С тем и удалилась. Он лег в надежде поспать еще хотя бы часок. Однако бедняга так перенервничал, что уже не заснул. Наконец он поплелся чистить зубы — и случайно обнаружил, что именно она делала в туалете целый час.

Едва начатый рулон туалетной бумаги от начала до конца был исписан красивым мелким почерком и затем опять аккуратно свернут. На первом отрывном листочке стояло: «Послание от Господа». Хозяин номера не поленился просмотреть весь «свиток». То был подробный отчет о ее Прозрении, витиевато аргументированное объяснение, почему Бог выбрал именно ее, и строки из Библии (ему врезалось в память: книга Иеремии, глава 18, стихи с первого по десятый), а также какое-то стихотворение — кажется, знакомый по школе любовный сонет кого-то из елизаветинцев. На последнем листочке он прочитал: «Горничной, комната 2021 отеля „Лексус Инн“, от мисс Джини Джексон. Будьте добры передать это мистеру Дж. Дагсдейлу (зарегистрирован у вас под именем мистер Хью Г. Рекшан)».

— И что вы сделали? — спросила я.

— Оставил рулон на месте. Вы случайно не знаете, кто такой мистер Дагсдейл?

Согласно гастрольному плану, через восемь недель «Наповал» выступал в Лондоне.

И тут я опять увидела загадочную Джини.

Она сидела во втором ряду на стадионе Уэмбли и весь концерт ела Дагси глазами — похоже, ни на секунду не отводила взгляд! Однако когда после концерта я пошла за кулисы поприветствовать знакомых, ее там не было.

Зато, разумеется, были Безобразные Штаны — в одной лапе банка пива, другая лапа тискает попку чего-то светловолосого и женского пола. Однако блондинке его рука на ее заднице, извините за дурацкий каламбур, была до одного места. Девушка пожирала глазами появившегося из гримерной Рекса. Не сказав администратору ни слова, она кинулась к вокалисту.

Безобразные Штаны с печалью уставились на свою осиротелую руку, затем наконец-то заметили меня.

— А, привет! Как поживает четвертая власть? Ни за что ни угадаешь, кого мы тут сподобились встретить! Помнишь несчастную юную леди на концерте в Лонг-Бич? Ту, которая сохла по мистеру Барабанные Палочки?

— Я видела ее в зале. А что, она по-прежнему Господня миссионерка?

— Спрашиваешь!

— И как продвигается дело обращения?

— Ну, сэр Дагси и сегодня не имел возможности побеседовать с нашим плоскогрудым чудом. У него, как на беду, полон рот. — Безобразные Штаны показали на ближайшую гримерную. — Уединился со своей текущей супругой на денек — не поверишь, это сама Эмбер Ли! — Видя мой непонимающий взгляд, он сделал интернациональный жест «груди-арбузы» и пояснил: — Знаменитая стриптизерша. Прошла за кулисы, используя личные связи. Проскочила мимо меня. Досадно. Я бы ее с удовольствие насадил на своего лысого. Ладно, побежал — дела!

Через некоторое время я таки увидела Джини. Издалека. Она сидела у служебного выхода, где ожидали отправки ящики со сценической одеждой и личными вещами членов группы, и беседовала с девушкой, отвечающей за гардероб. Они болтали и смеялись как закадычные подруги. Когда из гримерной гитариста появился Эрик, я показала ему на парочку, которая до того была увлечена разговором, что никого вокруг не замечала.

— А, будущая миссис Дагсдейл! — рассмеялся Эрик, поднял

одну из висящих у него на шее камер и машинально сделал несколько снимков нашей американской знакомой.

Постоянно вращаясь в музыкальном мире, я видела множество абсолютно невменяемых фанатов, которых журналисты из вежливости называют «суперфанатами». Кстати, вопреки распространенному мнению среди них больше парней, чем девушек. Обычно самая крутая дурь роится вокруг вокалиста. Хотя я знала одного молодого мужчину, который утверждал, будто имеет астральную связь со своим кумиром — басистом — и кончает всякий раз, когда басист кончает, где бы тот ни совокуплялся. Этих сумасшедших при определенном опыте узнаешь за милю. Однако Джини нисколько не напоминала их. В ней угадывалась какая-то изысканная тонкость чувств. Впрочем, это была голая интуиция, которая шла вразрез с фактами: сексуально обслужить двух администраторов, лишь бы встретиться со стебанутым барабанщиком, про которого она не знает ничего, и донести до него волю Божью!.. Разве не готовая кандидатка в дурдом? С другой стороны, у нее хватило ума сблизиться с костюмершей — изящный ход, когда хочешь стать своей за кулисами. И совершенно нормальная костюмерша не брезговала дружбой с ней. Словом, эта Джини меня заинтриговала. Я не знала, что о ней думать, к какому разряду отнести.

Через пару дней Эрик с ухмылкой бывалого детектива показал мне отпечатки снимков, сделанных тогда у служебного выхода. На одном Джини, пока костюмерша не смотрит в ее сторону, сует руку в ящик с большими белыми буквами «Дагси». На другом видна ее добыча — черная записная книжка.

В воскресных газетах уже сто лет как не было хорошей истории про сталкера, поэтому я решила написать про Джини.

История могла получиться забойная: молоденькая учительница из пригорода влюбляется в рок-звезду, бросает жениха, бросает учеников, снимает всю наличность в банке и следует за Дагси по миру с концерта на концерт; ночами спит в коридоре отеля у его двери.

Для подобного рода «литературы» даже не нужно брать интервью у главной героини — только скует фантазию!

Но мне самой стало интересно узнать подробности, поэтому я принялась ее разыскивать. Я послала электронное письмо гастрольному менеджеру «Наповала» — группа уже переместилась на континент; тот ответил, что Джини больше не объявлялась. Возможно, она одумалась и вернулась домой, сказал он. Группа тоже возвращается домой — сразу после концертов в Германии.

Я проверила сайты «Наповала» в интернете — среди массы чокнутых фанатов Джини нет. Поэтому, как всякий уважающий себя рок-журналист, при появлении первых трудностей я махнула на сюжет рукой, засосала бутылку пива и перешла к работе над другой темой.

В конце концов *она* нашла *меня.*

Девять месяцев спустя — как раз в день, когда газеты сообщили, что Дагси и его «подруга-танцовщица Эмбер» планируют скоро пожениться на Гавайях, — на моем автоответчике я услышала знакомую растяжечку, характерную для американских южан: «Привет, меня зовут Энджи Карсон. Мы с вами не знакомы, но Джон Дагсдейл из „Наповала“ дал мне ваш телефон. Мне надо обсудить с вами кое-что очень важное. Попробую дозвониться до вас позже». И она дозвонилась. Я договорилась встретиться с «Энджи» в Сохо, в кафе.

Джини выглядела иначе: то ли высветила волосы, то ли сделала другую прическу, но теперь ее глаза, лучшее на лице, казались выразительней. Правда, она была по-прежнему в скучных леггинсах и в дебильном свитере мешком, однако в серый лондонский день в дешевом кафе ее наряд не так шибал в глаза, как в рок-закулисье, где все тела выставлены напоказ и обтянуты как чулком чем-нибудь ярким и пестрым. Как бы то ни было, ее невинный вид испарился — хотя она выглядела всё такой же отчаянно молоденькой, от силы двадцать пять, а американские двадцать пять — это всё равно что шестнадцать в Лондоне. Увидев меня, Джини заметно смешалась: видать, звоня мне, она и понятия не имела, что я та самая журналистка, с которой она общалась в Лонг-Бич. Очевидно, держала меня за очередную потаскушку из бесконечного списка подружек Дагси.

Когда я взяла у стойки чашку кофе и села, Джини выдавила: «Спасибо, что пришли», — и намертво замолчала. Пила кофе, потупив глаза в стол. Я тоже молчала. Держать паузу до предела возможного — испытанный журналистский прием. Человек начинает сам «колоться», лишь бы уйти от неловкого молчания. Как ни странно, с Джини этот номер не прошел. Поэтому, чтобы выйти из тупика, я спросила, зачем она мне позвонила.

— Сложно объяснить, — протянула она.

— Мой телефон у вас определенно не от Дагси, — заявила я. — И, даю голову на отсечение, вы с ним так ни разу и не встретились!

Джини побледнела.

— Я догадываюсь, что вы просто украли его записную книжку. Так?

И тут ее наконец прорвало. Она исповедовалась мне с жаром

— счастливая, что может наконец снять камень с души, покаяться в своем грехе. Она пустилась в обстоятельные объяснения — с повторами для лучшего усвоения материала, что было, наверное, данью ее учительской натуре. Вкратце всё сводилось к тому, что раз Бог поручил ей важную миссию, Он не должен сердиться, если она для пользы дела нарушит заповедь «не укради». Возможно, Он даже благословил ее на нарушение этой заповеди. Я игриво осведомилась, какие еще заповеди она готова нарушить «для пользы дела»? Джини только печально улыбнулась и покачала головой.

Затем она вынула трофейную записную книжку и сообщила, что успела побеседовать с доброй третью «номеров» — в основном по телефону. С одной стороны, у нее не было финансовой возможности летать из города в город и из страны в страну. С другой стороны, мало кто желал встретиться с ней лично. Я спросила, чего она добивалась от всех этих людей? Она ответила: хотела узнать, в каких они отношениях с Дагси… или нет, не так, она хотела узнать побольше *о нем:* что любит, чего не любит, о чем они беседовали, каковы его привычки, что он думает о жизни, как живет. Словом, она хотела знать о нем *всё*.

Большинство тех, с кем она беседовала, составляли его мимолетные подружки. Возле некоторых из имен часто стояли географические пометки, даты или дни недели и какие-то значки — возможно, информация о сексуальных предпочтениях или достоинствах. Джини звонила по всем номерам подряд и представлялась ассистенткой группы «Наповал», которая отвечает за подготовку вечеринки-сюрприза для Дагси — «вас мы, разумеется, тоже пригласим». В связи с вечеринкой ей поручено разведать побольше о его вкусах и привычках, чтобы вместо банальных позолоченных барабанных палочек или тарелок подарить ему нечто, о чем он втайне мечтает и что ему действительно понравится. Большинство покупалось на это нехитрое вранье. Иногда Джини варьировала «легенду»: мол, она пишет официальную биографию группы «Наповал», и Дагси лично поручил ей взять интервью у такой-то подружки, дабы уточнить некоторые детали их взаимоотношений.

А родителям Дагси она представилась по телефону его невестой Эмбер. Хотя они видели в газетах фотографии стриптизерши в компании своего сына, с ней лично знакомы не были и голоса ее не знали. Она так искусно задурила им головы и так очаровала, что и мать Дагси, и его отец беседовали с ней не раз и подолгу. От них она узнала массу подробностей о нем — вплоть до того, чем он переболел в нежном возрасте и какие у него проблемы со здоровьем сейчас.

Родители прислали ей несколько семейных фотографий с маленьким Дагси. Вооруженная этими фотографиями Джини без труда выдавала себя за его сестру. У нее был такой простодушный вид — ну как не поверить! Я сама когда-то мало-мало не поверила, что она невинный беспомощный птенчик! Джини умудрилась втереться в доверие даже к Стефани — той бывшей подружке Дагси, которая обвиняла его в развращении ее малолетней дочери. Джини пришла к ней в дом со спрятанным диктофоном — в надежде, что Стефани в непринужденном разговоре признается в ложности обвинений. Пленку Джини отнесет в полицию, и Дагси будет избавлен от неприятного судебного процесса. Однако экс-подружка нарассказывала ей о Дагси такого, что Джини бросилась на нее с кулаками. Началась драка. Соседи вызвали полицию. Джини оказалась в участке.

— Самое ужасное — они не позволили мне иметь при себе его фотографию!

Она вынула из сумочки вырезанный из газеты обтрепанный снимок — я и сама девчонкой таскала в портмоне такие вырезки с рок-звездами и тайком целовала их. Но сидящей передо мной женщине было, черт возьми, не меньше двадцати пяти лет! На фотографии красовался Дагси — татуированный сверху донизу глист в бейсболке, из дыры в которой торчит его тощенький конский хвост.

Приключение с полицией закончилось благополучно: Стефани, добрая душа, уже на следующий день отозвала жалобу. Пощадила она и Дагси — процесс так и не начался. После того, как ее выпустили из участка, Джини ночью написала на стене дома Стефани: «Только Господь имеет право суда!»

Я слушала ее и никак не могла понять: почему именно Дагси?

Если уж съезжать с катушек, разве нельзя было выбрать предметом своего помешательства кого-нибудь знаменитей и привлекательней?

Похоже, нормальные люди всегда исходят из безумной мысли, будто сумасшедший может что-то выбирать!

Я чуть ли не час пытала Джини на эту тему: почему именно Дагси? Но так и не добилась от нее удовлетворительного ответа.

— Хочешь его спасти?

— Нет, спасти может только Господь.

— Он тебя привлекает как мужчина?

— О нет!

У Джини, по ее словам, был жених — замечательный порядочный парень и настоящий красавец. В сравнении с ним Дагси ничто. И музыка была ни при чем: Джини терпеть не могла металлический рок и на концерт в Лонг-Бич попала случайно —

подруга затянула. Поначалу она одурела от грохота, который, по ее мнению, и музыкой не назовешь. Но стояла она недалеко от сцены и — возможно, окрещенная каплями пота, которые летели с татуированных рук Дагси, когда он молотил по тарелкам, — вдруг поняла: Бог действительно есть, и Он в ней, и она должна подчиниться воле Его. Говоря это, Джини мечтательно смотрела мимо меня, словно любуясь в глубине кафе видением того небесного края, где они с Дагси будут сидеть на платформе-облаке для ударных — прямо у ног Всемогущего.

«Нелепая заблудшая остолопка!» — подумалось мне.

Потом я распрощалась с ней и пожелала удачи, а про себя решила немедленно отправить менеджеру «Наповала» электронное письмо с предупреждением об опасной упрямой психопатке.

Однако, стыдно признаться, как-то закрутилась и забыла о своем добром намерении.

Про Джини я вспомнила только через пару месяцев, когда гаитянскими фотографиями одинокого Дагси во фраке и бейсболке пестрели все таблоиды. Вид у него был ошарашенный — невеста не явилась на свадьбу. Я посмеялась вместе со всеми: знать, стриптизерша вовремя опомнилась!

Однако на следующий день у меня кровь в жилах застыла от заголовков на первых полосах.

Тело Эмбер нашли в номере дешевого отеля в Гонолулу.

По словам его хозяина, номер был снят на двоих на две недели и оплачен наличными вперед. Он уже забыл даже пол того, кто оплачивал номер. Зато его жена точно помнила — судя по голосу, это была молодая женщина. Она ее не видела — общались по телефону. Женщина просила ни в коем случае не беспокоить их с подругой — ни слуг, ни горничную не присылать. Ее подруга, мол, приходит в себя после недавнего нервного потрясения. Из чего жена хозяина отеля сделала свой вывод: лесбиянки. Ну и плевать.

Версия самоубийства отпадала сама собой: *с трупа была снята вся кожа.* Милая картинка предстала полиции!

Мне было нетрудно представить, что Джини планировала «вскользнуть» в Эмбер, прийти под видом невесты на свадьбу и, сказав священнику «да», вдруг выпрыгнуть из чужой кожи и явить свое настоящее обличье — так достают следующую фигурку из русской матрешки…

Я истерично зашарила в бумагах на своем письменном столе и на полу, ища листочек, на котором я записала номер Джининого телефона. Нашла! Набрала! И удивилась тому, как дрожит рука. Я понятия не имела, что я ей скажу, если она

снимет трубку. Однако механический голос доложил мне, что набранный номер никому не принадлежит. Я не поленилась обзвонить несколько телефонных служб — ни одной Джини Джексон или Энджи Карсон не нашлось ни в Лонг-Бич, ни в Лос-Анджелесе, ни в дюжине других городов США, которые я проверила наудачу. Я набрала номер Эрика и попала на автоответчик. Я — звонить в редакцию. Там ответили вопросом на вопрос: ты уже слышала, что Дагси взяли под стражу как главного подозреваемого?

В таком повороте не было ничего неожиданного: он был знаменит зверским обращением с женщинами…

Через пару летя снова оказалась в Лонг-Бич — писала большую статью о группе «Мокрый сон».

Тот же стадион, только другие гастрольные администраторы обувают дурочек-фанаток. За кулисами обычный бедлам. Накурено. Музыканты в сплошных татуировках как в спецодежде. Снуют журналисты и фотографы. Все всех знают. Моря лести и океаны матерных слов. Если по совести, рок-закулисье — нуднейшее на свете место. Одно утешение — там всегда найдется бутылка ледяного пива.

Взяв бутылку пива, я прошла к служебному выходу, где тише и воздух чище. Я присела на ящик у платформы для грузовиков. Через минуту меня согнал с него грузчик гастрольной бригады.

— Костюмерка! — заорал он куда-то внутрь. — Почему только один ящик готов? Где остальные?

Потом обратился ко мне:

— Случайно не знаешь, как зовут нашу новую костюмершу?

Я пожала плечами.

— Так часто меняются, что фиг запомнишь, — посетовал грузчик. — Только привыкнешь к новому имени — глядишь, забрюхатела и уволилась.

Возле нас тормознул гастрольный менеджер.

— Привет! — сказал он мне. — Чтоб ты больше не скулила, что узнаешь все новости последней, вот тебе свежатинка…

Он протянул мне бумажку с только что полученным факсом.

Джон Дагсдейл давал согласие быть барабанщиком «Мокрого сна».

— Ну и ну! — воскликнула я. — Дагси переходит к вам? Его что, уже выпустили из тюрьмы?

Последнее, что я слышала о Дагси — отсиживает шесть месяцев за грубое обращение с ребенком. Стефани опять передумала и таки дожала один из своих судебных исков. Однако в деле об убийстве Эмбер Дагси был довольно скоро очищен от

всех подозрений. Убийца неизвестен и по сию пору.

— Выпустили бузотера, выпустили, — кивнул менеджер. — Мы его несколько недель уламывали перейти к нам! То согласится, то откажется…

Грузчик обратился к менеджеру:

— Подскажите мне, пожалуйста, имя новой костюмерши.

Тот сердито огрызнулся:

— Сто раз тебе повторил. Пора запомнить: Джини!

И в этот момент из глубины коридора донесся женский голос с южной растяжечкой:

— Костюмерка готова! Забирайте ящики!

Публика не слушает

— Ты меня не слушаешь!

Нет, она слушала. Просто ей до лампочки, что он там несет. У нее своих проблем хватает.

Она возлежала на неоглядной кровати — неподвижно, на спине, руки благостно под грудью, глаза закрыты. Хорошенькое скульптурное надгробие.

Адам сидел на краю супружеского ложа и курил. Приоткрытая занавеска пускала в комнату луч предвечернего солнца, который упирался в гитару у стены. Было что-то изнурительно детское в том, как Адам поглощен исключительно самим собой. В ней не было ни грана материнского чувства, чтобы соответствовать.

Она заранее знала, о чем он будет зудеть.

Муравьи.

И, действительно, он сказал между затяжками:

— Нужно что-то делать с этими чертовыми муравьями.

Она открыла глаза. Адама не было там, где она предполагала его увидеть. Только облако дыма. Но вот он распрямился и наполнил собой облако дыма. На сцене он выглядел выше и крупнее. Да и дома, похоже, когда-то был выше и крупнее. Просто в ее глазах он как-то усыхал. Было бы удобно однажды сунуть его в карман и больше не вынимать.

— Они облепили моих змей! Змеи кишат ими от головы до кончика хвоста. Они лезут змеям в рот. Кошмар и мерзость! Свинство и безобразие! Я глазам своим не поверил! А ведь умолял тебя вызвать ребят из дезинфекции!

— Они были. Но ты же мне строго-настрого запретил обрызгивать змей и вокруг них. И вот результат. Недобитки опять расплодились.

У нее был всего лишь утомленный голос. Даже злиться ей было лень.

Зазвонил телефон. Герри перекатилась на живот, взяла трубку, вытащила антенну и сказала все тем же затомленным голосом:

— Ага. Нет, он занят. Давит муравьев… Ты не ослышался. *Давит муравьев.*В серпентарии. Собственными драгоценными пальчиками. Поодиночке и группами… А мне почем знать, как долго это продлится? Муравьев до… и больше. Тысячи и тысячи. Он может там часами мудохаться…

Из ванной комнаты донеслись звуки бегущей воды.

— Погоди… А-а-адам! Это Коз. Подойди к телефону.

Коз был менеджером группы «Наповал».

— Не отвечает… Ладно, передам.

Она отбросила трубку, опять перевернулась на спину, но глаза не закрыла. Бездумно смотрела на луч света, упертый в гитару, и рассеянно поглаживала свой архиплоский живот.

До брака с Адамом, как почти все рок-н-ролльные жены, Герри была моделью. На лос-анджелите это слово обозначает «женщина, которая за деньги раздевается где угодно». Восходя на очередную ступень успеха, Адам — как почти все рок-н-ролльные мужья — вносил улучшающие поправки в свою супругу. Жир из ее длиннющих ног был высосан. Губы наколлагенены. Нос подрезан. Еще раз подрезан. Затем сужен. Волосы подвергались заботам все более и более дорогих парикмахеров. То белели, то рыжели, то имели пряди разного цвета, то угущались и удлинялись чужими. Груди, естественно, мало-помалу достигли стандартного для всех рок-н-ролльных жен размера — 38 дубль-F. Этот досадный предел положен глупой силой тяжести. Если поставить рок-н-ролльных жен в один ровный-ровный ряд, они будут как отражение одной в тысяче зеркал.

Зазвонил телефон.

— Ага.

Опять Коз.

— Мне тут подумалось, что все-таки стоит сказать… Послушай человека, который тебе добра желает. Держись подальше от Рекса. Ты меня слышишь?

У нее внутри все похолодело. Герри резко села на кровати, косясь на дверь с таким ужасом, словно Адам стоял там и мог следить за разговором.

— Я… о чем ты говоришь?

— Найди себе другого ёбаря. О большем не прошу. Не мое дело. Можешь смеха ради попробовать своего мужа. Не забудь, кстати, передать ему, что я звонил. Это очень важно и очень срочно.

Коз повесил трубку.

Герри всю трясло. Руку словно парализовало. Она слушала, как короткие гудки в трубке перемежаются ударами крови в ее собственных ушах.

— Нет, я просто зверею! — причитал Адам, возвращаясь в спальню в мокрых черных трусах и с сотовым в руке. — Хоуви не приезжал, и я не могу до него дозвониться!

Змеевед Хоуви, иммигрант из Великобритании, обслуживал многочисленных рок-звезд, имевших дома модные серпентарии. Он появлялся раз в неделю — чистил клетки и кормил удавов и змей. В кузове его пикапчика был шумный запас живых кроликов

и мышей.

— Он обязательно позвонит, — сказала Герри успокаивающим голосом. Чувство вины провоцировало некоторую заботливость.

— Ни один из его телефонов — ни домашний, ни сотовый, ни в машине, — ни один не отвечает вообще! — не унимался Адам. — А пейджер отключен за неуплату. Рехнуться можно! В каком месте у этого парня мозги?

Но тут сотовый в руке Адама зазвонил.

— Привет, дружище, это Джосс, — услышала Герри, потому что Адам стоял близко, а бас-гитаристы имеют привычку говорить предельно громко, словно в жизни пытаются получить то внимание, которое им недодают на сцене. — Можно я заеду?

— Извини, Джосс, не вовремя.

— Дружище, это адски важно, — настаивал Джосс, и Герри уловила в его голосе панические нотки. — Я уже у ворот твоего дома.

Герри нарочито закатила глаза. Только Джосса тут не хватало! Хотя в глубине души она была довольна — подвернулся официальный повод дуться на Адама.

Она встала, натянула вчерашнюю тенниску и пошла вниз. Взяла из холодильника кекс и пакет сока, включила телевизор с исполинским экраном и села на диван.

Джосс постучат в дверь. Герри продолжала перебирать каналы.

Джосс забарабанил в дверь.

— Да открой же ты! — заорал сверху Адам.

Не отрывая взгляд от телевизора и с кексом в руке, она допятилась до двери, щелкнула замком и молча пошла обратно к дивану. Гость сам открыл дверь.

— Спасибо за интерес, — сказал он угрюмой Герриной спине. — А как поживаешь ты?

Но его сарказм пал на глухие уши.

На лестнице появился Адам — в шортах и незастегнутой сорочке.

Друзья обнялись. Адам незаметно показал глазами на нахохленную жену перед телевизором. Джосс понимающе улыбнулся.

— Дорогая, тебя не затруднит сделать нам кофе?

Герри никак не отреагировала.

— Ясно, — вздохнул Адам. — Затруднит… Ладно, пошли в мою студию.

По пути он прихватил две бутылки пива из холодильника.

— Ты уж это… извини, что я некстати, — сказал Джосс, когда

хозяйка дома уже не могла их слышать.

— А, мелочи семейной жизни, не бери в голову, — отозвался Адам, садясь у компьютера и машинально трогая «мышь», чтобы убрать хранитель экрана. — Я собирался поработать над новыми песнями — ты очень сгодишься… Как раз сегодня утром я думал с тоской о временах, когда у нас был ветер в кармане и мы жили кучей в одной квартирке. Славные были денечки, да? Когда возвращаешься с гастролей, всегда такая петрушка. Не можешь сразу попасть в прежнюю колею. Звонишь из собственного дома и набираешь девятку, чтобы выйти в город. Просыпаешься утром и поворачиваешься узнать, кого ты сегодня ночью отжарил, а это — тьфу! — твоя жена.

Оба рассмеялись. Затем наступило неловкое молчание.

— Так с чем ты приехал? — спросил Адам. — Что-то важное?

Джосс поиграл желваками, потер намозоленным пальцем этикетку пивной бутылки и наконец выдал:

— Рекс и Диана опять сходятся.

— Ба! — воскликнул Адам. — Вот это новость. После того, что Рекс с ней учудил? Ну, парень умеет умаслить женщину. Если б она не поленилась, он бы на десять лет в тюрьму загремел! А теперь, гляди, возвращается!.. Есть в мире везунчики, которым всё с рук сходит. Что ж, замечательное известие.

— Ни хрена не замечательное, — мрачно сказал Джосс. — Она возвращается с одним условием. Что он уходит из группы.

— О нет! Он ее, конечно, послал куда подальше?

— Не послал.

Теперь оба в гробовом молчании пялились в пол. Адам с самого утра предчувствовал недоброе, но думать не думал, что удар будет такой силы. Теперь он не знал, что делать, что говорить. Всё кончено. Разом.

Герри пришла с двумя чашками кофе. Она переоделась для города и с каменным лицом доложила:

— Говорила с дезинфекторами. Завтра приедут — если уберешь всех змей. Надо их эвакуировать к ветеринару. Янаклеила номер на холодильник. Позвони и договорись точно. Кстати, тебя добивался Коз. Якобы очень срочно и очень важно. А я с Кэти в фитнес-клуб.

Кэти — бывшая подружка Джосса. Теперь Джосс благодарил Господа, что не женился. Рок-музыканты вольны трахаться направо и налево, однако обязаны давать обет безбрачия: от жен вся мерзость, они — главные развальщики сплоченных групп.

После ухода Герри перешли от пива к более крепким напиткам. Выпили, потом еще выпили. Потом Адам дал волю

чувствам.

— На кой ему уходить? Всё равно лучше нас никого не найдет. Мы ведь никогда не были просто группой. Мы были больше, чем играющие вместе музыканты! Мы были — во! — Он сжал кулак.

Джосс согласно кивал.

Выпили уже столько, что скорбь по себе сменилась оголтелой сентиментальностью.

Разве мы не были братья по крови?

Разве мы не были пять пальцев одной руки?

Все за одного, один за всех — в горе и в радости, пока смерть не разлучит нас.

Они уже звонили Козу. Тот лишь подтвердил страшное: всё кончено. И вдобавок совсем убил: именно он будет грядущим менеджером Рекса. Разумеется, он постарается закончить все текущие дела и помогать им по возможности и впредь… короче, им самое время подумать о новом менеджере.

Джосс, не окончательно пьяный, стал грозить судебной удавкой — контракт есть контракт. И вообще они могут сохранить группу, только взять другого певца.

На это Коз ответил: забудьте про суд и забудьте о продолжении под тем же именем. Команда Рексовых адвокатов уже просчитала все варианты, со всех сторон подстраховалась, и теперь только их клиент имеет эксклюзивное право на имя «Наповал». Отныне «Наповал» — это Рекс. А Рекс — это «Наповал». Как он захочет, так и будет!

Адам отставил стакан, встал и решительно заявил:

— Я должен встретиться с Рексом. Поговорим как мужчина с мужчиной.

Джосс тоже вскочил.

— И я пойду!.. Жаль вот только надрался — не могу за руль.

— Да я тоже… А мы вот что — позовем Дагси.

Только сейчас он вспомнил, что у них есть еще и барабанщик.

— Дагси в Англии, — сказал Джосс. — Записывает диск с «Мокрым сном».

— А, черт, ты прав… Тогда я позвоню Герри. Она нас подкинет.

Он набрал номер сотового телефона жены, но попал на автоответчик.

А Герри тем временем звонила из раздевалки спортзала Рексу.

— Я к тебе сейчас заеду, — сказала она.

— Не самая лучшая идея, — ответил он.

— Почему? Из-за Дианы?

— Нет, — невозмутимо отозвался Рекс.

— Я знаю, ты к ней возвращаешься! — В ее голосе звучал злой триумф всеведения.

— Она мне как-никак законная жена, — спокойно парировал Рекс.

— А я тебе кто — шлюха подзаборная?

Она это выкрикнула, поэтому несколько женщин повернулись в ее сторону.

— Нет, — сказал Рекс по-прежнему хладнокровно, — ты жена моего нынешнего гитариста и горячая штучка в постели.

— Диана дома?

— Кажется, у своего психиатра.

— Тогда я приеду. Буду через десять минут. Ты меня любишь?

— Нет. — После паузы, что-то прикинув в уме, он добавил: — Но сейчас ты мне нужна…

Он недосказал, зачем именно она ему сейчас нужна. Потому что от законченной фразы Герри полезла бы на стену.

Не понравилась бы ей и правда о том, почему он вообще с ней сошелся.

Он решил переспать с женой друга после того концерта в лос-анджелесском «Форуме», когда Адам, по своему капризу, ни с кем не советуясь и никого не предупреждая, решил «искупаться в толпе». Просто в конце очередной песни положил гитару на пол, разбежался и прыгнул с высокой сцены, как с трамплина, на вытянутые вверх руки публики.

Зал довольно взревел.

Адама подхватили и пошли передавать по залу. Со сцены было видно, как он плывет, словно по ровной глади, по-над толпой то в одну сторону, то в другую, то в третью — постепенно дрейфуя всё глубже в зал. Поскольку публика явно не спешила возвращать его на сцену, пришлось подключить охрану и не без свалки отбить гитариста назад. Оказавшись на сцене — в изорванной до лохмотьев рубахе и без трети волос, — он отвесил залу глубокий поклон, улыбаясь от уха до уха. Форум содрогался от радостного ора фанатов. Адам стал единственным героем вечера. Рекс пришел в бешенство и тут же решил поквитаться.

Диану он уже поставил на место — доказал, что он всем самцам самец.

Настал черед проучить Адама. Показать, кто из них главный.

Что касается Дианы, то она уже давно стала как-то незаметно отбиваться от рук — бегала на уроки кикбоксинга, повадилась ходить в вечернюю школу для взрослых и жаловалась, что устала

ничего не делать — только бессмысленно потеть в гимнастическом зале да каждые два дня таскаться к парикмахеру. И почти всегда одна — он то в студии, то на гастролях. Поэтому она хочет пойти работать.

Рекс объяснил ей медленно и внятно, как ребенку или умственно отсталой, *сколькоу* него денег.

Она только горько рассмеялась.

— Безумная штука жизнь. Я вбухала массу времени и денег в то, чтобы выглядеть конфеткой и выйти замуж за очень богатого человека, который обеспечит мне возможность иметь еще больше времени и денег, чтобы выглядеть еще более конфеткой… ну и что? А как насчет немножечко счастья?

Но потом она забеременела, и всё враз изменилось. Он приказал ей перебраться в Арканзас и до родов жить там под опекой его матери: ему предстоит мотаться по гастролям, а Лос-Анджелес слишком опасное место для будущей матери, когда муж далеко. С кикбоксингом нужно немедленно завязать. Не хватало, чтоб ребенок родился со вмятинами на черепе!.. Диана послала его куда подальше. Для начала он отхлестал ее по щекам и хотел бить дальше, до полусмерти, но испугался угробить ребенка. Она убежала из дома и не возвращалась два дня. Потом экономка позвонила ему в студию и доложила: пришла. Он рванул домой и застал ее за упаковкой чемоданов.

— Ну-ка вываливай вещи обратно! — заорал он.

— Размечтался, неандерталец!

Рекс сам вывернул содержимое чемоданов — прямо на пол.

— Я тебе сказал — с моим ребенком ты отсюда ни шагу!

— А он не твой, — сказала она спокойно.

Мир рухнул.

В итоге ему все-таки пришлось прибегнуть к кулакам. И он выбил из нее правду.

Она изменяла ему с тренером по кикбоксингу.

Конечно, было бы разумней взять себя в руки и вызвать «скорую помощь». Вместо этого он запер Диану, истекающую кровью, на четыре дня в ванной комнате. Но разве не было даже это слишком малым наказанием за ту боль, которую она ему причинила? Он был вне себя от скорби. Потом, когда она через несколько недель вышла из больницы — к сожалению, потеряв ребенка, — и имела достаточно сил для разговора со следователем, разве она рассказала ему, что Рекс все четыре дня и четыре ночи рыдал по другую сторону двери? Нет, она талдычила только о своих страданиях…

Рекс оттянул Герри зло и торопливо. Она не кончила. Только-только она уехала, как появился лимузин с пьяными в дымину

Адамом и Джоссом. Рекс ждал Адама. Знал, что тот не утерпит, явится выяснять отношения. Жать, что он разминулся с женой. Не выгорело. Надо было ее еще задержать.

* * *

На следующее утро Адам проснулся с чудовищной головной болью. Поначалу он даже не мог ходить — ноги подламывались. Герри похрапывала на кровати. От нее разило спермой. Он пытался мучительно припомнить, что происходило ночью. Похоже, он все-таки трахнул ее. В памяти осталось, что ехал он домой от Рекса с желанием накинуться на жену и не слезать с нее до утра — так хотелось хоть что-то в своей жизни вернуть под свой контроль. Но что было потом? Перед глазами стояла одуряющая картинка: муравьи у Герри на лобке, муравьи ползут из ее влагалища, разбредаются по бедрам… Адам затряс головой, и сразу повело — едва не стошнило. Он кое-как, по стеночке, сошел вниз и взял из холодильника бутылку холодного пива. Хлебнул. Немного полегчало. На холодильнике была записка: номер телефона службы дезинфекции. Черт, забыл позвонить!

С бутылкой пива в руке он поплелся обратно наверх — в серпентарий. Змеи лежали неподвижными клубками. Муравьи были везде.

Адам перемыл своих любимиц под душем — одну за другой. Потом в кухне на первом этаже поставил на огонь полный чайник, а сам с мешком сахара совершил очередное путешествие наверх и на полу серпентария соорудил широкую белую кучу.

— Давайте, паскудники, сползайтесь на сладенькое!

Он вернулся на кухню — ждать, когда вода закипит. Поискал кастрюлю — поставить еще воды, однако ни одной не нашел. Если в доме и были кастрюли, то они пылились где-нибудь в кладовке. Впрочем, чего он, собственно, ожидал? Герри готовить не умеет и не желает. С тех пор, как они купили этот дом, они ни разу здесь не ели. А когда он на гастролях, Герри, надо думать, точно так же питается по ресторанам.

В конце концов он налил воды в два кофейных аппарата и щелкнул выключателями.

Тем временем чайник засвистел. Адам снял его с огня и в который раз медленно побрел наверх. Каждый шаг отзывался землетрясением в голове.

Горка сахара была черна от муравьев. Они копошились в несколько слоев.

— Попались! — прорычал Адам и стал лить на них кипяток.

Одни муравьи подыхали сразу, другие успевали покорчиться. Вскоре не осталось ни одного живого, только трупики плавали в дымящихся лужах.

Испытывая чувство облегчения и глубокого удовлетворения, Адам пошел за новой порцией кипятка, но когда вернулся, свежих кандидатов на казнь не оказалось. Пусто — как на стадионе после концерта, когда толпы разошлись по домам.

Однако на этот раз возникло щемящее чувство, будто он чего-то важного не сделал, что-то упустил.

Обычно все дела утрясались сами собой: были специальные люди, которым платили за то, чтобы он не загружал себя размышлениями, чтобы жизнь катила гладко и чтобы ему оставалось только соглашаться со сделанным. *Были.*Но что будет *теперь?*

Герри по-прежнему спала. Адам раздвинул занавеску, чтобы яркий свет разбудил ее. Затем, голый, лег рядом.

— Что? — спросила она сонным голосом. В ее смятом подушкой лице было что-то детское, трогательное.

Однако он не испытывал никакого желания. Вялый член как-то жалостно скрючило в сторону. Он прикрыл его рукой, словно защищая птенца с подбитым крылом.

— Я всё уладил, — сообщил Адам. Лицо у него было — такое, словно он вот-вот разрыдается. На полсекундочки Герри стало его жалко. Во вторую половину секунды она раздраженно спросила:

— Уладил — что?

— С муравьями, — сказал он.

«Вот балда, — зло подумала она, — будто у него других хлопот нет!»

А от искусственного пруда к дому двигалась новая вереница муравьев — длинная, как многоточие, отраженное в тысяче зеркал…

Автограф

Член Спайка был словно в огне. Его жгло и ритмично дергало. Спайк не мог сообразить, где он и что происходит. Перед глазами всё плыло. Он видел только какие-то темные массы в плохо освещенном помещении. Судя по степени ободранности члена, Спайк кого-то крепко оттянул.

Знать бы — кого именно!

Мало-помалу из хаоса темных масс он выделил одну, похожую на человека. Однако сколько он ни силился, он не мог разделить эту массу на голову, плечи и так далее. Просто догадывался, что в узком верхнем конце должно быть лицо, но где оно начинается, где кончается?

Спайк попытался встать. Что-то не пускало его руки и ноги. Боже, неужели парализовало?.. Впрочем, нет. Руки немного шевелятся. Ноги тоже. Он чуть приподнял голову и повертел ею из стороны в сторону. Он лежал, совершенно голый, на столе. Его конечности были привязаны чем-то к чему-то. Спайк не успел решить, плохо это или хорошо. Потому что в вену на его руке вошла игла. И сразу стало на всё окончательно наплевать. Через какое-то время вторая игла вошла в его член. Этого, разумеется, он вообще не почувствовал. Зато член вдруг мгновенно ожил, быстро наполняясь кровью и поднимаясь всё выше и выше…

* * *

«У меня даже автографа его нет!» — неожиданно подумалось Минерве Смоллвуд во время обхода гериатрического отделения. Поправляя подушки и вынося судна, она продолжала вертеть в голове невеселые мысли. У нее вообще ничего от него нет. За всё то время, что они были знакомы, она его ни разу ни о чем не попросила. А сам он ничего ей не дарил. Если что и давал, то только поводы для ревности и ярости. Она уже давно сообразила, что Спайк так долго не посылал ее куда подальше окончательно по одной элементарной причине: как медсестра она имела более или менее простой доступ к наркотикам. Вторая причина, почему он ее не бросал, — она сама его не отпускала. Тут Минерва невольно улыбнулась. Так или иначе, ока долгое время была его музой. Другие приходили и уходили, а она оставалась.

За вычетом совсем безнадежных, которые смотрели в пустоту пустыми глазами, старики на кроватях замечали ее улыбку и улыбались в ответ. Правда, некоторые вполне нормальные

пациенты решительно игнорировали ее и даже не отвечали на вопросы. Минерва давно заметила, что многие престарелые люди хитро пользуются своей глухотой: слышат только то, что их интересует, а остальное пропускают мимо ушей, живя в своем особом, изолированном мирке. Впрочем, разве не то же самое делают рок-звезды, имитируя преждевременный маразм? Хотя Спайк был таким всегда. И до того, как стал суперзвездой. Она знала его в начале карьеры, когда он еще откликался на имя Майк.

То, что ей ничего от Спайка не нужно и она никак не «доит» их отношения, было предметом ее тайной гордости. Друзья, прочитав в газете откровения очередной молоденькой любовницы Спайка, снова и снова повторяли Минерве: «Не будь дурой! Тебе есть что рассказать о нем. Зашибешь хорошие деньги. Можешь даже целую книгу написать — пусть все знают, что это за фрукт на самом деле!» В ответ она посмеивалась: мол, что было, то было и быльем поросло, нечего прошлое ворошить. Напиши она такую книгу, журналисты приставали бы к ней с одним и тем же вопросом: после стольких лет любит ли она Спайка по-прежнему или ненавидит его? Ее ответ их бы наверняка шокировал. Ее ответ звучал бы так: да я про него и не думаю. Это был бы почти искренний ответ. Она про него никогда не думала — почти никогда.

Минерва уже не помнила, когда конкретно он *частично*вернулся и вдруг стал героем ее мастурбативных фантазий. Это случилось в одну из бессонных ночей, когда она много-много часов ворочалась с боку на бок и сто раз перевернула горячую с обеих сторон подушку. После череды ночных дежурств ее биоритм нарушился окончательно, и она с ужасом думала, что вот скоро рассвет, снова загремят машины на улице, придут ремонтники с отбойными молотками, гречанка этажом ниже будет орать на своих детей, собирая их в школу… И рассвет наступал, гремели машины на улице, приходили ремонтники с отбойными молотками, и гречанка орала на своих детей. Однажды под окном остановилась машина, из которой неслась песня Спайка. И Спайк вдруг собственной персоной материализовался на потолке ее комнаты — словно на экране. Ее рука сама скользнула по животу вниз. И через минуту она уже спала как убитая. С тех пор Минерва просмотрела столько «фильмов» с участием Спайка, что могла каталогизировать их по типу сюжета. Ее воображение работало мощно и разнообразно, однако в этих фильмах не было ничего дикого, выходящего за пределы более или менее нормального. Что ж, она столько сделала для него, что наступил его черед хоть таким образом

отблагодарить ее.

Возьми гипотетические журналисты ее за горло после выхода гипотетической книги, она бы могла, положа руку на сердце, поклясться, что у нее и в мыслях не было снова встретиться с реальным Спайком. Того, что был на потолке, ей вполне хватало. И когда мать Спайка умерла, Минерва послала его отцу открытку с соболезнованиями без всякой задней мысли. Просто она любила родителей Спайка, и они любили ее. Минерве было грустно сознавать, что телевидение напоследок попотчевало мать Спайка подробным описанием его гениталий и их работы из уст какой-то ссыкушки. Даже те из англичан, которых это нисколько не интересовало, знали миллион подробностей сексуальной жизни Спайка — они сами со всех сторон лезли им в уши и глаза.

И вдруг ее пригласили на похороны.

Раздался телефонный звонок.

— Здравствуйте. Вас беспокоит Джим Матток, брат Спайка. Как поживаете? Прискорбно, что я вынужден звонить вам по такому мрачному поводу…

Они не общались уже много лет.

— Вам удобно сейчас разговаривать?

— Да, да, конечно. Мои соболезнования в связи с кончиной вашей матери.

— Вы знаете, отец вас помнит. И просит приехать на похороны — в четверг.

— Приехать? — В ее голосе была искренняя растерянность.

— Мама в последнее время часто повторяла папе, что вы были бы лучшей женой Майку. И ей очень досадно, что у вас не сложилось… — С неловким смешком Джим прибавил: — Маме хотелось внуков. А мы *все*разочаровали ее в этом отношении…

Джим был гомосексуалистом. А Спайк… Спайк был Спайк.

— Конечно, если вы откажетесь приехать, я вас пойму и осуждать не стану…

Но она без колебаний согласилась.

В ночь после этого звонка Минерва не могла заснуть. Не могла заснуть, потому что не могла мастурбировать. Не из каких-то моральных соображений. Просто не получалось. Пыталась снова и снова, однако экран на потолке, казалось, навсегда погас. Лезли в голову всякие воспоминания про реального Майка. И этот реальный Майк быстро вытеснял приятный во всех отношениях фантом, с которым она была вольна делать что угодно.

Минерва выбралась из постели, пошла на кухню, налила себе стакан дешевого белого вина. Внутри всё вибрировало от злости и досады. Опять этот сукин сын кинул ее. Развернулся и ушел, оставил ее с пустыми руками.

На следующую ночь повторилось то же самое. И на следующую. В ночь перед похоронами Минерва хотела принять снотворное, но передумала. Весь следующий день она будет заторможенной, наполовину невменяемой. Еще подумают, не дай Бог, что она обколотая. Ее пальцы долго и бесполезно теребили клитор. Незваные картинки прошлого ломали весь кайф.

Когда Майк переехал к ней, она жила по другую сторону реки. Тесная однокомнатная квартирка в Финсбери-парк — зато удобно, в двух шагах от его родителей. Своего дома у Майка прежде не было: ночевал по друзьям или у подружек. Когда везде случался облом, приходилось ночевать у родителей, в одной комнате с младшим братом. Не самый лучший расклад для рок-музыканта. Впрочем, тогда он величал себя рок-музыкантом без особых оснований.

— Привет. Меня зовут Майк. Я — рок-музыкант.

Так он начал разговор, подкатив к Минерве в баре.

Ее подруга с энтузиазмом заулыбалась.

— Класс! А в какой группе играешь?

Сама Минерва только губы поджала. Но именно ее пытался клеить этот «рок-музыкант». У него было диковинно симметричное лицо. Идеальные пропорции. Как у красавца с иллюстрации к слащавому рассказу в журнале для девочек-подростков. «Он на тебя явно запал!» — сказала ей позже подруга. В ее голосе звучали зависть и обида. На это Минерва отозвалась сухо: «У него разделенная любовь с самим собой. Я ему до одного места».

И тем не менее они стали встречаться. Уже через две недели Майк перевез свои пожитки — гитару да старенький чемодан — в ее квартирку, и они зажили на пару.

Она помнила ту комнатку до мелочей. Надбитая раковина умывальника, исцарапанный гардероб, электрическая плитка на комоде, большущий камин, в котором они зимой и летом холодили молоко… Но самым важным в комнате была широкая кровать — полигон для занятий сексом. Матрац пропах потом и спермой. Трахались они на все лады и с неослабевающим энтузиазмом. Наркотики пошли потом — идея Майка. До него Минерва, больничный работник, не воспринимала их как способ развлечения. Именно Майк открыл ей глаза.

Однажды ночью, вернувшись после дежурства, она застала дома целую ватагу незнакомых ей парней. Они слушали какую-то паршиво записанную кассету.

— Мини, любовь моя, — провозгласил Майк, — знакомься, моя группа. Мы называемся «Спайк». А то, что ты слышишь, наш первый сингл. Будущий хит!

Через несколько дней Майк обрил голову наголо и стал величать себя Спайком. Отпетый эгоист, он даже не замечал, какую ношу взвалила на себя его подружка. В ближайшие полгода она, продолжая вкалывать в больнице, тащила группу на себе — оплачивала репетиционные помещения, договаривалась об их концертах во второразрядных пабах по всему Лондону, а потом сидела в уголке очередного грязного и вонючего заведения и слушала, как они выступают. Она же поначалу организовывала подружек для пополнения публики.

Впрочем, довольно скоро необходимость в этом отпала. Девицы сходились на концерты толпами, группа быстро обрастала фанатками. Минерва внешне никак не проявляла свою ревность и вопросов не задавала. Спайк сам однажды завел разговор на эту тему: мол, все эти бабенки — шелуха, просто помогает раскрутиться и способствует продаже записей. Ты моя единственная. Одной тебе я принадлежу.

Они лежали голые в постели. Было утро, она только что вернулась после ночного дежурства. Спайк взял ручку и склонился над животом Минервы.

— Прекрати, щекотно! — закричала она.

— Терпи. Я даю тебе автограф.

«Сп…» успел он написать. На «а» он уже вошел в нее, ручка полетела в сторону.

Потом группе предложили турне по Америке. За гроши, по занюханным городкам. Но — Америка!

Минерва засобиралась в дорогу, однако Спайк смущенно остановил ее. «Было бы чудесно поехать вместе в Америку… Да только ты сама подумай, что это будет за жизнь для тебя! В тесном фургончике или в одной гостиничной комнате с кучей мужиков. Переезды, переезды, нервотрепка… В следующий раз, когда условия будут более человеческие, я тебя непременно возьму с собой». Однако и в следующий раз она осталась в Лондоне — «извини, ребята договорились не брать подружек». Третье турне было классом выше — почти три месяца и не по всяким дырам. Конечно, он опять не взял ее с собой. Зато в середине гастролей она уломала его, и он позволил ей прилететь на несколько дней в Лос-Анджелес.

С собой Минерва, трясясь перед таможней, везла целую сумку разных наркотиков — украденных или полученных по фальшивым рецептам. Спайк заказал их списком. В номере отеля он уже через две минуты завалил ее на постель. Но трахался торопливо — спешил пролистать привезенные ею музыкальные журналы. Пишут ли про них и что именно?

Дальше хуже. У кромки бассейна выяснилось, что она убого-

белая на фоне местных загорелых красавиц. И вообще она была тут какая-то лишняя, и окружающие плохо скрывали, что она тут лишняя. А в самолете на обратном пути у нее вдруг нестерпимо зажгло и зачесалось между ногами. Впрочем, ничего ужасного. Банальный триппер. В наше время лечится быстро…

Пальцы Минервы давно замерли на клиторе. Безнадега. Она тупо смотрела в потолок. И вдруг ни с того ни с сего там вспыхнул, как встарь, экран. И она увидела Спайка, голого, возбужденного, с членом чуть ли не вдвое больше обычного. Руки и ноги Спайка привязаны чулками к стойкам кровати. Мысленно Минерва склонилась над ним. И кончила в несколько секунд.

Еще через несколько секунд она спала как убитая.

Когда наутро Минерва проснулась, даже на улице распогодилось. Серые дома за окном глядели весело через грязное стекло. Кот запрыгнул ей на грудь. Она чмокнула его в нос. Кот сердито фыркнул и вырвался. По дороге из спальни и в кухне, готовя завтрак, Минерва бодро насвистывала. Никогда прежде она не насвистывала по утрам. Было ощущение, что она легла спать в холодный злой декабрь, а проснулась в ласковый теплый апрель.

Заупокойная служба начиналась в час дня. Поэтому Минерва приняла душ и без спешки выбрала, что надеть. Голой она задержалась у зеркала и увидела себя новыми глазами, словно со стороны. Для сорока лет очень даже ничего. Немного жирка на боках. Ну и щиколотки раздуты — это оттого, что она днями на ногах. Волосы густые, живые и длинные, приятно каштановые — хорошо подкрашены.

Одевшись — строгая белая блузка, строгая черная юбка до колен, прозрачные темные колготы, — она опять залюбовалась собой в зеркале и сказала коту:

— Прямо как школьница! Спайк ведь любит девочек… Или нет, я так больше похожа на горничную в отеле. Хотя Спайк, конечно, и горничными не брезгает, но… не пойдет.

Минерва всё с себя сбросила и зашуровала по шкафам. В итоге она надела черную шелковую юбку в обтяжку, пикантную белую сорочку, черные туфли на высоких каблуках и черные чулки — пояс пришлось искать по всем ящикам, сто лет не носила. Крутясь перед зеркалом, она ощущала себя королевой.

Выйти из дома она решила с большим запасом. Надо было попрактиковаться в забытой ходьбе на высоких каблуках. Потом можно посидеть в каком-нибудь кафе.

В подземке ей вдруг вспомнилось, как Спайк дал ей отставку: трусливо, по телефону из Лос-Анджелеса, он сообщил, что разрывает их помолвку. Не хватило смелости сказать в глаза.

Если бы он сформулировал иначе: больше не нуждаюсь в твоих услугах, но за прошлое — большое спасибо, — она бы осталась с меньшим камнем на душе. Но спасибо он не сказал.

Дурацкие воспоминания. Не хочется портить ими такой замечательный день.

По пути к церкви она присела в турецком кафе — съела пирожное, выпила кофе. Пирожное было чудесным, кофе — замечательным. Похоже, ее вкусовые сосочки на таком же взводе, как и она сама. Каждый кусочек пирожного и каждый глоток кофе приводили Минерву в экстаз, близкий к оргазму. Все кругом было свежо и красиво и переливалось всеми цветами радуги. Ей пришлось напомнить себе, что она идет на похороны.

К церкви Святого Иуды она сознательно пошла в обход, чтобы не проходить по улице, где жили Маттои. Она подозревала, что это будут не совсем обычные похороны, но реальность превзошла ее ожидания. Минерва была несколько шокирована обилием полиции и выставленными вокруг церкви переносными барьерами.

Толпа зевак собралась приличная. В основном девицы с тощими букетиками в целлофане. «Отнюдь не для его матери, — брезгливо подумала она. — Для Спайка».

Распорядитель в строгом черном костюме нашел ее имя в списке и провел к входу.

— Спасибо, — сказала Минерва. — Я предпочитаю остаться на свежем воздухе.

Она отошла в сторонку от готического портала и наблюдала за подходящими. Ни одного знакомого лица.

Вскоре появился украшенный цветами катафалк. За ним, так же медленно, следовал лимузин. Первым из лимузина появился Джим и помог выбраться отцу. Последним вышел Спайк, похоже, слегка потерянный. Словно он в новом концертном здании и никто не сказал ему, где гримерная. Девицы принялись скандировать его имя. Спайк остановился и стал угрюмо кивать головой. В одну сторону, в другую, в третью… Джим ждал брата несколько секунд, не дождался, взял отца под руку и направился к входу в церковь. Заметив Минерву, он подошел к ней.

— Спасибо, что пришли. Если хотите, пойдем вместе. Сядете впереди, перед нами.

Джим правильно понял ее взгляд.

— Идем, папа, — сказал он. — Нас ждут.

Напоследок он шепнул Минерве:

— Садитесь, где вам удобнее. Но после… надеюсь, вы заглянете к нам в дом?

Когда у портала появился наконец Спайк, она вся зарделась.

А он не обратил на нее внимания. Прошел как мимо пустого места.

В церкви она села в заднем ряду. Но пялилась на Спайка неприлично настойчиво. Когда он вышел читать отрывок из Библии, Минерва рассмотрела его особенно хорошо. Чудесный калифорнийский загар, волосы выгорели на солнце. Одет с иголочки. И для Финсбери-парк избыточно шикарен. Конечно, не так красив, как в ее ночной фантазии, однако по-прежнему очень хорош собой. Минерва ощущала влагу между своих ног.

До нее не сразу дошло, что Спайк уже не читает, а поет без инструментального сопровождения песню, которую он якобы накануне сочинил в память о своей матери. Допев до конца, Спайк сообщил название: «Обещаем вечную любовь». Собравшиеся коротко поаплодировали, смущаясь неуместности собственных хлопков.

После окончания церемонии снаружи поджидали фото- и телекамеры. Покрутившись перед ними должное время, Спайк впрыгнул в подъехавший второй лимузин и укатил в отель. На поминках дома в тот вечер он так и не появился.

В свое время Майк любил повторять Минерве: добиться можно чего угодно, нужно только желание; сосредоточься целиком на цели — и непременно победишь. Что ж, он был прав. У Минервы не было определенного плана, зато было огромное желание. Она целиком сосредоточилась на цели — и всё стало получаться с поразительной простотой. Само пошло.

В больнице наутро после похорон в самом начале дежурства она слышала, как тощая грудастая, исключительно хорошенькая девица, очевидно, дешевая шлюха и наркоманка со стажем, выпрашивает у врача метадон. Тот сердито отмахивался: «Девочка, вы с чем сюда пришли? Фурункулы метадоном не лечат!»

Девица выдавала себя за восемнадцатилетнюю, хотя ей вряд ли было больше пятнадцати. Минерва сразу сообразила, что такая придется по вкусу Спайку.

Она нагнала сердито шагающую прочь девицу и сунула ей в ладонь упаковку флунитрацепама. Та удивленно воззрилась на медсестру.

— Могу и еще дать и чего получше, — шепнула ей Минерва.

— А что взамен? — деловито осведомилась профессионально-смекалистая девица.

— Вас ведь Лаура зовут, да? А я Минерва. Отойдем в сторонку, чтобы внимание не привлекать.

На улице она объяснила девице свой план. Лаура врубилась сразу, без уточняющих вопросов. Договорились встретиться ближе

к вечеру в кафе в центре города. Минерва дружила со всеми сестрами — если она скажется больной после вчерашних похорон и закончит дежурство раньше положенного, они отнесутся с пониманием и разберут между собой ее работу.

Девица опоздала на двадцать минут и вызвала маленький фурор в кафе. Все мужские головы повернулись в ее сторону. Как и было велено, Лаура сменила манеру держаться и оделась предельно провокационно: цветастая юбчонка едва прикрывает трусы, голый живот, кроссовки с белыми низкими носочками, подростковая малиновая сумочка. Теперь она выглядела как двенадцатилетняя хорошенькая дылда, которая пытается походить на свою старшую сестру. Минерва довольно констатировала: от такого лакомого кусочка Спайк не откажется. Джим сообщил ей, в каком номере какого отеля остановился его брат. Передавая Лауре запечатанный конверте деньгами, она сказала:

— Остальное после дела.

Девица на вид заслуживала доверия. Но, черт ее знает, такие могут цапнуть, что в руки попало, и кинуть заказчика, игнорируя грядущий большой куш.

Минерва поведала Лауре почти всю правду, и поэтому ее рассказ звучал вполне искренне и убедительно. Мол, Спайк, старый дружок, бросил ее как только стал знаменит. Поэтому он ей задолжал как минимум один хороший прощальный секс-марафон. План простой: Лаура соблазняет Спайка, разогревает его и в нужный момент вкалывает ему ампулу рохипнола (самый модный препарат для изнасилования), а затем наступает черед Минервы.

Лаура с энтузиазмом одобрила всю авантюру. Одно ей было непонятно: зачем Минерва так скучно одета? Ну прямо как горничная в отеле!

Перед встречей Минерва успела сделать все необходимые приготовления, забежать домой и переодеться. На ней было то, что она планировала надеть на похороны сначала: строгая белая блузка, строгая черная юбка до колен, темные колготки. Приехала она во взятой напрокат машине. Выйдя из кафе, они направились в «Мейфэр».

Минерве повезло сразу найти место на стоянке возле отеля. Она проследила за Лаурой — та без проблем прошла внутрь. И не возвращалась. Не возвращалась так долго, что Минерва поняла — все в порядке.

Через условленное количество времени Минерва вошла в отель. Никто и слова ей не сказал — возможно, приняли за одну

из горничных.

Как и уславливались, номер Спайка не был заперт. Минерва на цыпочках пересекла прихожую и, приоткрыв дверь спальни на два пальца, увидела Спайка на Лауре. Его голый зад ходил вверх-вниз. Лаура заметила Минерву и вопросительно смотрела на нее. Та кивнула. Лаура нашарила рукой припрятанный крохотный шприц и всадила его в правую ягодицу Спайка. Тот, в запале, ничего не почувствовал, потому что девушка в тот же момент царапала ногтями его левую ягодицу.

Через несколько секунд Спайк был готов. Минерва зашла в комнату и помогла Лауре выбраться из-под него. Она прикрыла дверь спальни, стащила Спайка с постели, привалила спиной к стене и стала одевать.

— Эй, ты чего затеваешь, подруга? — удивленно спросила Лаура. — Ты же с ним трахаться собиралась?

— Да, но не здесь. А у себя дома.

— Совсем рехнулась! Как мы его доставим к тебе — в таком состоянии?

Но, как верно говорил Спайк, было бы желание! А смекалка не подведет. Минерва налила стакан воды, бросила в него таблетку, пошлепала Спайка по щекам, а когда тот открыл глаза, с профессиональной сноровкой заставила его выпить стакан до дна. Было очевидно, что глаза певца хоть и открыты, но он ничего не соображает.

Вдвоем они одели Спайка и под видом пьяной компании — Лаура со Спайком в обнимку, Минерва временами подпирает их обоих — без затруднений вышли из отеля.

Спайк, хоть ничего и не понимал, однако ногами благодаря таблетке перебирал более или менее исправно.

У ближайшей станции подземки Минерва высадила Лауру — отдав наркотики и вторую часть гонорара. Домой она ехала предельно осторожно, боясь превысить скорость или нарушить правила как-нибудь иначе и угодить в разборку с полицией. Извлечь Спайка из машины и поднять в лифте на нужный этаж для нее было делом плевым — она привыкла ежедневно таскать на себе больных. Главное — не слишком привлекать внимание соседей. По счастью, в этот поздний час все сидели перед телевизорами.

Спайка она положила на загодя очищенный и раздвинутый кухонный стол. Он играл роль трупа отлично, не подавал голоса и не сопротивлялся, когда его раздевали. Кот с интересом наблюдал за происходящим. Пока Минерва ходила за чулками, он запрыгнул Спайку на живот, удобно расположится и начал

умываться. Хозяйка согнала его и стала привязывать чулками руки и ноги Спайка к ножкам стола. Для верности она и торс прихватила дополнительно принесенной веревкой. Затем сходила в ванную и основательно вымыла руки. Когда она вернулась, Спайк постанывал. Минерва наклонилась над ним, пощупала его лоб, затем протерла спиртом его руку на сгибе и сделала ему необходимый укол.

К тому времени, когда она принесла таз с водой и полотенца, Спайк опять не подавал никаких признаков жизни. Минерва аккуратно протерла антисептиком его живот — где сидел кот. Затем тщательно вымыла гениталии Спайка, не забыв оттянуть кожу с головки его члена. После этого она вытерла тело насухо стерильными полотенцами и взяла шприц с простагландином Е1 — диво-наркотиком, который обожают молодые врачи. Вообще-то это лекарство для маленьких детей с дыхательными проблемами. Но некий пытливый малый давно обнаружил, что укол простагландина Е1 в пенис обеспечивает «торчок» минимум на час. Причем эрекция получается ненатуральной, фантастической силы. И действительно почти мгновенно после укола член Спайка ожил, зашевелился и стал расти на глазах.

Улыбаясь и напевая себе под нос, Минерва открыла лежащую на стуле черную коробку. Если платишь наличными, в южном Лондоне можно раздобыть любую экзотическую вещь. Даже удлинитель не пришлось искать — у татуировочного пистолета был удобный длинный провод.

Минерва щелкнула выключателем и приступила к делу. Машинка оказалась тяжелее, чем она думала, и работать приходилось в неловкой позе. Первая линия пошла зигзагом. Минерва остановила аппарат, промокнула кровь с члена. Разумнее будет сперва наметить шариковой ручкой. Крепко держа член Спайка в левой руке, она вывела на его нижней стороне: МИНЕРВА. Но буквы получись кривоваты. Она, как могла, стерла их мокрой тряпкой, еще раз прошлась по члену раствором антисептика и расписалась снова, уже в сокращенном варианте: МИНИ. Спайк именно так любил ее звать.

Аппарат застрочил — тридцать укольчиков в секунду Кровь и чернила мешались друг с другом. Минерва периодически останавливалась и, для верности, протирала место работы обеззараживателем.

Закончив, она отступила полюбоваться итогом. Для первого опыта смотрится неплохо. Однако чего-то не хватало. Верхняя поверхность члена была досадно голая. Минерва опять, уже уверенной рукой, взялась за дело. Предстояло написать длинное слово: СМОЛЛВУД.

Спайк всё это время то приходил в себя от боли, то опять вырубался. Он слышал какое-то истеричное повизгивание, словно работал зубной бор, но жужжание доносилось откуда-то издалека — возможно, из соседней комнаты. Во рту стоял странный привкус чего-то жженого. Член по-прежнему горел как ошкуренный. Однажды Спайк попытался приподняться, но, странное дело, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Единственное, что он сумел, — чуть изменить положение головы и упереть подбородок себе в грудь. Он увидел свой вертикально стоящий член, поразительно огромный и могучий. Между ногами Спайка кто-то стоял. С чем-то похожим на дрель в руках.

Страшно не было. Спайк просто удивился.

— Ну и дела… — сказал он и опять потерял сознание.

Святая заступница всех увечных

В шезлонге у бассейна отеля «Иден Уэст» Пусси дурела от скуки. От скуки в ее последней стадии, более близкой к прострации. Ни желаний, ни злости… Все жизненные функции прекращены, однако тело каким-то чудом продолжает влачить существование без аппарата искусственного дыхания и прочих дорогих реанимационных наворотов.

Пусси смотрела на воду — просто потому что голова была в ту сторону повернута. Еще даже не полдень, целых четыре часа до совещания. Можно, конечно, начать пить. Тоже занятие. Но лечить отупение отупением — дело сомнительное.

Неслышными шагами подкрался официант и поставил на столик рядом с ней высокий стакан с ледяной водкой и клюквенным соком. Решение словно само напрашивалось.

«Сочиню-ка я песню, раз лучшего дела нет», — подумала Пусси, взяла стакан и сделала глоток. На другой стороне бассейна знакомый по фильмам актер средних лет, тоже в шезлонге, заметил ее движение и солидарно поднял свой стакан. Пусси встрепенулась: актер зацепил на секунду ее внимание. У него был торс атлета и до смешного маленькая голова. Пусси рывком села прямее, схватила записную книжку и записала первое, что пришло в голову: «Ужасный мир, но другого места для жизни нет. Горячий ветер дует с пустыни, а у всех скорпионов — крылья. Опасности кругом, всё на свете жжет и кусается».

Чушь собачья. «СОСРЕДОТОЧЬСЯ!!!» — написала Пусси приказ самой себе.

На последней вечеринке она напилась и с кем-то ушла.

Позже выяснилось — молодой красавец с телевидения по фамилии Черчилль. Проснувшись наутро с его членом во рту, она не сразу разобралась, где она и с кем. Но потом одобрила свой выбор. Трахается как бог, а вдобавок еще и поэт.

Единственное паршивое в этой истории — она забыла в то сладкое утро, что у нее запись в студии. Джек, менеджер, рвал и метал. Студийное время — штука дорогая. К тому же Пусси решительно отказывалась включать в альбом те песни, которые предлагал он. Но если не желаешь петь чужие песни — надо писать свои. А что-то не пишется…

Пусси потянулась за сигаретой… Черт, она в Калифорнии — курильщикам тут хуже, чем прокаженным в средневековом городе. Из-под целлофановой обертки пачки высовывалась визитная карточка. Ах да, это от того деликатного мужчины, водителя лимузина. Она была до такой степени на рогах, что

забыла отпустить его. Парень до утра прождал на подъездной дороге к ее особняку. И потом ни словом не упрекнул, когда она выбежала извиняться и ехать по делам.

Во время этой поездки Пусси заметила иконку, которая свисала на цепочке с зеркала заднего обзора.

— Ой, святая Дафна! — воскликнула она.

— Совершенно верно, — с удивлением отозвался водитель. — В наше время не так-то много людей, которые сразу узнают святую Дафну.

— Моя любимая святая. Такая красивая. Я про нее впервые услышала еще девочкой и сразу влюбилась. Отец принуждал ее к сожительству. Она наотрез отказалась. Тогда папочка отрубил ей голову. Дафна умерла девственницей. Пусть и без головы, но в другом отношении совершенно целая. — Пусси смущенно хохотнула.

— Она святая заступница всех потерявших конечности, всех заблудших и всех безумных, — очень серьезным тоном сообщил водитель.

— А вы к числу которых принадлежите? — спросила Пусси, не в силах преодолеть неуместную игривость.

Водитель, не отрывая глаз от дороги, вдруг разговорился. И поведал ей всю свою историю. Как он изображал на сцене Джима Моррисона. Как после автокатастрофы ему было откровение. Какой успех он имел в Германии — собственное телешоу. И как однажды он проснулся и понял: баста, не хочу больше этим заниматься. И всё бросил. Навсегда.

Слушая его, Пусси время от времени вздрагивала. Словно она лежала в гробу, а кто-то топал ногами на ее могиле.

На перекрестках люди с любопытством заглядывали в окна машины.

— В раю у всех лимузинов будут затемненные стекла, — сказала Пусси. — Я буду видеть всех, а они меня — нет.

— Где-то я слышал, — кивнул водитель, — будто есть специальный рай для знаменитостей. Чтобы они имели покой. Ведь не все же фанаты попадают в ад.

Пусси рассмеялась.

— Да, страшно даже представить: ангелы-папарацци! — сказала она, с отвращением передергивая плечами. — Бесплотные духи просят у тебя автографы. И ты до скончания вечности подписываешь бесплотной ручкой бесплотные афишки. Вот *настоящий* ад!

После долгого молчания она добавила:

— Знаете, в детстве мать даже водила меня к психиатру — до того я боялась толпы!

— Похоже, вы здорово ошиблись при выборе профессии!

Через зеркало заднего обзора они обменялись улыбками. Улыбка Пусси была грустной-прегрустной.

Ее вдруг тоже прорвало. Она рассказала про смерти дорогих ей людей, про свой затвор. Разделяющее их стекло с дырочками делало лимузин похожим на кабинку-исповедальню. Весьма комфортабельная исповедальня — с кондиционером, мини-баром и телевизором.

— Вы никуда не спешите? — спросила Пусси. Водитель отрицательно мотнул головой. — Тогда давайте просто покатаемся.

И они поехали к морю.

В отель она вернулась только к темноте.

Джек, менеджер, поджидал ее в холле белый от злости. Она забыла, что у нее встреча со студийными боссами. Конечно, он уже звонил кому надо и наплел, что у нее живот прихватило. Но ей он кричал, что на ТАКИЕ встречи даже покойники встают и плетутся!

Сейчас у Джека снова была причина для раздражения.

— Пьешь? — сказал он, появляясь из ниоткуда возле ее шезлонга. — Прошлую встречу проманкировала, а эту хочешь просрать? Ты хоть понимаешь, решения какой важности сегодня предстоят?

— Понимаю.

— Чтоб в три часа была как штык!

— Встреча в четыре. И в двадцати минутах езды отсюда.

— Хватит мне неожиданностей! И не лежи на солнце — разморит. Ты мне нужна с ясной головой!

Он сбросил халат и нырнул в бассейн.

В три часа в ее номере раздался звонок. В трубке — голос Джека:

— Машина ждет у выхода. Я за тобой зайду.

— Не надо. Встретимся внизу, в холле.

— Только чтоб прямо сейчас!

— Ладно, прямо сейчас.

— Не появишься через пять минут — сам приду.

В холле Джек расцвел ей навстречу искренней улыбкой: она постаралась и выглядела отлично.

— Душечка, ты — сказка! Давай быстренько провернем все дела и вместе поужинаем. Я угощаю. Думаю, нам будет что праздновать.

Ведя ее к машине, он сообщил по сотовому: уже едем.

Тем не менее Маленький Будда заставил их ждать до половины пятого. То ли для солидности, то ли в наказание за неприход на предыдущую встречу. В комнате для совещаний было много знакомых и полузнакомых лиц.

— Рассаживайтесь, будьте как дома, — гремел Маленький Будда, проводя Пусси на самое освещенное место в этой и без того ярко освещенной комнате. Когда все расселись за огромным овальным столом, Маленький Будда собственноручно нажал кнопку стереоаппаратуры и сказал с усмешечкой: «Ну, с Богом!»

После того, как отзвучали все песни чернового альбома, начальник репертуарного отдела держал паузу добрую минуту.

Подчиненные внимательно вглядывались в его непроницаемое лицо, чтобы навесить на себя ту мину, которая появится на физиономии Маленького Будды.

Однако он не позволил лицевым мышцам никакой игры. Откинулся в кресле, положил ноги на стол и произнес врастяжку:

— Ну, ну… До чего же у вас голос хорош! Ах, что за голос! Эротика высшей пробы. Юноши всех возрастов обкончаются. Но…

Все присутствующие невольно подались в своих креслах в сторону его скошенных к потолку подошв.

Джек нахмурился, а Пусси вздрогнула.

— Но… — повторил Маленький Будда, шумно сбрасывая ноги со стола, — но голос сам по себе много ли стоит? Если к голосу ничего не приложено — извините, это пустой номер. К голосу нужна хорошая песня. К голосу нужна хорошая музыкальная *группа.*

Подержав паузу, он заговорил дальше, теперь нагнетая воодушевление:

— Я вас люблю, Терри Аллен. Для меня вы, черт возьми, *само совершенство.* Если бы решал только я, бросил бы всю компанию к вашим ногам: берите деньги, берите нас, записывайте что хотите — мы ваши покорные восхищенные слуги. Однако мы живем в условиях рынка, дорогая моя. А рынок — еще тот сукин сын. Ему плевать, что вы гениальная певица. Ему плевать, что вы можете перепеть любую — *любую*— другую певицу в этой стране! Господину рынку подавай не просто вас, а то, чего он желает. То есть вас *с приложениями.* Вас — и отменные песни. Вас — и любимых публикой музыкантов за вашей спиной. А что я слышу на этом диске? Вас и только вас. Песни так себе. Подыгрывает — неизвестно кто. Вы ничем *не подпёрты.*

Студийцы наконец уловили, куда ветер дует, и с задумчивым видом принялись кивать головами.

Пусси сидела с помертвелым лицом.

— Но могу сказать, *где*я вижу выход. — Маленький Будда торжественно хлопнул обеими ладонями по столу. — «Пусси». Не зря группа была легендой в свое время. Не зря люди и сейчас желают видеть ее возрожденной. Надо идти навстречу народу!

Пусси метнула отчаянный взгляд на сидящего рядом Джека. Тот сидел, потупив глаза.

— Народ хочет воссоединения «Пусси», — провозгласил Маленький Будда. — Публика требует.

И вокруг стола зашелестело «Пусси», «Пусси», «Пусси». Все заулыбались, ибо услышали слово, и слово было от начальника репертуарного отдела, и слово было прекрасно, потому что было от начальника репертуарного отдела.

— Джек, — шепнула Пусси, — чего ты молчишь?

Ее менеджер только смущенно улыбнулся и потрепал ее по бедру.

— Ладно, тогда я сама.

Пусси встала и решительно заявила:

— Извините, вопрос этот сто раз обговорен и решен бесповоротно. Вариант с «Пусси» я абсолютно исключаю.

Повисло долгое молчание.

Пусси села и уставилась в стол.

Маленький Будда вздохнул, крякнул и встал.

Подойдя к Пусси с самой детской из своих детских улыбок, он совсем иным, интимным тоном сказал:

— Представьте себе, что мы с вами сейчас одни в комнате. Всех этих козлов просто не существует. Только вы и я. Речь идет о музыке. О том, как донести ваш талант до публики. Для меня важно лишь одно: донести ваш талант до публики. Чтобы она приняла его. И оценила. И насладилась. Успеха вы сможете достичь лишь в *тесном*сотрудничестве со мной. Я знаю, как работает этот бизнес. Положитесь на меня. Думайте только о музыке, обо всем остальном я уже подумал. Время нынче непростое. Народ не покупает диски наугад, народ хочет потратить свою потом и кровью заработанную денежку на что-то проверенное, *известное.*А «Пусси» знают все… Нет-нет, не торопитесь возражать, сперва выслушайте до конца! Я не требую, чтобы вы до конца карьеры работали с «Пусси». Сделайте с ними только один альбом. Вам нужно опять раскрутиться. А это самый надежный путь, возможно, единственный путь для вас. Впрочем, «возможно» я брякнул просто так, для красоты. Это *единственный*путь вернуться в бизнес. Итак, сделайте альбом с ними. И тут же займемся вашим сольным альбомом.

Пусси упрямо помотала головой.

— «Пусси» мертва.

— Чтобы возродиться из пепла, Феникс должен умереть, — с усмешкой парировал Маленький Будда. — «Пусси» заждалась на стадии пепла.

— «Пусси» *не имеет права* на возрождение!

Пусси старалась сдерживать себя, но в голосе прозвучали истеричные нотки.

Маленький Будда вдруг словно заколебался. Джек прежде помалкивал, чтобы случайно не испортить заранее обговоренный сценарий. И теперь сердито уставился на Маленького Будду, который, похоже, сам намеревался сломать последовательность событий.

Однако глава репертуарного отдела был в импровизационном ударе.

Глядя Пусси прямо в глаза, он с чувством произнес:

— Я поговорил со всеми бывшими участниками группы. И *все*стопроцентно за воссоединение.

Тут Пусси сорвалась почти на визг:

— Мне жаль, что вы впустую тратите свое бесценное время! Мне жаль, что вы внушаете Робби, Чэзу и Джонни пустые надежды! Мое мнение неизменно: «Пусси» больше не существует и существовать не может. Душой группы был Тейлор. Без него она просто древняя история. Тейлор умер, и «Пусси» умерла. Навсегда.

Сидящий рядом Джек вдруг напрягся. Она в недоумении обернулась к нему, но он лишь пролепетал:

— И-извини, душечка…

Маленький Будда торжественно взял ее руки в свои и, наклонившись почти к ее уху, негромко сказал:

— Ведь я сказал — «поговорил со *всеми*участниками группы». *Тейлор тоже согласен.*

— Что… что… — прошипела красная от злости и растерянности Пусси, вырывая руки. — Это глупая, глупая шутка!

Она повернулась к Джеку.

— Идем отсюда!

Джек сидел как нашкодивший пес.

— Да не будь ты тряпкой! Свет на них клином не сошелся! Найдем другой лейбл. От этих ребят меня тошнит.

— Не сердись, — наконец отозвался Джек, — я тебя не обманывал. Я сам почти только что узнал.

— Узнал *что?* — закричала Пусси.

Маленький Будда довольно улыбался, следя за их перепалкой.

— Его нашли и доставили сюда, — сказал Джек. — Вчера прилетел.

— *Что ты несешь?*

— Тейлор жив. Он просто скрывался. Вся группа уже собрана в Лос-Анджелесе. Но *эти,* — тут Джек метнул злой взгляд на Маленького Будду, — мне ничего не говорили. До последнего момента.

У нее закружилась голова. Она больше не воспринимала звуки. Люди кругом шевелили губами, однако она ничего не слышала. Маленький Будда едва успел отскочить — Пусси стошнило на ковер, обильно. Раз, потом еще раз.

Джек встревоженно обнял ее.

— Пошел вон! — оттолкнула она его. — Сволочь!

— Ну вот, кто же мог ожидать, что это ее так *нехорошо*потрясет, — сказал Джек Маленькому Будде. — Нам бы сейчас дать ей отойти и успокоиться…

— Ладно, пятиминутный перерыв, — провозгласил Маленький Будда.

Некоторые из его подчиненных, в плену нездорового любопытства, остались сидеть за столом. Начальник замахал руками: все прочь, прочь!

Секретарша Маленького Будды прибежала с рекламной тенниской и накинула ее на рвотную массу на полу.

— Туалет на этаже, вторая дверь направо. Если вам, Терри, что нужно, мы рядом — в соседней комнате.

Когда все, кроме Джека, удалились, Пусси немного пришла в себя. Выглядела она ужасно — бледная, глаза безумные.

— Где он? — выдавила она наконец.

— Во второй студии, в Бербанксе. Остальные члены группы здесь. Клянусь тебе, Терри, я до самого последнего ничего не знал.

Он смотрел на нее молящими глаза. Так на нее всегда смотрели мужчины, которые мечтали залезть ей под юбку.

Пусси встала. Ноги подламывались. Блузка испачкана.

— Хочешь воды? Или чего-нибудь покрепче?

Не обращая внимания на Джека, Пусси сменила блузку на рекламную тенниску — в углу на столике лежала целая стопа теннисок и бейсболок.

— Ты мне не нужен, Джек. Проваливай. Сама справлюсь.

На лестнице она надела бейсболку козырьком назад и стала похожа на подростка с большого бодуна. Пошатываясь, спустилась на первый этаж, пересекла огромный холл и вышла на улицу.

Охранники ее не узнали и проводили презрительными взглядами.

По широкой улице в обе стороны густо неслись автомобили.

Не глядя по сторонам, под визг тормозов, Пусси перешла к торговому центру напротив, нашла лавочку, села и достала пачку сигарет. Курила истово, торопливо, прикуривая одну сигарету от другой. Прохожие осуждающе на нее косились.

Под целлофаном по-прежнему лежала визитка лимузинщика. Пусси достала сотовый и набрала номер.

Пять сигарет спустя подкатил лимузин. Из него выскочил Рив и открыл заднюю дверцу.

— Куда едем?

Вызывая машину, Пусси собиралась ехать к Тейлору. Теперь она передумала.

— Куда едем? Отсюда. К ебене матери.

— Как прикажете, — сказал Рив, развернул машину и покатил к выезду на шоссе.

Святая Дафна приплясывала на цепочке.

* * *

Сильвия Симмонс — одна из известнейших рок-журналистов в мире, звезда «MOJO», «Rolling Stone» и «Creem» и автор культовых биографических книг о Серже Гейнсбурге и Ниле Янге.

notes

Примечания

1

Прозвище основано на созвучии фамилии Матток и слова «батток» — «ягодица». — *Примеч. пер.*